

6631

14
ШАЛВА ДАДИАНИ

ПУШКИН В ГРУЗИИ

ЗАРЯ ВОСТОКА

С (ГРУЗ)
Д. 14.

ШАЛВА ДАДИАНИ

ПУШКИН В ГРУЗИИ

повесть

ПЕРЕВОД С ГРУЗИНСКОГО
ДАВИДА ШЕРМАН

НБ ПНУС

6631

„ЗАРЯ ВОСТОКА“

ТБИЛИСИ

1939

6631
1599

14003-1615
1853
НБ ПНУС

Обложка и титульная страница—
художника Н. ЧЕРНЫШКОВА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПУШКИН

ДАРЬЯ БЕКТАБЕГОВА

СТАРАЯ КНЯГИНЯ — ее свекровь

ПЕТО БЕКТАБЕГОВ — ее деверь, чиновник для поручений
при военном губернаторе

НЯНЯ в семье Бектабеговых

ПИРИМЗИСА — дворовая девушка

ОТЕЦ ее

ТУЛУХЧИЕВ — негодник

ЖЕНА }
ДОЧЬ } Тулухчиевы

БЕРОЗАШВИЛИ — друг его семьи и кум

ИОСЕБА — цырюльник, его тесть

СТРЕКАЛОВ — тифлисский военный губернатор

ЗАВИЛЕЙСКИЙ — тоже, гражданский губернатор

ГЕСЛИНГ Николай Николаевич — правитель канцелярии воен-
ного губернатора

ВАЛЬХОВСКИЙ — военный топограф

САНКОВСКИЙ — старший чиновник особых поручений при
верховном правлении Грузии, редактор га-
зеты «Тифлисские ведомости»

ГАВРИЛОВ — старший чиновник для поручений при военном
губернаторе

ЯГУЛОВ — душетский городничий

СУДЕБНЫЙ ПРИСТАВ
АЛЕКСАНДР ЧАВЧАВАДЗЕ
ЭЛИЗБАР ЭРИСТОВ
СОЛОМОН ДОДАШВИЛИ (*Додаев*)
КАПЛАН ОРБЕЛИАНИ
АГАМЕМНОН ГУРИЕЛИ
ДАДИАН
ПАПКОВ } *офицеры*
КАРАЯНИ }
ХАНЖОНКОВ
КАРВИЦКИЙ — *разжалованный граф*
ДУРОВ
ЛАВОЧНИК
МЯСНИК
ЛОПИАНА — *карачохели (уличный рыцарь, богема)*
ПОЛИЦМЕЙСТЕР
СОФИЯ } *молодые девушки*
БАБУЦИ }
ОТЕЦ БАБУЦИ
СТАРЫЙ СЛУГА, *инвалид*
ВОЛЫНЩИК
ПЕРВАЯ КНЯГИНЯ
ВТОРАЯ КНЯГИНЯ
ТРЕТЬЯ КНЯГИНЯ
ПЕРВЫЙ КАВАЛЕР
ВТОРОЙ КАВАЛЕР
ПЕРВЫЙ МАЛЬЧИК
ВТОРОЙ МАЛЬЧИК
МАССА: *княгини, князья, крестьяне, девочки, мальчики, на-
род на базаре, солдаты, полицейские, горожане
обоего пола*

Действие происходит летом 1829 года
(от 27 мая по 10 июня и от 1 по 6 августа).

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

(Кабинет тифлисского военного губернатора, генерал-адъютанта Стрекалова. В кабинете, кроме Стрекалова, Завилейский, Вальховский, Геслинг; у дверей — ординарец)

Стрекалов. Беспокоят меня дела этих героев 14-го декабря! О чем помышляет Санкт-Петербург, присылая сюда, на Кавказ, столь великое их множество?

Завилейский. Это отнюдь не плохо, ваше превосходительство. Они здесь являют усердие и совершают воинские подвиги, — и не только бывшие офицеры, но и простые солдаты. Вспомните, как отличились батальоны, сформированные из частей мятежных московского и лейбгренадерского полков: они участвовали во взятии Эривани, совершили поход к Дильману и Тебризу, и лишь после Туркменчайского мира высочайшею волею были возвращены в Санкт-Петербург.

Стрекалов. Все это — истина. Они, конечно

прославили российское оружие; но надо помнить, что это были рядовые, привычные к воинской дисциплине; в обстоятельствах войны они иначе поступать и не могли... Но представляется опасным, когда к нам сюда шлют людей образованных, из бывших офицеров, зараженных возмутительными идеями.

Вальховский. О каких идеях изволите говорить, ваше превосходительство? Разве эти люди не снискали полной доверенности правительства своими заслугами?

Стрекалов. Вы, сударь, видать, слишком мягкий человек.

Вальховский. Но возьмите во внимание хотя бы г-на Бурцова...

Стрекалов. Ну, какой же он декабрист? Он находился лишь в числе прикосновенных.

Завидейский. А мы и этим господам прикосновенным тоже не слишком доверяем.

Вальховский. Вот об этом-то я и собирался доложить господину губернатору. Пора уже переменить наш взгляд на декабристов и, особливо, на прикосновенных к 14 декабря; пора сменить гнев на милость; ведь они не раз уже являли свою приверженность престолу и отечеству.

Стрекалов. Вы правы; но когда и где мы плохо обращались с подобными людьми? Самый ваш Бурцов в минувшую кампанию получил полк и произведен в генералы; капитан Искрицкий— адъютант штаба...

Геслинг. И по достоинству: оба они показали чудеса храбрости. Вот и сейчас, под Ахалцихом: Фок получил три ранения, у молодого Пущина прострелена грудь...

Вальховский. Полагаю, открыто следует сказать, что бывшие декабристы вполне заслужили доверенность правительства. Если в последних войнах с Персией и Турцией были совершены геройские подвиги, то это, в большей степени,— дела декабристов.

Стрекалов. Фактов я не отвергаю. Однако,—осторожность, думается мне, всегда полезна. Вот, только что получена мною бумага. Вновь шлют ко мне видных декабристов. Среди них граф Чернышев, блестящий ротмистр-кавалергард...

Вальховский. А, это, должно быть, тот, владелец обширных поместий...

Стрекалов (читает). «Князь Голицын — камер-юнкер; Берстель — девятой артиллерийской бригады батарейный командир; Толстой — Московского пехотного полка майор, и того же полка капитан, Александр Александров сын Бестужев, разжалованный в солдаты и определенный рядовым в десятый грузинский линейный батальон».

Завилейский. Это который Бестужев? Писатель?

Геслинг. Да, он пишет под именем «Марлинский».

Вальховский. Это один из пяти братьев Бестужевых; все пятеро осуждены. Из них я хорошо знаком лишь с этим, Александром. Он был некогда блестящим адъютантом герцога Вюртембергского и законодателем нашей изящной словесности...

Стрекалов. Вот это-то меня и огорчает, что вы с ним знакомы. Вы меня извините, но я вам не посоветую возобновлять это ваше старинное знакомство.

В а л ь х о в с к и й (*вспылив*). Ваше превосходительство! Мы, к сожалению, не так близки с вами, чтоб я выслушивал ваши советы. Мое прямое начальство — главнокомандующий отдельного кавказского корпуса, граф Паскевич.

С т р е к а л о в. Я не имел намерения оскорбить вас. Однако, будучи тифлисским военным губернатором, считал себя вправе...

В а л ь х о в с к и й. Ваших прав я не касаюсь. За свое же поведение я буду отвечать лично.

З а в и л е й с к и й. Не стоит спорить об этом, господа!

С т р е к а л о в. Я и не спорю. Но вот, по словам г-на Вальховского, генерал-майор Раевский возбуждает ходатайство перед господином главнокомандующим об одном таком же подозрительном лице. Правда, это не декабрист, но, пожалуй, еще опаснее: он осужден, как участник польского тайного общества; это — бывший граф Станислав Карвицкий...

З а в и л е й с к и й. Ах, это тот, шестидесятилетний старик?

С т р е к а л о в (*подозрительно*). А вы почему знаете его?

З а в и л е й с к и й. Он служил рядовым у генерала Раевского, — но, как лицо весьма заметное, был принят в нашем круге...

С т р е к а л о в. Вот подобные-то обстоятельства и вызывают во мне тревогу. Вы — офицер русской службы, ученый топограф, и вы, тифлисский гражданский губернатор, поддерживаете знакомство с простым рядовым. Отнюдь неважно, что он графского происхождения; сейчас он осужден и разжалован. Нет, государи мои, никоим образом не мо-

гу я одобрить подобных ваших поступков. И ежели дойдет это до сведения высшего правительства...

Вальховский. Правительство прекрасно знает, как живут некоторые из декабристов. Знает, что они приняты в обществе, что они собираются друг у друга... Игра в шахматы или в карты, анекдоты, литературные вечера — вот их времяпровождение. И все это известно правительству.

Стрекалов. Ну вот, а вы упрекаете нас в недостатке доверенности к ним. Видите, как мягко относится к ним правительство, — оно не препятствует даже такому их вольному образу жизни. Однако, я должен все же сказать, что в этом отношении надлежит избегать увлечений. Собираться один у другого они, конечно, могут, и пусть в своем кругу развлекаются, как знают; но то, что они посещают семейные дома, да еще таких высокопоставленных особ, как вы, господин губернатор, — и то, что вы поддерживаете с ними знакомство и дружбу, — это никак недопустимо. Мне говорили, что грузинская аристократия весьма охотно знакомится с этими людьми, — и вот плоды вашего мягкого к ним отношения, господа... Разве допустимо, в самом деле, на окраине, да еще где? — в Грузии, которая не вполне замирена и походит на пороховой погреб, — сближение с подобными политическими преступниками? А тут еще генерал-майор Раевский возбудил ходатайство о переводе бывшего графа Карвицкого из Кахетии в Тифлис.

Вальховский. Он возбудил ходатайство потому, что Карвицкий там болеет. Его часть расквартирована на берегу Алазани, где он схватил злокачественную лихорадку. Там он не оправится никог-

да. Поэтому мы и ходатайствовали о переводе его в Тифлис.

Стрекалов. И что же ответил вам граф Паскевич?

Вальховский. Вот что ответил. (*Протягивает бумагу*). Он разрешил, и я уже распорядился перевезти больного сюда. По этому поводу я и явился к вам.

Стрекалов (*перебивает*). Странно, я положительно в недоумении. Я получаю от графа совершенно иного рода распоряжения.

Ад'ютант (*входит*). Князь Александр Чавчавадзе желает вас видеть.

Завилейский. Весьма кстати. Давненько не видались мы с ним. Воображаю, как он убит: тяжкое горе пало на его голову.

Вальховский. Говорят, его дочь не переживет этого удара.

Завилейский. Огромная, невознаградимая утрата!

Стрекалов. И не для одной только его семьи, а и для нас, для всей России.

Геслинг. В лице Грибоедова современники потеряли выдающегося поэта.

Стрекалов. Поэта? Ах да, у него там есть, кажется, какая-то комедия. Однако ж, Грибоедов велик для нас не тем. Это был крупный политический деятель, видный дипломат; и не погибни так рано, он мог бы преобразовать наши отношения с Персией и с Ближним Востоком вообще.

Вальховский (*улыбаясь*). А ведь и Грибоедов тоже привлекался к следствию по делу 14-го декабря...

Стрекалов (*поражен неожиданностью*). Ад'ю-

танту). Просите князя Чавчавадзе. (*Адъютант уходит. Является Александр Чавчавадзе, в черкеске, с эполетами генерал-майора*). Прошу прощения, князь, я заставил вас ждать. У нас здесь было небольшое совещание. Прошу садиться.

Чавчавадзе (*садится*). Сегодня я возвратился из своего поместья. Не мог там усидеть. Хочу добиться толком: вывезены ли из Персии останки нашего министра-резидента? Ужасно положение в моей семье. Не успели опомниться после роковой потери зятя, как на глазах тает наша несчастная Нина...

Завилейский. Ей пока не следовало сообщать, князь.

Чавчавадзе. До коих же пор? Первое время мы и не сообщали — она ведь в положении; соблюдали всяческую осторожность; но на-днях к нам заехала супруга графа Паскевича...

Вальховский. Простите, князь, она, если не ошибаюсь, кузина Грибоедова?

Чавчавадзе. Да, и большой друг нашей семьи. Заехала она к нам; в разговоре зашла речь об Александре Сергеевиче, и у нее вдруг вырвалось неосторожное слово о его гибели.

Геслинг. Как же графиня могла допустить подобную оплошность?

Чавчавадзе. Спихватилась, но было уже поздно... Теперь я заехал к вам затем, чтобы узнать, где находится, по вашим сведениям, тело моего зятя и когда следует ждать прибытия его сюда? Если никаких мер еще не принято, пусть разрешат мне, как ближайшему родственнику, озаботиться достойным его погребением.

Стрекалов. Зесьма понятное с вашей сторо-

ны беспокойство, князь. Хорошо, что вы с этим пожаловали ко мне, и не откладывая. Третьего дня мною получено предложение графа Паскевича... (Геслинг.) Прошу вас принести мне бумагу графа от 21-го числа, о погребении министра Грибоедова. (Геслинг уходит. К Чавчавадзе.) Если бы вы не прибыли сюда, я, разумеется, сам уведомил бы вас и ваше семейство, как обстоит дело. Но коль скоро вы пожаловали сами, то это к лучшему. Обстоятельства дела таковы: из Персии, как вы знаете, прах вывезен...

Чавчавадзе. В точности я этого не знаю...

Стрекалов. Это уже подтверждено. Еще в феврале,—а убийство произошло генваря 30-го,—по инициативе небезызвестного Манучар-хана, останки Грибоедова были вывезены из столицы Персии. В апреле они были уже в Тебризе, а к 1 мая — на нашей границе. Об этом сообщил наш генеральный консул в Персии, господин Амбургер. Вот, что он пишет (Читает): «1-ое мая, которое всегда приносит с собою радость и веселие, был для нас день грусти и печали. В сей день, наконец, тело покойного нашего полномочного министра в Персии было переправлено через Аракс...» Так что оно уже в наших пределах. В настоящее время останки везут через Эчмиадзин на Гумры, а оттуда в Тифлис. Тело сопровождает Тифлисского пехотного полка прапорщик Макаров, а до Джелал-Оглы — и воинская команда. (Геслинг приносит бумагу.) Ага!.. А в Гумрах, очевидно, тело будет подвергнуто карантину, ибо, как вам известно, в тех местах сейчас свирепствует чума.

Чавчавадзе. Как вы полагаете, однако, когда надо ожидать прибытия тела в Тифлис?

Стрекалов. Затрудняюсь сказать. Сегодня у нас мая 27-ое?

Чавчавадзе. Да.

Стрекалов (*Завилейскому*). Не знаете ли, каковы сроки карантина?

Завилейский. С месяц...

Стрекалов. Да, тогда, мне кажется, надо ждать не позже июля... А вот, что пишет граф Паскевич (*Читает*): «Поручаю вашему превосходительству сделать распоряжение, чтобы по привезении в Тифлис тела полномочного министра нашего в Персии, статского советника Грибоедова, оно при въезде в город встречено было со всею приличною сану покойного почестью и с равною почестью предано земле в Тифлисе же, в церкви св. Давида, так как покойный министр изъявил желание быть там погребенным».

Чавчавадзе. О-о, в подобные минуты горя — это великое утешение. И дочь моя все твердит о Мта-Цминда¹: хоронить только там.

Стрекалов (*продолжает читать*). «Насчет разрешения погребения тела в церкви св. Давида вместе с сим пишу я к митрополиту Ионе, экзарху Грузии».

Чавчавадзе. Благодарствуйте. Теперь для меня все ясно. Итак, покойного уже везут сюда, и в июле надлежит ждать прибытия тела в Тифлис. Возможно, это хоть немного успокоит отчаявшуюся мою Нину.

Стрекалов. Передайте, ваше сиятельство, вашей дочери, что ее горе не есть только ее личное горе. Его разделяет с нею вся Россия, начиная

¹ По-грузински: святая гора (Давидовская).

с его величества государя и кончая последним его подданным. Дочь ваша оплакивает в лице покойного лишь мужа и друга, мы же все, целая империя, лишились в его лице высокоталантливого государственного деятеля.

Чавчавадзе. Она, конечно, понимает это, ваше превосходительство. *(Встает.)* Я вам благодарен, весьма благодарен за все.

Стрекалов. Простите, князь, если я немного вас задержу. Хочу воспользоваться вашим присутствием и попросить совета по одному предмету. *(Чавчавадзе садится.)* Дело это, начатое давно, еще вашим зятем, и посейчас не получило своего разрешения. Это вопрос о переселении из Персии к нам, на Кавказ, сорока тысяч армянских семейств.

Чавчавадзе. В бытность мою правителем Армянской области, часть их я переселил в Эривань и, вообще, на территорию Армении..

Стрекалов. Да, но после этого дело затормозилось. Переговоры с Персией, по указаниям Паскевича, были начаты самим Грибоедовым, но на первых порах персидское правительство умышленно оттягивало благополучное разрешение вопроса. Кое-как добились согласия и приступили к переселению армян. Но изрядное количество их все еще продолжает пребывать в бедственном положении. Не установлены с точностью даже места для их поселения. А там, где переселенцы сейчас имеют временное жительство, они терпят сильный голод и притеснения.

Чавчавадзе. Что же вы полагаете делать?

Стрекалов. Думаю, не будет противоречить пользе государства, если отвести им в вечное владение земли вновь завоеванного Ахалцихского па-

шалыка. В этом смысле я и доложил господину главнокомандующему.

Чавчавадзе. В чем же вы встречаете препятствия?

Стрекалов. Ни в чем. Однако, в среде столбового грузинского дворянства слышатся голоса недовольствия, ибо земли эти составляют исконные владения Грузии. И вот, князь Александр Орбелиани, внук вашего предпоследнего царя Ираклия, поднял целую бучу: «Зачем населять армянами грузинские области? Селите их в Армении?»

Чавчавадзе. Ну, и что же?

Стрекалов. А то, что грузинское дворянство вообще, кажется, питает ненависть к народу армянскому.

Чавчавадзе. Нет, ваше превосходительство, это не так. Это — навет на благородное грузинское дворянство. Народ армянский прилежен и трудолюбив, за что ж нам его ненавидеть? Это впечатление коренится в том, что некоторые из грузинских князей недовольны армянскими купцами; князья берут у них деньги в долг, а когда в срок платить нечем, то наследственные вотчины переходят к заимодавцам. Это вызывает гнев со стороны неоплатного должника и, сказать по совести, гнев несправедливый. На самих себя надлежало бы пенять князьям нашим. Пусть учатся законам экономии, пусть лучше управляют своими землями и крепостными, и не будет у них надобности в закладывании поместий и совершении займов... Да! Это есть личная вражда к отдельным торговцам из армян, а народ здесь не при чем.

Стрекалов. Ваше сиятельство весьма смягчили этот наболевший вопрос. Что скажете, господа?

Чавчавадзе. Нет, я вполне откровенно...

Стрекалов *(перевивает)*. А что вы полагали бы все же посоветовать насчет переселения в Ахалцих?

Чавчавадзе *(после паузы)*. Полезно было бы созвать обширное совещание с участием армянских представителей, как, например, князя Аргутинского-Долгорукова...

Стрекалов. Это генерала, героя нынешней войны?

Чавчавадзе. Да-с... Генерала Мадатова, негоцианта Тамамшева, и других. Из Ахалциха пригласите так называемых «сведущих людей»; ну, и из грузин наших кое-кого...

Стрекалов. Мысль эта хороша. Отпишу главнокомандующему. Но простите, князь, если я позадержу вас еще немного. Сейчас лишь вспомнил. *(Вальховскому.)* И вам сие узнать следует. Господин Завилейский также примет с своей стороны надлежащие меры. *(Геслингу.)* Потрудитесь принести отношение графа Паскевича от 12-го сего месяца о стихотворце Пушкине. *(Геслинг выходит. К ординарцу.)* Пригласите сюда чиновников для поручений Гаврилова и Бектабегова. *(Ординарец выходит.)*

Вальховский. О Пушкине? Приключилось с ним что-нибудь?

Стрекалов *(смотрит на него испытующе)*. Что должно было с ним приключиться? Просто, он едет сюда.

Чавчавадзе. Сюда, в Грузию? Это весьма отраднo. Были мы с ним друзьями когда-то, если только он не забыл.

Завилейский. Вы знакомы еще по Петербургу, князь?

Чавчавадзе. Да, он воспитывался в царско-сельском лицее, а я стоял там с лейб-гусарским полком. Частенько встречались мы и сдружились. Ведь и я немного причастен к поэзии.

Завилейский. Ну, как это «немного», князь? Покойный Грибоедов говорил всегда: «Мой тесть — лучший из современных поэтов Грузии».

Чавчавадзе (*вздыхнув*). Любил меня покойный.

Вальховский. Ужели же Пушкин едет к нам?

Завилейский. А наш Санковский недавно писал в своих ведомостях, что сюда ожидался Пушкин, но надежда сия, по последним полученным известиям, уничтожена.

Стрекалов. Да, вот как это было: без позволения генерал-адъютанта Бенкендорфа он не имел права трогаться из Санкт-Петербурга; однако же, выехал и самовольно едет сюда. (*Входит Гаврилов, с бумагой, и ординарец.*) А где князь Бектабегов?

Гаврилов. Его нет, ваше превосходительство. Я послал за ним вестового и приказал незамедлительно разыскать.

Стрекалов. Хорошо. Так вот, господа, я это секретное предложение секретно же оглашу перед вами. Прежде всего, господина гражданского губернатора это касается непосредственно. (*Вальховскому.*) Но и вы, в качестве личного друга господина Пушкина, должны знать содержание этой бумаги. Вам же, князь, мы доверяем нашу тайну, ибо вы — глава лучшего в Грузии семейства, передовой человек и облечены доверенностью правительства. Вот что

пишет Паскевич: «Известный стихотворец, отставной чиновник X класса Александр Пушкин отправился в марте месяце из Санкт-Петербурга в Тифлис. А как по высочайшему его императорского величества повелению состоит он под секретным надзором, то прошу не оставить распоряжением вашим о надлежащем надзоре за ним по прибытии его в Грузию».

Чавчавадзе. Весьма печально. Однако, это не помешает нашему обществу оказать ему подобающую встречу.

Вальховский. Еще бы, ведь Пушкин — наша гордость, наше величие и слава.

Чавчавадзе. Одно меня удручает: мое семейное горе помешает принять его в моем доме должным образом. А то ведь приезд Пушкина — для всех нас великая радость.

Стрекалов. Я не запрещаю принимать его и оказывать ему радушие. Однако, излишеств в этом отношении надлежит избегать... Вскоре он должен прибыть.

Вальховский. Да, если он в марте выехал, то в мае он должен быть здесь.

Стрекалов. Ну-с, государи мои, я вас предупредил, ибо все вы облечены доверенностью правительства. *(Распахивается дверь и входит Агамемнон Гуриели, громко разговаривая с идущим за ним адъютантом. Гуриели в гурийском костюме, вооружен. Дверь остается открытой.)*

Гуриели. До чего дошло! Владетельного князя Гурии не допускают к русскому губернатору!

Стрекалов *(встав)*. В чем дело? Что случилось?

Гуриели. Я, господин губернатор, наследник

владельцев князей Гурии, Чаквы и Аджарии. Я из их рода, но не дано мне править их землей...

Стрекалов. Что же случилось? Что вас так взволновало?

Гуриели. Попробуйте не волноваться! Справедливости не могу я никак добиться, справедливости!

Стрекалов. Прошу успокоиться и сесть. Pardon¹, ваше имя?

Гуриели. Агамемнон Гуриели, батоно.

Стрекалов. Зачем изволили пожаловать? Что вам угодно?

Гуриели. Не нахожу, повторяю, нигде справедливости,— ни в Гурии, ни в Имеретии. Был я там, в Кутаиссе, в экспедиции суда и расправы, но ничего не добился.

Стрекалов. На что ж вы жалуетесь?

Гуриели. Вотчину, батоно, вотчину оспаривает у меня какой-то ваш чиновник. Земля, мол, казенная, а крестьяне — государственные... Крестьяне, батоно, испокон века мои подданные, и кто их отдал казне — я не знаю. Тридцатью тысячами кцев владею я в Гурии... и тысячей душ. (Завилейскому.) Понимаешь ты, русский?

Вальховский (Чавчавадзе). Большой оригинал, по всей видимости.

Чавчавадзе. О-о, эти князья Гуриели — совершенно особенные люди.

Гуриели. Я отцом своим был недоволен: имение он пустил по ветру, рабов освободил; мне угрожало полное разорение. В один прекрасный

¹Простите!

день у меня лопнуло терпение — я взял и прикончил его...

Чавчавадзе. Отца?

Гуриели. А как же, братец! Сам он напросился на пулю. Вконец вывел из терпения. *(В открытых дверях появляется Тулухчиев и останавливается.)*

Чавчавадзе. Да, но все же... Убить отца?

Гуриели. Конечно, проклят отцеубийца, но какой же он был отец? Следовало с ним хуже поступить.

Чавчавадзе. Чего же хуже? Что ж еще мог ты сделать с ним? И кто же простит тебе отцеубийство?

Гуриели. На что мне прощение? Я справедливости ищу! Вот, этот чиновник оспаривает теперь мое поместье. Казенное, мол, оно... Пристрелю я и этого мерзавца.

Стрекалов *(увидав Тулухчиева)*. А ты тут зачем? Ты откуда взялся? *(Идет к нему. К адъютанту.)* Это что такое? Люди входят без доклада? Закройте дверь!

Тулухчиев. Ва, что значит «без доклада»? Что я, не человек, что ли, ваше превосходительство? Не ты ли сам дал мне право: «во всякое время дня и ночи заходи». А у меня теперь такое дело, что не различаю ни дня, ни ночи. Большое дело, ваше превосходительство. Но ты сейчас занят... *(Указывая на Гуриели.)* А это что за зверя ты впустил к себе?

Стрекалов. Чорт бы его побрал! Полоумный какой-то: убил отца и лезет ко мне. *(Продолжает тихо беседовать с Тулухчиевым.)*

Чавчавадзе *(Гуриели)*. И что же, за убийство отца тебя не наказали?

Гуриели. Кого следовало наказать, тот наказан, а с меня — взятки гладки.

Чавчавадзе. И даже не арестовали тебя?

Гуриели. Нет, как же, правитель Имеретии хотел меня задержать. Первый день он ничего не сказал, а на второй вызвал меня. Я понял, что это не к добру, и, не будь дурак, махнул сюда к вам. А теперь я ищу справедливости, батано.

Стрекалов (Тулухчиеву). Ну, а если ты так же оправдаешь это, как и цив-гомборский подряд?

Тулухчиев. Ты же меня знаешь!

Стрекалов. Вот потому-то я и боюсь, что знаю тебя.

Тулухчиев. Скажи, этим летом ты куда собираешься ехать?

Стрекалов. Не знаю, врачи советуют за границу, на воды. Подагра, кажется, у меня.

Тулухчиев. О-о, изрядный куш потребуется на это. Поезжай, родной мой, лучше в Абастуман.

Стрекалов. Опасно. В той стороне война еще не утихла. Ехать туда, да еще с семейством... И дороги очень нехороши в Ахалцихском пашалыке.

Тулухчиев. Да, но ведь я же буду их строить. А цив-гомборская дорога чем тебе не по праву? Если раз в месяц и опрокинется там дилижанс, так я-то тут при чем? А публика себе катит взад и вперед, и вся Кахетия чуть не молится на меня.

Гуриели (в своей группе, громко). Справедливости ищу, батано, справедливости.

Завилейский (идет к Стрекалову). Ваше превосходительство, это же прямой преступник; как с ним быть?

Стрекалов. Ах, да! Знаете, пока придется взяться за это дело нам. Уберите его и утихомирьте. А потом уж я знаю, как расправиться с отцеубийцей. И Паскевичу напишу, чтобы строгий выговор объявил правителю Имеретии.

Завилейский. Да, Имеретия пока что...

Стрекалов. Вот то-то и горе, что не покорена окончательно. Нашим законам там пока не подчиняются. Так-то, друг мой, уведите его... (*Завилейский идет к Гуриели.*)

Тулухчиев (*Стрекалову*). Придумал я, генерал, придумал! Отправишься ты летом за границу...

Стрекалов. Ч-ш-ш... Тише!

Тулухчиев. Только бы мне... ахалцихскую дорогу заполучить.

Гуриели (*Вальховскому*). Что, понравился тебе мой кинжал? Это, братец, у меня от предка моего, князя Кахабери.

Стрекалов (*Тулухчиеву*). Ладно, ладно... А пока убирайся отсюда.

Тулухчиев. Еще одна просьба у меня: вскоре придется звать вас на свадьбу...

Стрекалов. На какую свадьбу?

Тулухчиев. Дочку просватал я за одного князя. Правда, разорившийся, но все-таки — князь.

Стрекалов. Эти мещане все еще падки на титулы, и родовитость их прельщает попрежнему.

Тулухчиев. Ну, это и наш князь, и ваш князь. Это — Бектабегов.

Стрекалов. Бектабегов? Да, кстати, куда он запропастился? Так и не приходил? (*Тулухчиеву.*) Ладно, теперь ты уходи; поговорим потом, с глазу на глаз.

Гуриели. Ну, как? У генерала все еще нет времени для моей особы?

Завилейский (зовет). Ваше превосходительство! (Стрекалов подходит к Гуриели. Тулухчиев хочет незаметно уйти, но его увидел Чавчавадзе.)

Чавчавадзе. А здравствуй, Романоз.

Тулухчиев. Пошли бог здоровья господину моему.

Чавчавадзе. Прости, что называю тебя просто Романозом. Никак не привыкну к твоему «Роман Яковлевичу».

Тулухчиев. Что вы, что вы, князь! Для вас я всегда останусь Романозом. (Гуриели горячится, но Стрекалов его успокаивает. Вальховский смеется.)

Чавчавадзе (Тулухчиеву). На что жалуюсь, сынок? День ото дня становишься тучнее. Однако, это непохвально, что ты продаешь людей Бектабегова...

Тулухчиев (с усмешкой). Ничего, князь, мы с ним как-нибудь поладим.

Чавчавадзе. Ну, как знаешь, тебе виднее. (Тулухчиев уходит.)

Стрекалов (Гуриели). Так-так, князь, как я уже сказал; это вот здешний гражданский губернатор, и вы ему доложите ваше дело. А засим мы примем нужные меры.

Гуриели. Очень хорошо, генерал. Похоже, что здесь я добьюсь правды. (Завилейскому). Нравится мне твое лицо, русский. Похоже, что ты добрый человек. Ну, пойдем же, веди меня. (К остальным.) Я не прощаюсь, господа. (Вальховскому.) Очень тебе нравится кинжал! (Ласково поглаживая рукой кинжал.) Наследство Кахабери, братец, а не то отдал бы тебе в пешкеш. (Смех.

Гуриели с Завилейским уходят. Является молодой офицер Бектабегов и вытягивается перед Стрекаловым по-военному. Входит и Геслинг.)

Стрекалов. Где вы пропали, князь? Я вынужден вас разыскивать.

Бектабегов. Честь имею доложить, ваше превосходительство: из 5-го эскадрона сбежал вахмистр с двадцатью нижними чинами.

Стрекалов. Что? Как?

Бектабегов. Вахмистр с двадцатью нижними чинами, ваше превосходительство.

Стрекалов. Кто командир эскадрона?

Бектабегов. Штабс-капитан Горишнев, Александр Иванович.

Стрекалов (к Чавчавадзе). Он вам знаком?

Чавчавадзе. Знаком. Весьма образованный офицер.

Вальховский. Да, но слишком суров с солдатами.

Стрекалов. Передайте коменданту города: немедленно на гауптвахту, отобрав командование. (Бектабегов по-военному поворачивается и уходит. Появляется Санковский.)

Санковский. Ваше превосходительство, я вас обрадую: наш прославленный поэт Пушкин уже прибыл.

Стрекалов (холодно). Прибыл? Где же он находится?

Стрекалов. Здесь, в приемной комнате, ждет аудиенции.

Стрекалов. Очень хорошо. Бектабегов! Где же он? Ушел? Позвать его. (Ординарец выбегает.) Попросите Пушкина.

Санковский (зовет в дверь) Александр Сергеевич, пожалуйста.

Пушкин (входит).

Стрекалов (стоя). Весьма обрадован прибытием вашим, господин Пушкин, в здешний край. Не сомневаюсь, что ваш талант подарит нас каким-нибудь шедевром из жизни Грузии. (Подает ему руку.) Знакомьтесь, с кем незнакомы.

Вальховский и Геслинг (с восторгом). Александр Сергеевич!

Пушкин. Ах, Ник-Ник!

Стрекалов. Ис князем Чавчавадзе знакомы вы?

Пушкин (всматривается; Чавчавадзе улыбается). Друг! (Раскрыв объятия, направляется к нему. Целуется с ним, с Вальховским и Геслингом.)

Стрекалов. Главнокомандующий также рад вашему приезду и пишет мне — принять вас должным образом. (Входят Бектабегов и Гаврилов.) Я же решил, чтобы вы здесь ни в чем не терпели беспокойства: пожелаете ли осмотреть город, или прогуляться в окрестности его; засим — для отыскания квартиры, ресторации и для иных услуг — эти двое молодых людей будут в полном вашем распоряжении. Прошу познакомиться: господин Гаврилов, мой чиновник для особых поручений, большой поклонник вашего таланта и, вообще, изящной словесности, и туземный князь — Бектабегов, прекрасный знаток здешних мест. (Геслинг незаметно дергает Пушкина за локоть.)

Пушкин (Геслингу, тихо). Знаю. Все знаю.

Стрекалов. А завтра отобедать не откажите пожаловать ко мне. (Пушкин кивает головой.)

Прошу и вас, господа. Князь Александр! (*Входят адъютант и Дарья Бектабегова, молодая вдова.*)

Дарья (*в дверях, адъютанту*). Пропустите. Мне необходимо видеть генерала.

Стрекалов. Что такое? Что там у вас опять за беспорядок?

Дарья. Ваше превосходительство, я к вам с жалобой. А-а, князь Александр!

Чавчавадзе. Здравствуй, ламаз-Даро¹.

Дарья. Эх, где теперь твоя ламаз-Даро! Я тогда была хороша, когда Георгий Эристави посвящал мне свои стихи.

Чавчавадзе. Но ведь тогда ты была крошкой. Кстати, где ты пропадала все это время?

Бектабегов (*Стрекалову, тихо*). Моя невестка, ваше превосходительство, Дарья Ивановна Бектабегова.

Дарья (*Чавчавадзе*). В Париже, в Париже была твоя любимица, ламаз-Даро.

Вальховский. Ламаз-Даро?

Чавчавадзе. Да, мы ее так прозвали: нам она кажется красивой.

Дарья (*подходит к креслу*). Я только недавно из Парижа, генерал, и... простите, я вам не представилась: княгиня Бектабегова. (*Пожатие руки, она садится*.) О-о, что это за город—Париж! Я влюблена в него. Вообще, знаете, Франция и французы... Ежегодно зиму провожу я в Париже. Без этого жить не могу. Но вот что ужасно! Во Франции все время чувствуешь себя, как на вулкане. Революция за революцией, революция за революцией! Я очень

¹ По-грузински: красавица—Дарья.

боюсь, что и нынешний король их Карл X недолго усидит на троне.

Стрекалов. Прошу прощения, княгиня, но я думаю, что вы пожаловали ко мне не для беседы о французских политических делах?

Дарья. О, что вы, что вы! В политике я очень слаба. Вернее, совершенный профан. Зато вот в поэзии... (*Разглядывая в лорнет Вальховского.*) Да, тут я кое-что смыслю. Но вы совершенно правы, генерал. Я приехала к вам по делу о продаже моей вотчины.

Стрекалов. Какой вотчины? Долги, княгиня, надлежит платить...

Дарья (*перевивает*). Ну вот, в один голос с моим управителем. Как жаль, однако, что здесь нег сейчас графа Паскевича,—потому-то я и вынуждена беспокоить вас. Разве допустимо, чтобы мое имение было продано правительством? Вы хорошенько вдумайтесь! (*Указывая на Бектабегова.*) А все по милости моего юного деверя. Кстати, весьма благодарна вам, генерал, за то, что вы приняли его в свою службу. Он славный юноша, вы можете на него вполне положиться; но в практической жизни, в делах хозяйственных, он совершенный ребенок. Вот и теперь, вследствие его оплошности, некий купец Тулухчиев продает наших крепостных. *Imaginez vous*¹, какой-то купчишка, торгаш будет владеть княжескими крепостными!

Чавчавадзе. Ваше превосходительство, разрешите откланяться. (*Пушкину.*) С вами мы еще, конечно, увидимся. (*Общий поклон. Уходит.*)

¹ По-французски—представьте себе.

Д а р ь я. Скажите, кто этот молодой человек? Чрезвычайно знакомое лицо.

С а н к о в с к и й. Это, княгиня, наш прославленный поэт Пушкин.

Д а р ь я (вскакивает). А-а, Пушкин! Дорогой Александр Сергеевич! (Пожатие руки.) Я очарована вашим талантом. Большая ваша поклонница. Ваш «Кавказский пленник» меня пленяет и чарует... Как это у вас:

«Ты мог бы, пленник, обмануть
Мою неопытную младость,
Хотя б из жалости одной,
Молчаньем, ласкою притворной.
Я услаждала б жребий твой
Заботой нежной и покорной...»

Великолепно! А ваш «Бахчисарайский фонтан» я еще не прочла. Откуда же мне? Ведь я была в Париже. Но ваш «Андрей Шенье», *mille pardon*¹, мне не нравится. Простите, генерал, но у вас в России это сочинение, кажется, воспрещено? Так я ж его и упомянула только затем, чтобы сказать, как оно мне не по нраву. О, в присутствии самого знаменитого автора я прямо выражаю свой взгляд. Я—человек прямой. Когда я права, то не пощажу и генерала... Но, ах, какая радость! Вы, Пушкин, у нас здесь, в Грузии! Ну, конечно, вы должны побывать у меня. Я не держу такого салона, какой можно встретить в Париже, в Петербурге, но общество собирается у меня хорошее. Между прочим, я покажу вам нашу грузинскую веранду на плоской кровле дома. Этого, конечно, вы нигде еще не видели. Очень прошу и генерала. Но только, ваше превос-

¹ По-французски: тысяча извинений.

ходительство, мое имение продавать не надо... (Стрекалов пожимает плечами.) Нет, вы только приостановите, а потом, потом я адресуюсь к Паскевичу. Если понадобится, то я дойду и до его величества. Итак, значит, прошу всех, сегодня вечером, ко мне. Всех, здесь присутствующих. (Вальховскому.) Простите, с вами я незнакома, однако...

В а л ь х о в с к и й. Вальховский.

Д а р ь я. Очень приятно. Прошу также и вас.

С а н к о в с к и й. Нет, невероятно: этот гений, это величие и слава России — стоит здесь, перед нами.

Д а р ь я. Да, скажите, пожалуйста! (Пушкину.) Должна сказать, что визитов ко мне делать не надо. Сегодня же вечером пожалуйста запросто. Мой деверь проводит вас. Итак, я удаляюсь в надежде, что вы, господа, все без исключения будете у меня. (Уходит.)

С т р е к а л о в. Как вам понравится: тотчас же по приезде в прекрасную Грузию...

П у ш к и н. И прекрасная ламаз-Даро, не так ли?

КАРТИНА ВТОРАЯ

(Окраина старого города. Берег Куры. Дома с балконами и плоскими крышами. Под одним домом виноградная беседка. Внизу, у лавчонки цырюльника, собрались местные горожане. Вечер, на улице темнеет. Издали доносятся звуки азиатской музыки)

I

(На балконе дома Тулухчиева)

Т у л у х ч и е в (сидит распоясанный, с четками в руках. К Берозашвили). Ты так и знай, — ни на какие уступки я не пойду. Пусть узнает Топлика-

швили, что такое банкротство. Хоть раз в жизни услышу я плач и стон в его семействе. И это будет для меня слаще, чем эта вот музыка. Кстати, кто это там кутит?

Берозашвили. Кто же, как не князь Каплан. Тулухчиев. О-ох, дожить бы мне скорей и до его смерти! Но, ничего не поделаешь, — он здоров, как бык.

Берозашвили. Жестоки вы к нему, Роман Яковлевич. Как-никак, а ведь он был когда-то барином вашим, и в его доме выросли вы.

Тулухчиев. Черти бы его взяли! Вырос! Подпаском был я, и бессовестно драл он меня плетью. Или разве я могу забыть, как он, этот распутник, однажды ночью полез к моей покойной матери.

Берозашвили. Что вы говорите! Не может быть!

Тулухчиев. А что, на него это не похоже? Мать моя была молодая вдовушка, женщина видная, и этот мерзавец вздумал на нее zenки пялить. Но не так-то легко было к ней подступиться. И все же однажды ночью, когда меня не было дома, а дверь была незаперта, он ворвался к ней. Мать, дай бог тебе столько здоровья, вырвала у Каплана его густые усы. Ну, подняла она крик. Сбежались соседи; да он, подлец, войдя, успел, оказывается, запереть за собой дверь. С большим трудом дверь взломали, и твой князь Каплан ушел опозоренный и несолоно хлебавши.

Берозашвили. Сейчас он вам порядком за-должал, этот князь Каплан?

Тулухчиев. В этом-то и заключается моя месть, Гиго-джан. Теперь я вижу, что только таким путем я могу отплатить ему за все страдания моего

детства и за обиду, нанесенную матери. Ты знаешь, какой слух потом распустили соседи: князь Каплан, мол, держит любовницей Тулухчиеву Бабале. Не так изобразили, как оно было на самом деле.

Берозашвили. Боязнь, страх ими двигал, Роман Яковлевич. Каплан — человек сильный, влиятельный. Это он подучил их так говорить.

Тулухчиев. Ну да, так оно, конечно, и было. Ты смотри, даже соседи не поддержали, а? Недаром говорится: вдова и сирота — это низкий забор, через который каждый может переступить. Ведь и этот Топликашвили, ты знаешь, тоже приставал к моей матери, засылал свах, предлагал ей стать его любовницей. Нет, обиду матери никому я не прощу! Скоро, скоро обширные поместья князя Каплана перейдут в мои руки. Ты знаешь, что он делает? Дурак, невежда, — даром что большой человек и родовитый князь, — он ежегодно, в счет своего долга, знай себе, переписывает векселя. «Вот что. Романоз, — все еще Романозом зовет меня, собака: — денег у меня нет, давай-ка векселя перепишем». А я что теряю? Приписываю к долгу проценты, и сумма растет себе да растет. От тебя, Гито, я не скрою, сейчас долг его уже перевалил за три с половиной тысячи туманов¹.

Берозашвили. А все же, насчет Топликашвили что ты скажешь? Он меня прицал к тебе ходатаем, — неужели ж ты отпустишь меня ни с чем? «Нештого пусть отерочит, — говорит он: — у меня тоже есть друзья, обернусь как-нибудь и постепенно выплачу».

Тулухчиев. Знакомы мне эти песни много я

¹ Туман — десять рублей.

их слышал. Тебя-то я рад уважить, Берозашвили, ты честный человек, правдивый, да и дочку мою крестил. Однако, пусть лучше посидит Топликашвили в яме. Буду я его там кормить. Нет, чего захотел? Со мною тягаться в торговле, со мной конкурировать! А? Не знает, видно, что я, как клопа, могу его раздавить. Напляшется он у меня теперь! Засажу я его, обязательно засажу.

II

(Визу, около дырюльни)

Первый горожанин. Что я слышал, како: наш Паскевич графом эриванцким заделался? Теперь надо величать его «ваше сиятельство?»

Второй горожанин. Старая новость.

Иосеб (*дырюльник, снаружи у лавки моет голову третьему горожанину*). Паскевич получил Эриванцкого в запрошлом году, а ты только сейчас об этом узнал?

Первый горожанин. Ты дел своего любезного зятя в точности не знаешь, — чего ж ты удивляешься, что я не знаю дел графа Паскевича?

Второй горожанин (*дырюльнику*). Иосеб, скажи-ка дружок, это правда, что твой зять, господин Тулухчиев, тебя в дом не пускает?

Первый горожанин. Что, что? Он, Роман Яковлевич, считает это ниже своего достоинства? С каких это пор?

Иосеб. Драли бы его черти! Мне же он обязан всем. Если стал человеком, то только благодаря мне. А теперь вздумал важничать.

Третий горожанин. Тебе он обязан всем?

Ну, конечно! Разве не ты обманным образом всучил ему свою дочку?

Иосеб. Э-э, довольно вам! Это он сам распустил такую сплетню.

Первый горожанин. Нет, Иосеб, дело давнишнее, теперь уж можно признаться. Расскажи правду, как это было?

Иосеб. Как было? Обыкновенно: понравилась ему моя дочка, посватался он и забрал ее. Чего же еще?

Третий горожанин. «Посватался»,— вот как? Вы лучше у меня спросите. Когда Тулухчиев пришел к нему, он, вместо дочери, показал ему чужую, красивую девушку.

Иосеб. Ну да, была у нас тогда в гостях соседская девушка, так что ж из этого?

Третий горожанин. Постой, не мешай! И вот Тулухчиев, то есть, виноват, тогда он еще не был Тулухчиевым, а прозывался попросту Тулухчишвили—водовозов сын, и имя было у него не Роман Яковлевич, а просто Романоз...

Иосеб. Это так, это правда. Однако, они же слышали эту историю тысячу раз, зачем повторять?

Первый горожанин. Нет, нет, я уже позабыл ее, пусть расскажет.

Второй горожанин. Говори, говори, кацо!

Третий горожанин. Ну, и вот, Романоз наш пялит глаза на эту девицу.. а свою красотку Иосеб тогда припрятал и не показал, козлиная борода.

Иосеб. Ты, брат, не ругайся и не ври, а то я тебе глаза мылом выжгу.

Третий горожанин. Постой, кацо! Или правда глаза колет? Твой Романоз опьянел от чар

той девицы, а тут еще и вина порядком хлебнули. А в церкви у невесты лицо было закутано, и он даже не взглянул на нее.

Иосеб. Если будешь врать, я тебе уши оставлю грязными. Рассказывай так, как было.

Третий горожанин. А что увидел ночью наш молодожен? — Сухая морда Иосеба лежит у него в постели.

Первый горожанин. Морда Иосеба? Это как же?

Третий горожанин. Эх, кацо, ведь дочка-то вся в отца, как две капли воды, с таким же высохшим лицом. Попробуй, надень на Иосеба женское платье — то же получится. (Смех.)

Иосеб. Что ты брешешь, дурак! (Льет на него горячую воду.)

Третий горожанин. Ой, ошпарил, ошпарил, проклятый!

Первый горожанин. И что же? На самом деле он теперь не пускает тебя в дом?

Иосеб. Нет, кто тебе это сказал?

Второй горожанин. Эй, Иосеб, полно врать. Я ведь все в точности знаю. И в дом не пускает, и из лавки гонит.

Первый горожанин. Ну, и времена! Бывший подпасок Романоз гнушается цырюльника Иосеба, своего же единоутробного тестя!

III

(На перекрестке останавливаются Пушкин, Вальховский, Санковский и Геслинг)

Пушкин. Да, друзья мои, прибыл я сюда без разрешения, — это верно.

Вальховский (озирается). А те чиновники куда провалились? Как бы не услышали они...

Санковский. Бектабегов остановился с некоей пригожею девицей, а куда девался Гаврилов — не знаю.

Пушкин. Ничего, пусть слышат. Ясно, что об этом и они извещены.

Геслинг. Да, они уже знают.

Пушкин. Вы, вероятно, слышали, что заботу обо мне взял на себя сам царь, и ныне он единственный мой цензор и мой критик.

Санковский. Поэтому вы не проходите через общую цензуру?

Пушкин. Теперь нет. Наши цензоры хотели, было, этого, но государь меня от них избавил. Только вот наблюдение за мной он поручил Бенкендорфу. А его любезностей, признаться, я не выдержал...

Санковский. Значит, не ужились в «золотой клетке»?

Пушкин. Настолько, что и в Петербурге не мог уж оставаться. Об одном жалею: не застал здесь друга своего, Раевского. Он на театре войны. Нынче писал ему, просил ходатайствовать перед Паскевичем о разрешении мне прибыть в действующую армию.

Санковский. О-о. это будет великолепно! Вы на войне будете очевидцем геройских подвигов нашего победоносного воинства...

Геслинг. Скажите, — правда, что покойный Грибоедов звал вас в Грузию?

Пушкин. Да. Правда. У него были свои соображения, и меня стала занимать эта мысль. Особенно с тех пор, как мне запретили участвовать в войне, или выехать за границу. Грибоедов писал

мне, что... (Является Бектабегов.) Но ничего не поделаешь. Он безвременно погиб, и я уже не застал его в живых.

Бектабегов. Тысяча извинений, Александр Сергеевич, но я встретил знакомую княжну, и, когда она узнала, кто вы, то была на седьмом небе от счастья. Она тоже будет сегодня у нас...

Пушкин. Вы слишком любезны, князь. Но скажите мне, ведь это — цырюльня? И здесь...

Бектабегов. Да, здесь, собираются...

Пушкин. Вроде клуба? Люди обмениваются свежими новостями, рассказывают анекдоты, сплетничают, болтают о политике?..

Бектабегов. Что значит — талантливый человек!

Пушкин. Эх, любезный, с тех пор, как на свет появился первый цырюльник, это везде так... вспомните Фигаро.

IV

(На улице)

Первый горожанин. Чего они уставились на нас, эти господа. Люди что-то мало знакомые...

Иосеб. Этого я знаю — он русский офицер.

Второй горожанин. Здрасте. Сами мы разве не видим, что он офицер?

Иосеб. Я и второго знаю: он частенько бывает на базаре и все что-то записывает на бумажку. Говорят, у него газета...

Гаврилов (подходит). Простите, Александр Сергеевич, мое опоздание. Я полагал, что вы уже у княгини. Вот это — ее дом.

Пушкин. Вы не опоздали; вы пришли как раз

во-время! (Входит в дом. За ним следуют Вальховский и Санковский.)

Гаврилов (озадаченный, уставился на Бектабегова).

V

(Веранда на плоской крыше дома Бектабеговых)

Старая няня (следует за плачущей девушкой). Будет тебе, Пиримзиса; хватит, довольно плакать. Э-эх, девушка! Кто знает, сколько таких вот горьких слез пролито на земле, и все же не смогли они смыть несправедливости людской.

Пиримзиса. Нет, скажи, няня, в чем я провинилась, что они продают меня,—в чем? Сызмальства работаю на них, не покладая рук, и это их благодарность?

Няня. Ох, золотко! Разве наш брат видел когда-нибудь благодарность от господ? Но что же, надо успокоиться и покориться судьбе.

Пиримзиса. Куда уж больше покоряться. Сколько щипков я получала от старой княгини,—все тело в синяках. Правда, вообще-то она покровительствовала мне.

Няня. Но не будь меня, кто знает, сколько раз эти верзилы-князья смяли бы тебя, неопытную девчонку.

Пиримзиса. Не дожить бы им до этого! Няня, ты не сердись,—я знаю, скольких трудов стоила я тебе. Ты заменила мне мать, учила меня уму-разуму, вырастила, воспитала.

Няня. Ну, довольно, ведь ты моя любимица. Я просто пошутила.

Пиримзиса. Нет, я к тому говорю, что на

старую княгиню грешно жаловаться. Но вот невестка ее, княгиня Дарья, как приехала, я прямо-таки свету не взвидела. Ох, какая она! Ничего-то ей не правится, никак на нее не угодишь. Притом, навезла из-за границы стоячко платьев, туфель, разных красок, помад, что я в них никак не разберусь. А она меня на чем свет ругает. «Дура ты,— говорит,— свинопасово отродье, холопка, чурбан». Я думаю, во всем вина княгини Дарьи, что меня продают.

Няня. Нет, не ее вина. Тебя, бедняжку, продают за долги молодого князя. Задолжался он купцу Тулухчиеву.

Примзиса. Ой, боже мой, попасть еще к нему в лапы!

Няня. И этого знать нельзя, дочка, в чьи лапы попадешь.

Примзиса. Ой, если в самом деле меня продадут,— я живой не дамся.

Няня. Подожди, дочка, как можно так говорить?

Примзиса. Ох, помог бы мне хоть этот неудачник Лопиана.

Няня. Что может сделать Лопиана? Он такой же крепостной, как и ты.

Примзиса. Но тогда как же быть, няня? Скажи, как быть?

Няня. Так-то, доченька, меня самое обменяли на борзого щенка, и, кто знает, сколько несправедливости, мучений и унижений я испытала за свою долгу ю жизнь. Но странно создан человек,— о былых страданиях теперь вспоминаю я легко.

Примзиса. И что, всех нас ждет такая участь?

Ня-ня. Тебя — боже упаси, дочка! Мне кажется, кто-нибудь спасет тебя. Жаль, у старой княгини нет ничего за душой, а то бы она тебя никому не уступила. Велик наш бог, дитя мое, и ты не отчаивайся.

Примзиса. Эх, бог, бог! А где был твой бог, когда тебя обменивали на щенка? Где был он, когда твоему мужу, как ты рассказывала, выжгли оба глаза? Где он сейчас, когда меня, невинную, продают, и некому спасти меня?

VI

(На балконе дома Бектабеговых)

Дарья (выходит на балкон с Пушкиным и Эристовым). Пока побудьте здесь, а я приглашу остальных гостей на кровлю и устрою вам маленький сюрприз.

Пушкин. Вы мне уже сделали сюрприз, собрав сюда такое большое общество. Я не думал, что меня так знают в Грузии.

Дарья. Ну, что вы, что вы!.. Я сейчас. (Уходит.)

Эристов. Известность ваша в Грузии ничуть не удивительна; вас здесь много читают, в подлиннике, и весьма ценят. Но есть у нас и переводы ваших творений: Александр Чавчавадзе перевел «Древо яда»; Григорий Орбелиани написал подражание вам; Георгий Андроников перевел ваше «Желание». Есть и другие...

Пушкин. Что вы говорите? А любопытно, как звучат мои стихи по-грузински. Я совершенно не знаю вашего языка. Но на слух он кажется мне весьма приятен.

Э р и с т о в. Познакомим вас и с переводами. Распространению вашей славы в Грузии весьма способствовал покойный Грибоедов.

Пуш к и н. Бедный Грибоедов! Счастливейшие годы своей жизни он провел в добровольном изгнании. Он сам покинул Россию, отрешился от нее... (Вздыхнув.) И тот же жребий ждет меня.

Э р и с т о в. «Так вот судьба твоих сынов,— о Рим, о громкая держава...»

Пуш к и н. Да, друг мой, там!

«Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег, да цепей».

Э р и с т о в. «Но там огромные палаты,
Там игры, шумные пиры...»

И вы бросили все это. Зачем?

Пуш к и н. «Я хотел услышать песни гор и песни Грузии счастливой...»

Э р и с т о в. Гм... Это Грузия-то счастливая? Увы!

VI

(На веранде)

Н я н я. Сюда идут. Утри глаза, чтоб не заметили слез.

П и р и м з и с а. И плакать нельзя? (Глядит на лицо.) Вот, кто спасет меня.

Н я н я. Кто это, детка?

П и р и м з и с а. Наша Бабуца.

Н я н я. Да-а, Бабуца — это добрый ангел.

П и р и м з и с а. Побегу навстречу и постараюсь рассказать ей все, пока она не вошла. Попрошу

помочь. Ужель она меня спасти не сможет! (Убегает.)

Няня. Одно утешение у горемыки — это надежда. Когда есть надежда, то и страдание не страшно! (Вбегают две девочки.)

Первая девочка. Няня, няня, голубушка! Спаси, укрой нас.

Вторая девочка. Спаси, спаси нас, няня!

Няня. Что такое? Что случилось, родные?

Первая девочка. Здесь будут гости, а нас не пускают. Гляди в задние комнаты, будто мы помешаем.

Вторая девочка. Спрячь нас здесь где-нибудь, няня, душка! Соберется много гостей, будут веселиться, плясать, нам тоже хочется посмотреть.

Няня. Где же мне вас спрятать здесь, на крыше?

Первая девочка. Няня, золотко, родная!

Вторая девочка. Да еще, няня, будет один приезжий из России, какой-то важный господин, Пушкин по фамилии. Так нам хочется на него посмотреть.

Няня. Но где же мне вас, пташек, спрятать? Здесь все, как на ладони. Вы уж лучше спрячьтесь в саду; оттуда тоже все будет видно.

Первая девочка. Ой, ой, уже идут!

Вторая девочка. Вот это хорошо! (Спрячутся за спиной няни.) Теперь мы уж никуда не можем уйти.

Первая девочка. Сядь в углу на выступ, а мы прикроемся твоим подолом...

Няня (ворча, исполняет просьбу, и дети прикрываются подолом).

(Входят одетые в национальные костюмы княгини, молодые девушки и юноши; потом Бектабегов, Гаврилов, Додашвили, Санковский, Вальховский, Геслинг, Карвицкий и другие. Шум, смех, гул голосов.)

Первая княгиня. Да, говорят, очень большой человек, не уступит покойному Грибоедову. Тоже, видно, будет министром.

Вторая княгиня. К тому же, оказывается, еще и холостой.

Третья княгиня. Ну, и возьмет в жены какую-нибудь нашу красавицу-княжну.

Первая княгиня. Зачем же княжну? А Дарико наша разве недостойна? Что она,—по-французски не знает, или танцевать не умеет? Так его завертит...

Третья княгиня. И ловкая же она у нас. Ведь и сегодняшний вечер она затеяла ради этого Пушкина, или как его там зовут...

Вторая княгиня. И откуда только у нее берутся деньги? Ведь деревни за долги продаются.

Третья княгиня. Откуда мне знать? Ведь она всегда жила лучше нас. То во Францию едет, то в Россию. Недавно представлялась самому русскому царю и, говорят, при дворе вскружила головы всем генералам.

Первая княгиня. А чего-чего не навезла она из Парижа,—какие платья, какие драгоценности,—прямо глаза разбегаются...

Додашвили (Санковскому). Нет, вы непременно должны дать мне разрешение, иначе — на что похожа моя газета? Одни лишь распоряжения правительства и публикации о торгах... Газета должна помещать стихи, небольшие рассказы, анекдоты...

Санковский. Все это ведь входит в вашу программу.

Додашвили. Э, что значит программа? Как будто не вы главный редактор всех наших газет— и грузинской, и русской и татарской... Суть дела не в программе, а в том, чтобы я мог пропускать материал. И в этом вы должны мне помочь.

Санковский. Что касается материалов, то в них я и сам нуждаюсь, коллега. Ведь мои «Тифлиские ведомости»...

Додашвили. Ну, вам грех жаловаться, дорогой мой. Вам сам Грибоедов помогал, да и кроме того, в сотрудниках у вас числятся такие ученые, как историк Броневский, и много других...

Санковский. Ну, и вы подыщите себе сотрудников.

Додашвили. Сотрудников мы найдем, по вы же не пропускаете наших материалов, чего-то все опасаетесь.

Санковский. Я, друг мой, незнаком с языком грузинским и вынужден доверять вам. Но вы побеседуйте все же по этому поводу с губернатором Завилейским.

Додашвили. Завилейского я щажу — не скрою этого от вас. Он держится весьма широких взглядов и почти открыто протезирует вольнолюбивым идеям.

Карвицкий (Вальховскому). Ну, и вовремя же пришла бумага от генерала Раевского. Не то сгнить бы мне совсем от этой лихорадки, на берегах Алазани. Два дня всего, как я присхал, и уже чувствую себя лучше... А теперь вы сделали мне еще сюрприз.

Вальховский. Друзья Раевского—мои дру-

зья! Он мне писал — не давать вам здесь скучать.

Карвицкий. Ну вот, вы и ввели меня в одно из лучших семейств Грузии и познакомили с гениальным поэтом. Я давний почитатель Пушкина и, сказать правду, сам будучи поляком, не знаю, кому отдать пальму первенства — нашему Мицкевичу или вашему Пушкину.

VIII

(Внизу у входных дверей)

Пирмзиса горячо убеждает в чем-то Бабуци.

Лопиана (у цырюльни).

О, боже, в какое попал я пламя,

Сердце горит — я готов умереть.

Как пес, на улице вечно валяюсь

И стерегу закрытую дверь.

Спросит прохожий:—«Что здесь тебе надо?»

— А разве, скажи, я мешаю тебе?

— «Однако, за дверью какая ж отрада?»

— Наивен вопрос твой — ступай себе прочь.

Иди, расскажи теперь встречному дурню,

Что там, за дверью, очей моих свет.

Ах, ждет меня гибель, и я это знаю,

Но — горе: иного пути мне уж нет!

IX

(На балконе у Бектабеговых)

Пушкин. Я и не знал, что Грузия имеет столь богатое прошлое. А поэт Руставели — это для меня полнейшая неожиданность. Нет, князь, непременно надо составить для меня небольшой обзор

грузинской истории и литературы. Я буду ждать его с нетерпением.

Э р и с т о в. Я попрошу это сделать нашего поэта, князя Чавчавадзе. Вследствие семейного горя, он, к сожалению, лишен возможности принимать вас у себя... Здесь есть также академик, француз Мари Броссе, он прекрасно изучил наше прошлое. Есть у нас и свой молодой историк, Платон Иоселиани, и у него также большие познания. Он имеет труды и на русском языке. В одном месте он, между прочим, говорит, что история Грузии — это сплошная поэма о многострадальном народе и его подвигах.

Г а в р и л о в (входит). Александр Сергеевич, почему вы покинули наше общество и уединились здесь? Правда, поэту приличествует уединение, но, — знаете, — отказываться от такого букета, какой собран там... Впрочем, простите, вы находитесь в обществе князя Элизбара..

Э р и с т о в. Князь Элизбар удаляется. С вами. Александр Сергеевич, я еще увижусь. Я сам зайду за вами, чтоб показать вам достопримечательности города...

Г а в р и л о в. О чем заботитесь, князь? А мы с Бектабовым на что? Мы именно должны показать дорогому гостю важнейшие памятники Тифлиса.

Э р и с т о в. Конечно, это ваш священный долг, но и я хотел сопровождать гостя. Как бы то ни было, Александр Сергеевич, постарайтесь побывать на горе святого Давида, это будущее место упокоения великого поэта. Советую взобраться туда в четверг..

П у ш к и н. Почему же именно в четверг?

Э р и с т о в. По четвергам в тамошнюю церковь совершают паломничество девушки, жаждущие за-

мужества, и замужние, но бездетные женщины. Зрелище весьма интересное. Там вам объяснят это богомолье и расскажут легенду...

Пушкин. Любопытно.

Дарья (входит). А теперь прошу вас на кровлю-веранду.

Х

(Внизу у дверей дома)

Пиримзиса. Ты для всех добрый ангел, душечка. И я свою судьбу вручаю тебе,—делай, как знаешь.

Бабуци. Как уже сказала, я переговорю с тетей Дарьей, чтобы она, женщина просвещенная, не удаляла тебя таким жестоким образом. Если же это не поможет, то я попрошу отца выкупить тебя и подарить мне.

Пиримзиса. Да, тебе, тебе! Я твои колени расцелую! (Хочет броситься на колени.)

Бабуци. Нет, нет, не надо. Не унижай себя. Ты — такой же человек, как и я.

Пиримзиса. Ой, что ты говоришь! С тобою никто никогда не сравнится. Недаром тебя называют ангелом.

Бабуци. Ну, хватит, хватит, Пиримзиса!

Пиримзиса. Прости, родная, что так задержала тебя. Но что поделаешь, когда сердце охвачено огнем?.. Иди, иди, дорогая. Ах, сколько времени я отняла у тебя... (Бабуци входит в дом. Пиримзиса хочет идти, но подкравшийся сзади Лопиана хватается ее за платье.) Ой, кто это?

Лопиана. Кому же быть, как не твоей тени, праху ног твоих, несчастному Лопиане.

П и р и м з и с а. Ах, Лопиана! А я думала, кто-нибудь другой.

Л о п и а н а. Другой? Пусть только осмелится кто-нибудь другой коснуться тебя пальцем. Я ему сразу закрою солнечный свет.

П и р и м з и с а. Брось! Мне самой уже закрывают солнечный свет.

Л о п и а н а. Кто? Кто? Скажи, кто?

«Пусть посмотрит меня в драке,— молодца,

Или с чашей за пирушкой,— молодца».

П и р и м з и с а. Эх, Лопиана, ты вечно готов шутить, а мне сейчас не до шуток. Уйди, оставь меня.

Л о п и а н а. Ой, что ты! Как я могу уйти от тебя?

«У меня путей десяток—

Они все — к тебе ведут.

Мысли все — тебя лишь встречу—

Где-то сразу пропадут».

А ты хочешь, чтоб я тебя оставил...

XI

(На углу веранды)

С а н к о в с к и й (к Додашвили). Хотите, я сам поговорю с Завилейским?

Д о д а ш в и л и. Прошу вас, этим вы меня весьма обяжете.

Э р и с т о в. Соломон, поди сюда, ты с кем это там?

Д о д а ш в и л и. С моим угнетателем, с моим мучителем.

Э р и с т о в. И ты с ним так откровенен? Что за наивный человек: каждому доверяешься...

До дашвили. Ну, уж кто бы говорил...

Эристов. Не скрою, я тоже человек увлекающийся, и там, где возможно, бью прямо в лоб; но он, кажется,— агент III отделения.

До дашвили. О, что с тобой, Элизбар? Ведь он — редактор, лигиратор, правая рука Завилейского.

Эристов. А я слышал, что он одно время состоял на службе в министерстве полиции. Хотя утверждать этого не могу.

До дашвили. Возможно, что это и правда... Как, однако, нужно быть осторожным с людьми.

Эристов. Ну, оставим это. Ты знаешь, Соломон, чем я тебя порадую?

До дашвили. Чем?

Эристов (*таинственно*). Фамилия Эристовых уже подписалась вся.

До дашвили. На «акте разума»?

Эристов. Нет, но почти что то же. Мы составили договор о том, что изменивший общему делу и нашим идеям,— словом, изменивший народным интересам,— будет проклят богом.

До дашвили. Значит, растут наши силы, Элизбар?

Эристов. Теперь уже скоро, Соломон. Ближится час...

До дашвили. Да, с божьей помощью.

Эристов. Не забудь же притти к царевичу Окропиру.

До дашвили. О чем же еще помнить — завтра, в полдень...

(Подходят Вальховский с Карвицким)

Вальховский. Знакомьтесь, господа: граф Карвицкий, польский патриот. А это — грузинские

патриоты: князь Элизбар Эристов и Соломон До-
даев. (Рукопожатия.)

Эристов. Смеяться изволите?

Вальховский. Отнюдь нет. Только вот,
граф был уже в заговоре, а вы... Вам помогай бог.

Карвицкий. Посему прошу не удивляться
моему костюму. (Указывает на свою солдатскую ши-
нель.) Я к нему начинаю привыкать.

Додашвили. В наши дни для людей, подоб-
ных вам, это — лучшее украшение.

Гаврилов (Бектабегову). Кто этот старый
солдат? Откуда он взялся?

Бектабегов. Его, кажется привел Вальхов-
ский. Очевидно, тоже из этих, из декабристов...

Гаврилов. Ну, спасибо ему за это не скажут.
Выясните личность.

XII

(На веранде у Бектабеговых)

Старая княгиня (Пушкину). Да, да, на
коронации я увидела его впервые. Ах, что за чело-
век наш государь! Полубог! Я уже не говорю о его
царственной внешности, — она известна целому ми-
ру. Я говорю о внутренних качествах. Какое ред-
кое гостеприимство, какая тонкость в обращении,
какой великий ум, какое обаяние! Настоящий олим-
пиец!

Голоса. Да! Наш император — гениален.

Гаврилов. Вы, кажется, изволили наморщить
лоб, Александр Сергеевич?

Пушкин. Лоб? Вы слишком любезны. Я вижу,
вы следите за каждым движением моего лица.

Бектабегов. Как же иначе: мы хотим охра-
нить вас от дуновенья ветерка.

Пушкин. Однако, это будет не совсем на пользу мне. При здешней нестерпимой жаре вето-рок весьма необходим.

Гаврилов. Наше желание, чтобы в бытность вашу здесь даже ногти на пальцах у вас не забо-дели.

Пушкин (*разглядывая свои холеные ногти*). Мои ногти? Почему вы о них заговорили? «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей».

Гаврилов. О, это сказано гениально!

Пушкин. Но я опасюсь одного: не слишком ли длинны они у меня. Быть может, здесь это не в обычае?

Гаврилов. Что вы! Многие из здешних пе-стоят одного вашего ногтя.

Бектабегов. Вот и опять у вас появилась на лбу морщинка.

Пушкин. Дался вам мой лоб. Поверьте, он не стоит ваших попечений. Взгляните-ка лучше на эту чету! (*Указывает на пляшущую пару: кавалер, в на-циональном костюме с откидными рукавами, дама — под фатой; под звуки бубна они танцуют «давлу-ри».*)

Гаврилов. (*Отходя, Бектабегову.*) Как вы, однако, бестактны, сударь. Пристали к нему...

Бектабегов. Но вы же первый заговорили о морщине у него на лбу.

Гаврилов. Ну, я сказал — и довольно; а вы без конца повторяете мои слова. Нападать следует внезапно, чтобы застать врасплох. А вы, вы забы-ваете, кто перед вами, — ведь это, братец, Пушкин! Понимаете — Пушкин!

XIII

(На балконе у купца Тулухчиева)

Дочь (глядя на танцующих). Ах, какая прелесть! (Кричит, посылая кому-то воздушный поцелуй.) Душка, душка! Папочка, папа, взгляни, как танцуют.

Тулухчиев. Ты танцами любишься, или своим разорившимся князьком, который там вытягивается воблой?

Дочь. Что ты, папочка, разве можно о нем так говорить? (Отходит.)

Жена. Смейся, смейся над этим князьком, а только, боюсь, как бы он тебя не оставил на бобах.

Тулухчиев. Кто, Бектабегов,—этот петрушка?

Жена. Петрушка он или нет,—не знаю, но говорят, он хвастал: «Обручусь с дочкой Тулухчиева, возьму приданое, а потом уж знаю, на ком мне жениться».

Тулухчиев. Кто ж тебе это передал?

Жена. А наша Текле.

Тулухчиев. Много знает твоя Текле! Недаром говорится: где Текле, а где Эрекле.

Жена. Ну, что ты там ни говори, а она так близка к их семейству, что всю подноготную знает.

XIV

(На веранде у Бектабеговых)

Бектабегов. Теперь хорошо бы попросить нашу невестку подарить нас танцем «мирзайя».

Дарья. О-о, нет, душка, где мне? Я вовсе разучилась. (Гул голосов: «Непременно, непременно!»)

Гаврилов. В честь дорогого гостя.

Пушкин. Я вас прошу.

Дарья (кокетничая). Но я его давно уже не танцевала.

Все. Просим, просим.

Пушкин. Я прошу вас.

Дарья. Если так, я не в силах отказать. (Плещет «мирзайю». Проходя мимо Пушкина, вполголоса.) «Будь наш, привыкни к нашей доле, к бродящей бедности и воле, останься с нами навсегда».

Пушкин. «Я — остаюсь...»

Дарья (удаляясь). «Он будет мой, кто ж от меня его отгонит?»

Вальховский (Карвицкому). Все это для него так дико, так первобытно и далеко.

Карвицкий. Вы только взгляните на это общество, на их одежду и манеры. Европа и—Азия: грузинская фата на голове—и кринолин, «коши» на ногах—и книксен; в кафтанах с откидными рукавами они делают антраша... Ха-ха! Меняет свой древний облик и эта страна. Так и у нас, в Речи Посполитой; но, к сожалению, все это совершается насильственно, по принуждению, мой друг...

XV

(На балконе у Тулухчиева)

Тулухчиев. Если это правда, то напляшется он у меня. Завтра же так прижму и его, и его невестку, которая там сейчас скачет сорокой, что они проклянут час своего рождения. Как, он хочет насмеяться над моей милой девочкой? Он думает, я не найду ей другого жениха? Чорта с два: я отберу у Бектабегова и землю, и крестьян, и все это отдам в приданое моей дочери.

Д о ч ь (*подходя*). Как это, папа? Разве он не женится на мне?

Ж е н а. Что ты, детка, он никогда не осмелится перечить твоему отцу.

Д о ч ь (*в слезах*). Не женится, не женится, я знаю!

Т у л у х ч и е в. Подожди, дочка, дай досказать.

Д о ч ь (*продолжая плакать*). Не женится, не женится!

XVI

(На веранде у Бектабеговых)

П у ш к и н. Значит, у вас здесь выходит газета и на грузинском языке?

В а л ь х о в с к и й. Конечно, вот и ее редактор— Соломон Додаев,— вы не знакомы? Прошу вас к нам, господин Додаев.

Д о д а ш в и л и (*подходит*). Додаев.

Д а р ь я (*Вальховскому*). Простите, на одну минуту. (*Отходит с Вальховским.*)

П у ш к и н. Что ж, фамилию свою вы переделали на русский лад?

Д о д а ш в и л и. Да, переделывают наши фамилии, и нас самих переделывают. Вы — русский, но вам, великому поэту, я могу это сказать: вы стоите выше толпы; конечно, русское общество здесь не причем, но ваша администрация, эти представители царского самодержавия... Передовые, хорошие русские люди к нам, вообще, не едут. Такие гости, как вы, попадают к нам случайно. Поверхностно знакомятся с нашей страной и поверхностно упоминают нас потом «в своих молитвах». Если что и напишут о нас, то в таком роде, что пришлось, мол, им ви-

деть огромный кувшин, в котором утонули два человека, вследствие чрезвычайной любви к винопитию.

Пушкин. Вообразите, нечто подобное пришлось слышать и мне по пути сюда: недавно, русский драгун,— рассказывали мне,— тайно открыв такой кувшин, упал в него и утонул в кахетинском, как несчастный Кларенс в бочке малаги.

Додашвили. Ну, вот видите... Или напишут, что видели кинжал,— сажень в длину, четыре четверти в ширину,— и прибавят, что такими кинжалами у нас на улицах убивают людей. И насчет наших бань не забудут упомянуть: видел, мол, бани, и железно-серные источники в них чрезвычайно горячи.

Пушкин. Позвольте, о ваших славных, роскошных банях и я хочу написать. Я побывал уже и..

Додашвили. Как знаете. Но таким, как вы, гостям, это извинительно. Вообще же следует сказать, что большинство приезжающих к нам русских—это забубенные головушки, которым нечего терять, люди, гонимые судьбой, преступники политические, либо иные, стремящиеся искупить свою прежнюю вину особливым усердием, и в этих видах не брезгающие никакими средствами. Они не считаются ни с чем: ни с здешними обычаями и правами, ни с духовным богатством народа, ни, наконец, с его кровными нуждами; все они—сплошь взяточники, развратники, пьяницы. Нет, не приезжают к нам на постоянное жительство и для нашего блага хорошие русские люди.

Пушкин. Слова ваши заставляют глубоко задуматься.

Г а в р и л о в (вынырнув из толпы). Над чем задуматься, господин Пушкин?

П у ш к и н. Над поведением некоторых людей, мой любезный.

ХИ

(На балконе у Тулухчиева)

Т у л у х ч и е в (лаская дочь, которая уже успокоилась). И вот, все это будет твоим, детка. А тут еще Паскевич хочет, чтоб я построил в Тифлисе большой караван-сарай. И я построю. Знаешь ты, дочка, что тогда будет? Вся торговля города окажется в моих руках, вот как! Да что я говорю,— «города»? Торговля всей здешней губернии, торговый оборот всего Кавказа будет зависеть от меня. И как будет тогда выглядеть этот твой Бектабегов? Я тебя выдам не за него, а за такого князя.. Твой дом будут посещать только генералы и министры. (Указывая на веранду.) Это, что ты там видишь,— все эти Пушкины будут увиваться вокруг тебя, сочинять тебе стихи. Приедет русский царь и первый визит сделает к тебе. Собственными руками наденет на тебя ленту. Вон, видишь, на старой княгине орден,— так он тебе еще лучше нацепит. Потом поедешь за границу...

Д о ч ь. Ах, как это приятно!

О т е ц. Еще бы! Поедешь за границу, там будешь танцевать с королем французским, а король аглицкий сделает тебе подарок.

Д о ч ь. Папа, папочка! Неужели все это возможно?

О т е ц. А что здесь особенного? А ты плачешь: не женится, не женится..

ХVШ

(На веранде у Бектабеговых)

Старая княгиня. Нет, Бабуци, прошу тебя: прочитай ему.

Бабуци. К чему это, разве он не знает своих собственных стихов?

Санковский (Пушкину). Кажется, сия девица собирается читать ваши стихи...

Пушкин. Счастлив буду послушать.

(Все общество приготовилось слушать; Бабуци хочет начать, но в это время две девочки, ранее прятавшиеся за юбкой няни, подбегают к гостю с двух сторон и громко, но несмело выкрикнув: «Пушкин, Пушкин», убегают обратно. Пушкин улыбается. Воцаряется тишина. Бабуци читает с поднятой головой.)

Бабуци. «Слыхали ли вы за рошей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?

Когда поля в час утренний молчали,

Свирели звук унылый и простой

Слыхали ль вы?

Встречали ль вы в пустынной тьме лесной

Певца любви, певца своей печали?

Следы ли слез, улыбку ль замечали,

Иль тихий взор, исполненный тоской,

Встречали ль вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихий глас

Певца любви, певца своей печали?

Когда в лесах вы юношу видали;

Встречая взор его потухших глаз,

Вздохнули ль вы?»

Пушкин. Bravo, bravo! Но, скажите, почему выбрали вы это юношеское стихотворение? Впрочем, вы сами так еще юны, дитя мое. А что это за

книга у вас? (*Берет книгу. Бабуца краснеет.*) «La conspiration pour l'égalité dit de Babeuf»? Ого, это уже не детское чтение. Скажите, ужели и вас интересуют вопросы общественного блага? Что ж вы, однако, вынесли из чтения Бабефа?

Бабуца. Это — экзамен? Извольте, я согласна! Меня пленяет мысль Бабефа о том, что «природа равно всех людей наградила правом пользоваться многоразличными благами жизни», что «труд и наслажденья должны быть общи и равны», что «должно установить общее имущество или объединение имуществ».

Пушкин. Bravo, bravo! Однако, замечая я, — удивительная страна эта Грузия.

Бабуца. Я собиралась прочесть ваш «Кинжал» но...

Пушкин. О, это запрещено! А мысль ваша, видать, направлена весьма своеобразно.

Дарья (*Пушкину*). Ах, какая чудная пьеса этот ваш «Певец»; а я сто, признаться, позабыла. (*Уводит Пушкина.*)

Старая княгиня (*Бабуца*). Что такое, что за книгу ты показывала ему? Не осрамила ль ты нас? (*Читает.*) Что? В моем доме книга, отрицающая бога и царя? От тебя я этого не ожидала, Бабуца. А еще умницей тебя почитают. Спрячь скорей, пока Пето не увидал. Ведь он тебе там строит куры, чуть ли не собирается на тебе жениться...

Бабуца. Ах, что вы, бабушка! (*Удаляется.*)

Санковский. А теперь, государи мои, попросим всем хором нашего дорогого гостя, наше светило, прочитает нам что-нибудь.

¹ Заговор равных, составленный Бабефом.

Няня. И-и, что вы, благодетельница, что они у меня поймут?

Старая княгиня. Est ce comme il faut d'écouter les contes de la bonne?¹

Пушкин. Pourquoi pas! Si vous le permettez et elle le veut bien, je t'entendrai avec plaisir².

Старая княгиня. Ну, видишь, няня, пришел и твой черед. Гость желает, чтоб ты что-либо прочла. Только не надо сказок, прочти-ка коротенький стишок, и хватит.

Няня. И-и, что вы, государыня, какое время мне стишки читать!

Бабуца (*подбежав к ней*). Нет, няня, голубушка, прочти! (*Шепчет ей на ухо. Няня, повидимому, довольна, но жеманится.*)

Старая княгиня. Ну, няня, читай.

Няня. Слушаюсь, сударыня! (*Выходит вперед, выпрямляется и читает с неожиданной экспрессией.*)

Тигр и юноша схватились,—час полночи миновал;

Поломали ветви в роще, повалили глыбы скал.

Тигр как бросился — свирепый взор господень

гнев метал,

Встречи с тигром близ аула смелый юноша

не ждал.

Он щитом закрылся — тщетно: тигр, рожденный

среди скал,

Панцырь юноши кольчужный вмиг когтями

разорвал.

Но и юноша из пожен быстро франкский меч

достал;

Над постелью каменной оба свесились со скал

¹ Прилично ли это, — слушать нянюшкины сказки?

² Отчего же? Коль вы позволите и она согласна будет, я с удовольствием послушаю.

И легли, свалившись оба, чуя смерти близкий час.
Вокруг них песок сыпучий кровь окрасила тотчас.
Мать узнала, села наземь, слезы ей давили грудь:
«Сын мой с тигром повстречался,— зверь

коварный, проклят будь!

Ты не умер, сын мой, спишь ты, жаркой битвой
изнурен;

Как подол твоей кольчуги разорвал проклятый—он?

Но ему не уступил ты — меч твой в битве
притушен!

Ни один из вас другому передышки не давал,
Да не смог ты защититься, хоть и меч в руках
держал.

Но не буду над тобою слез я больше лить
из глаз:

Одного взрастила сына — с тигром биться он
горазд!

Но и тигра ж мать вскормила — мысль одна в
мозгу моем,

Может быть, она сильнее скорбит о детище своем?

Я отправлюсь и приду к ней и утешу в горе том;

Расскажу я ей о сыне,— а она мне — о своем»¹.

Пушкин (*восторженно аплодирует*). Прекрасно, прекрасно! Ничего нет выше народного гения! (*Дарье.*) Вы и впрямь сделали мне неожиданный сюрприз.

Первая княгиня. Ой, батюшка, от зевоты чуть не вывихнула челюсти.

Вторая княгиня. И я тоже.

Третья княгиня. Хоть бы в лото сыграть, а то — что такое, слушать нянюшкины сказки. С ними мне и дома надосла моя Титико...

¹ Перевод Бориса Серебрякова.

Первая княгиня. Старая княгиня говорила — лото сегодня не будет. Это занятие хорошо для каких-нибудь Тулухчиевых, а перед таким высоким гостем нельзя же, говорит, срамиться.

Вторая княгиня. Так дали бы скорее ужинать. Время, кажется, не раннее..

Третья княгиня. А к ужину, видно, ждут Каплана. Нужен же тамада. Гостю надо показать грузинский стол во всей красе. Без Каплана никак не обойтись.

Бабуци. Тетя Даро, тетя Даро! На минуту.

Дарья. В чем дело, Бабуци?

Бабуци. Правда, что Пиримзиса с отцом продаются?

Дарья. Кто тебе сказал?

Бабуци. Она сама. И торги будто уже назначены.

Дарья. А ты причем? Впрочем, да... Ты же у нас передовая особа: Мадам де-Сталь! Шарлотта Корде! Читася французские запрещенные книги!

Бабуци. Будет вам издеваться, тетя! Дело идет о живом человеке. Ужели вам не стыдно выбрасывать людей, как мусор? В конце концов, в чем они провинились?

Дарья. Во многом! Отец ее упрям и неуживчив, сама же она слишком хороша собой.

Бабуци. Гм... красота помехой?

Дарья. Вот именно, красота. Ты не знаешь, какой повеса мой деверь, вот, что за тобой волочится.

Бабуци. Тетя! Прошу вас!

Дарья. И потом, он задолжал Тулухчиеву большую сумму, а платить нечем. И я должна избавить семью от позора. И без того слишком много

говорят наши русофилы¹ о жестокостях и разврате помещиков.

Бабуци. И поэтому надо продавать людей? Неужели нет другого выхода?

Дарья. Я не хочу допустить, чтобы на семью Бектабеговых легло пятно...

Бабуци. А это — не пятно, когда вы продаете живых людей?

Дарья. О, дорогая моя, продажа с публичного торга крепостных крестьян — дело законное, и поэтому здесь нет, и не может быть, никакого пятна!

Геслинг. Взгляните, Александр Сергеевич! Вот, где настоящая идиллия. *(Показывает вниз на улицу, где у дверей дома сидит Лоппана, играет на «тари», а Ширимзиса, прислонясь к двери, слушает его. Оба освещены луной.)*

Пушкин. В своем роде Венеция. Счастливый народ!

Вальховский. А вот граф Карвицкий, — я вас, кажется, познакомил, — держится иного мнения на этот счет.

Пушкин. О том, что на земле нет абсолютного счастья, не так ли? Это мы знаем давно.

Карвицкий. Да, но возможного достичь возможно. Вот и здесь... Вверху такое празднество, такое непринужденное веселье, а внизу молодость плетет венок любви; однако, кто знает, что ждет их завтра? Жестокая воля господина может ее продать в Турцию, а ему забрить лоб.

Додашвили. Граф Карвицкий прав. Кто знает, как могут отравить им эту минуту блаженства.

¹ Так назывались передовые интеллигенты, учившиеся в России.

Г е с л и н г. Вот вам двое пессимистов.

П у ш к и н (*мрачно*). Да, страшно и позорно наше крепостное право.

Д о д а ш в и л и. Оно не было таким в старой Грузии.

К а р в и ц к и й. Как не было? И было, и сейчас есть! Я сам видел в бытность мою в Кахетии...

Д о д а ш в и л и. Да, но таких ужасных форм никогда у нас не принимало крепостное право. Еще в XII веке наш Руставели учил: «Раздай именье нищим, освободи рабов...»

П у ш к и н (*уловив последнее слово*). Как, как? Прошу вас повторить. (*К нему подходит старая княгиня*). Вы что-то изволите мне приказать, княгиня?

С т а р а я к н я г и н я. Да, я хотела вас спросить: не угодно ли будет вам сыграть с нами в ералаш?

П у ш к и н. В е р а л а ш? Рад буду, если только не забыл.

(В это время из-за угла улицы показывается князь Кап л а н О р б е л и а н и. С ним много гостей. Их сопровождает зурна. Они идут с шумом. Подойдя к дому, Кап л а н кричит:

«Бельвью!» На веранде приветственный шум.)

Г о л о с а. Ой, ой, Кап л а н показался!

— Идет наш сорви-голова!

— Ну, тамада наш здесь!

— Теперь уж скоро сядем за ужин!

— Кап л а н! Кап л а н!

XIX

(Внизу, у дома Бектабеговых)

К а п л а н (*проходя мимо Лопиана и Пиримзисы*). Ну, и девчонку же ты подцепил, братец. Бель-

вю! Помни — первая ночь моя! Бога не гнѣви.
(Смеясь, входитъ в дверь.)

Пиримзиса. Слышишь, что онъ говорит, Лопиана? Вдругъ я за тебя выйду, а онъ свое возьмет.

Лопиана. Ничего, это онъ такъ, дурачится. Ты не обращай вниманія.

Пиримзиса. Нетъ, пусть ужъ лучше продадутъ, чемъ попастьъ в его лапы.

Лопиана. В его лапы? А я где? Я ведь жив еще!

Пиримзиса. А тебя-то ужъ, конечно, никто не спросит. Сам-то ты разве не крепостной князей Орбелиани?

Лопиана. Орбелиани, конечно, да, но не Каплана, а князя Григорія, а с нимъ мы — какъ братья, ведь онъ поэт.

Пиримзиса. Эхъ, какъ знать. Податься все равно некуда: либо продадутъ, либо попадешь в пасть к такому вотъ дракону.

XX

(На верандѣ у Бектабеговыхъ)

Капканъ входитъ со свитой, останавливается посрединѣ веранды, оглядываетъ всехъ и кричитъ.

Капканъ. Бельвю! (Подражаніе крестьянскому говору.) Почтение мое собравшимся здѣсь господамъ.

Старая княгиня. Брось дурачиться, князь. Поди лучше, познакомься с нашимъ дорогимъ гостемъ.

Капканъ (наступая на Пушкина). Дворянинъ?

Пушкинъ (улыбаясь, киваетъ утвердительно).

Капканъ. Одного изъ вашихъ дворянъ мы уже приняли в свою семью — Грибоедова, царствіе ему

небесное,— хороший был человек. А ты должен оказаться еще лучше! А это кто? (Указывает на Карвицкого.) Граф? А-а, вот это хорошо! Бога ради, только не сажайте меня рядом с этими семинаристами и хохлатыми вольнодумцами. (Заметив Додашвили.) Ах, прости, Соломон, это я не в обиду тебе. Ну, идите знакомиться, молодцы! (Представляет Пушкину пришедших с ним.) Князь Багратион-Мухранский, князь Джамбакуриан-Орбелиани, мой племянник, хоть и не похож на меня, но... что поделаешь? Мельчаем, господин поэт, мельчаем, опускаемся, уходим со сцены. Э-эх! Бельвио!.. Князь Андроников, князь Джорджадзе, князь Джандиери...

В а л ь х о в с к и й (Пушкину). Все — здешняя золотая молодежь.

Кап л а н. А как же? Но только все они «софисты», мерзавцы; и я с ними становлюсь «софистом».

Пу ш к и н. Софисты? Это каким же образом?

Кап л а н. А вот подынешься на гору св. Давида я там узнаешь. (Целует кончики своих пальцев.) Бельвио! (Удаляется к дамам. Там сразу возникает шум и смех.)

Г е с л и н г (Пушкину). На Давидовской горе живет молодая девушка редкой красоты, спасается у старой монахини. По ней сходит с ума здешняя молодежь. Зовут ее Софией; таким образом — все они «софисты».

Д а р ь я (к вновь пришедшим кавалерам.) Нет, нет! «Софистов» я к себе не допускаю! (Гонит их.) Вот я хотела попросить Александра Сергеевича написать мне что-либо в альбом...

Пу ш к и н (слегка морщится). В альбом?

Д а р ь я. О, я эщаю, как вы высмеяли в «Оне-
гине» уездных барышень с их альбомами:

«Тут непременно вы найдете
Два сердца, факел и цветки; .
Тут, верно, клятвы вы прочтете
В любви до гробовой доски...»

П у ш к и н *(продолжает)*. Позвольте, но..

«В такой альбом, мои друзья,
Признаться, рад писать и я,
Уверен будучи душою,
Что всякий мой усердный вздор
Заслужит благосклонный взор».

Д а р ь я *(мечтательно)*.

«И впрямь, блажен любовник
скромный,

Читающий мечты свои

Предмету песен и любви,
Красавице приятно-томной».

П у ш к и н. «Блажен.. хоть, может быть, она
Совсем иным развлечена...»

XXI

(Внизу у дома Бектабеговых)

П и р и м з и с а. А теперь иди, голубчик. Уже
поздно, сейчас меня позовут.

Л о п и а н а. Ну, вот еще,— поздно! Я не по
часам живу. Они себе там веселятся, что им до нас?

П и р и м з и с а. Эх, ты так беспечен, что и моя
печаль не трогает тебя.

Л о п и а н а. За твое дело я возьмусь,— верь
мне. Пока я не хочу подымать скандала, жду князя
Григория; знаю, он мне ни в чем не откажет. Если
ж не удастся, разве я не могу похитить тебя? По-

хитил же Арсен девушку у Заала Баратова; а я чем хуже Арсена?

«Посмотри, когда кучу, каков я — молодец».

Пиримзиса. Довольно хвастать! Но... что поделаешь с этим сердцем: оно все же надеется на тебя.

Лопиана. Пусть мое сердце засыплут землей, пусть вконец сгинет моя молодость, если Лопиана не вырвет тебя из когтей этих хищников. Жаль, что до сих пор не знал я...

Пиримзиса. Хорошо, хорошо. Только теперь уходи! *(Хочет идти.)*

Лопиана. Девушка!

Пиримзиса. Чего тебе?

Лопиана. Гонишь?

Пиримзиса. Чего тебе?

Лопиана. Эх, вот чего! *(Неожиданно обвиняет ее.)*

Пиримзиса. Ой, мама!

(Дарья с Пушкиным спускаются с веранды. Лопиана и Пиримзиса разбегаются. Дарья и Пушкин входят в беседку, увитую виноградом)

Дарья. «Впервые девственной душой
Она любила, знала счастье;
Но русский жизни молодой
Давно утратил сладострастье»...

Пушкин. «Ты их узнала, дева гор,
Восторги сердца, жизни сладость!
Твой огненный, невинный взор
Таит в себе любовь и радость».

Дарья. «Я верила — душа родная
Здесь встретиться со мной должна;
И, безотрадно изнывая,
Меня вседневно ждет она».

Пушкин. «Нет, никогда среди пыльных дней
Кипящей радости моей
Я не желал с таким мученьем
Лобзать уста...»

(Хочет обнять ее, но в это время в беседку входит Кап-
лан Орбелиани)

Кап-лан (увидев их). Бельвю!

Дарья (вскакивает, подбегает к нему, кладет
голову на грудь и по-детски, с упреком). Ах, дядя!

Пушкин (хохочет).

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

(Комната Пушкина в трактире)

Пушкин (*один стоит у окна, из которого видны Кавказский хребет с вершиной Казбека, а ближе — цветущие долины.*)

«Придет ли час моей свободы?
Пора, пора.— Взываю к ней.
Брожу над морем, жду погоды,
Маню ветрила кораблей.
Под ризой бурь с волнами споря,
По вольному распутью моря
Когда ж начну я вольный бег?
Пора покинуть скучный брег
Мне неприязненной стихии,
И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей,
Вздыхать о сумрачной России,—
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил...»

Голос Лопиана (*за сценой*). Черешни, черешни! Хороший черешни, шпанчки черешни.

Пушкин. Счастливый человек! На голове лоток — и в нем все его богатство. Заработает два гроша — и вот тебе добрый кусок хлеба. Не заботят его ни думы о высокой вольности, ни тяжкие мысли о жизни земной. Хотя, как знать? В Грузии, кажется, есть поговорка: «в каждой семье кипит где-то свой котелок». Возможно, и у него есть своя забота... Эй, черешни, сюда, сюда! (*Подходит к столу, перелистывает тетрадь; из нее выпадает листок, он его поднимает.*) А-а? Стихи Одоевского:

«Но будь покоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями...»

(За сценой голос: «Нельзя, нельзя. Куда лезешь!»)

Голос Лопиана. Почему нельзя? Барин приказал.

Пушкин. Пусти, Федор, я звал его.

Лопиана (*входит, на голове лоток*). Вах, вах! Черешни, барин! Какие черешни!

Пушкин (*игриво*). Черешни, черешни... Вчерашний, вчерашний...

Лопиана. Ва, почему вчерашний? Сегодня чуть свет красивый девка рвал.

Пушкин. «Пастушка приходит
В вишенник густой
И много находит
Плодов пред собой...»

Лопиана. Посмотри, барин: румянец, как у стыдливой невесты.

Пушкин. Лицо твое, братец, мне что-то знакомо.

Лопиана. Ва! Всем в городе мое лицо знакомо. Где я только не бываю, с кем не встречаюсь.

Пушкин. Нет, погоди... Совсем недавно, вечером, у дома Бектабеговых, на улице... Не ты это был?

Лопиана. А я почему знаю.

Пушкин. Ты пел, а какая-то милостивая девушка слушала тебя.

Лопиана (*поражен*). Ва, откуда ты знаешь?

Пушкин. Разве неправда?

Лопиана. Ну да, бываю я там иногда, у своей любимой.

Пушкин. Как ее имя?

Лопиана (*вздыхнув*). Пиримзиса зовут ее, а родилась она под несчастной звездой.

Пушкин (*повторяет*). Пиримзиса, Пиримзиса. Почему же она несчастна? Ведь ты ее любишь?

Лопиана. Люблю ли? Я голову отдам за нее! А несчастна она потому, что продают ее. А моего князя Григория здесь нет.

Пушкин. Кто продает?

Лопиана. А эти вот, Бектабеговы. (*Стук в дверь.*)

Голос Санковского. Можно, Александр Сергеевич?

Пушкин. Прошу, прошу.

Санковский (*входит*). А вы уже привлекли к себе одного из истых аборигенов нашего города.

Пушкин. Да, покупаю черешни... Отвесь-ка мне фунта три.

Лопиана. Одну оку?

Пушкин. Это что значит?

Санковский. А это тоже самое, по-здешнему. (*Лопиане.*) Свесь одну оку.

Лопиана. Сейчас, ага-джан. (*Взвешивает.*)

Пушкин (платит, хлопает его по плечу). Благодарю, дружок, заноси иногда фрукты.

Лопиана. Ва, барин, такую прелесть принесу тебе: клубнику, землянику.

Пушкин. Отчего же! Приноси. Ну, а пока прощай.

Лопиана. Благословенно твое благородное лицо! (Уходит.)

Санковский. А я принес вам свою газету. Перелистайте и выскажите ваше мнение.

Пушкин. Весьма рад. (Перелистывает.)

Санковский. Только, к великому сожалению, в последнем номере не смог я ничего поместить по поводу вашего прибытия сюда.

Пушкин. Вот, здесь что-то есть...

Санковский. Это — старый номер, от 26 апреля.

Пушкин. Все ж интересно, что вы обо мне писали? (Читает.) «Мы ожидали сюда одного из лучших наших поэтов, но сия надежда, столь лестная для любителей Кавказского края, уничтожена последними письмами, полученными из России». О, вы слишком любезны.

Санковский. А последнюю свою заметку я пока не поместил.

Пушкин. Почему? Цензура запретила? Кстати, у вас здесь свой цензор?

Санковский. Да, это дело поручено здесь Завилейскому, гражданскому губернатору.

Пушкин. На-днях мне пришлось с ним познакомиться.

Санковский. Особа весьма просвещенная и изрядно нам помогает. Однако, не скрою, теперь вот в дело вмешался генерал Стрекалов и... он,

конечно, не против того, чтобы вам был оказан достойный прием и проезд ваш был отмечен в печати, но... побаивается, поскольку вы прибыли сюда без разрешения.

Пушкин. Да, я этого и не скрываю. Однако, как вам известно, я намереваюсь отсюда проехать в действующую армию и написал письмо к другу моему, генералу Раевскому, с просьбой исходатайствовать на то позволение главнокомандующего, графа Паскевича.

Санковский. Да, вы об этом говорили. Что ж, вдвойне хорошее дело: во-первых, пребывание ваше здесь получит законную форму, а, во-вторых, поездка ваша на фронт подарит нас новыми шедеврами.

Пушкин. Весьма был я опечален, не застав Раевского здесь. Я надеялся и спешил к нему.

Санковский. Слышал я, что он большой ваш друг. Но простите, Александр Сергеевич, мой вам совет: известите вы и генерала Стрекалова о посланном вами письме.

Пушкин. Благодарю за совет. В Тифлисе я предполагал найти много и других моих друзей и знакомых, выехавших сюда и здесь ищущих успокоения.

Санковский. Конечно, у нас на Кавказе много русских образованных людей, особенно так называемых декабристов, но они здесь разбросаны, частью в действующей армии, частью в недоступных ущельях гор, опять-таки по причине войны, и в Тифлисе появляются редко.

Пушкин. Печально, очень печально... Однако, газета ваша, действительно, заслуживает внимания. В ней я вижу не только распоряжения правитель-

ства и хронику, но и произведения изящной словесности и исследования историко-этнографические. О-о, это весьма нужное дело! Вы хоть немного знакомите нас с новыми и интересными странами. Особенно Грузия привлекает мое внимание. Я представлял себе ее совершенно иною. Она мне казалась дикой страной. Правда, прекрасной и воинственной, но совершенно непросвещенной.

Санковский. К сожалению, наши вовсе не знают ее. В России рисуют себе Грузию превратно. Справедливость же требует сказать, что народ грузинский имеет славное прошлое и сделал значительный вклад в сокровищницу человеческой культуры. Кто захочет изучить прошлое Грузии, тот найдет непочатый край весьма ценных и совершенно самобытных материалов...

Пушкин. Да, чувствуется на каждом шагу, что страна эта весьма любопытна и должна возбуждать интерес исследователя. И я хотел бы поближе ознакомиться с ней. Вы, Павел Степанович, могли бы оказать мне в этом большую помощь.

Санковский. Почту за счастье быть вам полезным, Александр Сергеевич, если только приложусь.

Пушкин. Не скромничайте. Ведь вы, кажется, получили образование в Европе и здесь служите давно?

Санковский. Да! Я отчасти изучил прошлое и настоящее этого народа и верю в его блестящее будущее, но... я ведь только небольшой чиновник здешней администрации и вынужден следовать велениям моего начальства. Но что касается необходимых вам сведений, то об этом не приходится и го-

ворить: я обязательно и с удовольствием помогу вам.

Пушкин. Вы сказали «обязательно», так не забудьте ж этого слова. Я предполагаю описать мое путешествие и одну главу посвятить Грузии.

Санковский. Это будет чудесно! Додаев меня уже спрашивал: «Неужели о Грузии он ничего не напишет?» Теперь я его обрадую.

Пушкин. Этот Додаев, видать, весьма образованный человек.

Санковский. Да, он же и писатель. Имеет исследование о происхождении грузинского языка. Также — крупное сочинение «Курс философии». Последний, говорят, представляет собою весьма значительный и серьезный труд.

Пушкин. Вот как!

Санковский. Здесь живет ученый муж. Мари Броссе, и он говорит, что грузины имеют природную склонность к философскому мышлению.

Пушкин. Скажите! *(Продолжая перелистывать газету.)* Но позвольте, какие, однако, смелые статьи помещаете вы в своей газете! Любопытно, кто их автор? Декабристы вам, видно, помогают?

Санковский. От вас скрывать не стану. Некоторые из них — да; например, сотник Сухорукков.

Пушкин. О, этот прекрасный историк Донского казачества?

Санковский. Да. Затем — Гангеблов.

Пушкин. Александр Семеныч?

Санковский. Да! Затем Кривцов и ряд других...

Пушкин. Ха-ха, и после этого вы — небольшой чиновник администрации? В качестве редакто-

ра вы, однако, проявляете изрядную смелость. Видать, и цензор ваш порядком поддерживает вас?

Санковский. К сожалению, собираются ныне перенести цензуру моей газеты в столицу. Это, конечно, убьет ее. Вы представляете: для получения разрешения на очередной номер потребуются сорок-пятьдесят дней. Каково это для газеты? Правда, пока-что она выходит в свет всего раз в неделю...

Пушкин. Нет, сохрани вас бог попасть в лапы петербургской цензуры. Вы не представляете себе, что это такое. Это сплошь трусы и глупцы. Петербургский цензор ничего не смыслит в литературе. Он зачеркивает, марает, кроит по прихоти и уродует сочинение. Белое считает черным, желтое — красным, сатиру зовет пасквилем, поэзию — развратом, а голос правды мятежом. Слово «просвещение» он считает запретным, умственные упражнения ему кажутся революцией. На все он смотрит с подозрением, во всем готов видеть отраву... Меж муз он бродит евнухом докучным, Парнас ему представляется монастырем... Он забывает, что породистого коня нельзя держать на привязи в конюшне... Нет, упаси вас бог от петербургской цензуры.

Санковский. И вы должны посодействовать, Александр Сергеевич, чтоб нам оставлена была здешняя цензура.

Пушкин. Я? Но вы же знаете — я сам под надзором.

Санковский. Что ж из того? Это есть временная предосторожность правительства. Мне известно, как высоко вас ценит государь. И он знает, что юношеский пыл у вас давно уже прошел. Вы застрахованы.

Пушкин. Застрахован? Вы хотите сказать: застращен?

Санковский. Нет, я прекрасно знаю, что вас застращать нельзя.

(Стук в дверь.)

Пушкин. Войдите!

Инвалид (входит). Вас там спрашивают, ваше благородие.

Пушкин. Кто же это? Приси сюда.

Инвалид. Не хотят, ваше благородие. Гости, говорят, у них, и пусть барин выйдут ко мне.

Пушкин. Извините меня, Павел Степанович. (Выходит.)

Инвалид (оглядывая стены). О боже, и здесь... Что мне с ним делать? Все стены измарал.

Санковский. Что такое?

Инвалид. Исписал, говорю, все стены.

Санковский. Иди, иди, проваливай.

Инвалид. Как это можно, ведь казенное.

Санковский. Казенное, потому-то вы и содержите в такой чистоте...

Инвалид. Каждый день прибираю. Мочи моей нет! Теперь как это счистить? Гляди, гляди, что нарисовал!

Санковский. Ну, так это же твоя рожа, Кузьма.

Инвалид. Я не Кузьма, а Федор.

Санковский. Это все едино. Я всех инвалидов зову Кузьмой... Ну, совсем ты,— и нос, и бакенбарды твои...

Инвалид. Ах, чорт его дери! Какой шутник. Чем же это я теперь счищу? Ваше благородие, кто он такой, что за человек?

Санковский. Это — Пушкин, братец, понимаешь — Пушкин.

Пушкин (*входит веселый*). Что такое? Что ему надо?

Санковский. Ворчит, что стены вы ему измарали.

Инвалид. И как это так можно, ваше благородие. Дом-то ведь казенный. Это беспорядок — стены марать. И чего вы все это на стенке пишете? Если нет бумаги, я вам куплю... и пачкайте себе, сколько душеньке вашей угодно.

Пушкин. Ладно, ладно... давай мириться. Такая уж у меня глупая привычка! Ну, вот тебе целковый и (*с притворным страхом*) только, ради бога, не доноси на меня.

Инвалид (*берет деньги*). Ах, шалун, шалун! Даже и меня изобразили.

Пушкин. Ну, не буду больше, не буду... Прости!

Инвалид. Я-то прошу, да мне выговор будет за это.

Пушкин. Ну, ладно, на тебе еще рубль. (*Дает.*)

Инвалид (*топчется на месте*). Покорнейше благодарю, только вот счищать придется, а то...

Пушкин. Ну, нет, брат, иди, — больше ничего не будет.

(Инвалид уходит.)

Санковский. Ну, а теперь разрешите откланяться...

Пушкин. Примите мою искреннюю благодарность за обещанную вами помощь и за то, что познакомили меня с вашей прекрасной газетой. От чистого сердца скажу: поверхностное ее рассмотрение убеждает меня, что она одна между всеми рус-

скими газетами имеет своеобразную окраску и содержит статьи, представляющие, действительно, европейский интерес.

Санковский. Весьма счастлив, что вы, Александр Сергеевич, талантом коего по справедливости гордится страна, так похвально отозвались о моей газете... Не нахожу слов...

(Стук в дверь.)

Пушкин. Войдите.

Гаврилов (*быстро входит*). Александр Сергеевич! Вы что же, забыли, что сегодня мы идем на гору святого Давида? Ведь сегодня четверг.

Пушкин. Ах, да, в самом деле, сегодня — четверг. (*Стук в дверь.*) Войдите!

Бектабегов. Александр Сергеевич! Уже пора на Давидовскую гору. Сегодня — четверг.

Пушкин. Да, сегодня четверг. На гору Давида? (*Неожиданно.*) А ведь я же не «софист».

Бектабегов. Ха-ха-ха! Вы смеетесь над нашей молодежью? Вот пожалуйте на гору, полюбуйте-тесь тамошней девицей, возможно, и вы сделаетесь «софистом».

Пушкин. Хорошо, попробую. Пойдем, конечно, пойдем! Пожалуйста, и вы с нами. Павел Степанович.

Санковский. С удовольствием, если позволите.

Пушкин. Я прошу вас. Да, князь, на два слова.

Бектабегов. Я весь — внимание.

Пушкин. Вы говорят, продасте своих крестьян?

Бектабегов. Ха-ха-ха! Не я их продаю, а мне их продают.

Пушкин. Очень грустно. Кажется, и дворовая девушка ваша продается?

Бектабегов. Девушка?.. Не знаю, что и подумать, Александр Сергеевич?

Пушкин. Дурного ничего не следует думать. Нельзя ли эту девушку не продавать?

Бектабегов. Бессилен я, Александр Сергеевич.

Пушкин. Значит, отцвел венок любви?.. Пойдемте, господа!

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

(Гора святого Давида. С одной стороны—стена церкви, перед которой молятся женщины,—частью на коленях. Они под белыми покрывалами. Наклоняются, поднимают с земли камешки, трут их о стену. У большинства они падают, а у некоторых прилипают. Первые вздыхают и плачут, вторые радостно целуют стену, кладут земной поклон и удаляются. Подымаются на площадку: Пушкин, Эристов, Геслинг, Санковский, Бектабегов и Гаврилов.)

Пушкин. Так вот здесь они молятся о замужестве?

Гаврилов. Да. Здесь же и покинутые невесты, ищущие нового счастья.

Бектабегов. Чтобы узнать свою судьбу, они прикладывают к этой стене камешек; если пристанет — желание исполнится, если нет...

Пушкин. Вижу — они вздыхают и плачут.

Гаврилов. Легко догадаться, почему камни пристают, — они смешаны с глиной, попросту грязны...

Бектабегов. Говорят, что монахини разбрасывают здесь камешки, смазанные воском; кто найдет такой камешек, легко получает свое счастье...

Гаврилов. Этим и живет монастырь.

Пушкин. Какое необычайное зрелище! (Эристову.) Когда я подымался сюда, эти белые покрывала напомнили мне стаю лебедей. Своими крылами они как бы манили меня на эту гору,— отпраздновать с ними праздник весны.

Гаврилов. Великолепно! Я вижу, рождается новое поэтическое творение.

Геслинг. Да, а мы можем спугнуть его музу своей невыносимой прозой.

Гаврилов. Нет. Я... наоборот... Прошу, простите, Александр Сергеевич.

Пушкин. Ха-ха, зря напугал вас мой внук. Я не собираюсь сочинять стихов.

Эристов. Ваш внук?

Пушкин. Да, Николай Николаевич ведь тоже лицеист, но он принадлежит к младшему поколению лицея. Поэтому он — мой внук.

Геслинг. А знаете, откуда повелось это паломничество сюда, на гору?

Пушкин. Да, Гаврилов что-то рассказывал мне, но... вскользь. Князь Эристов должен лучше знать это.

Эристов. Легенду эту можно рассказать в двух словах. Был некогда один отшельник, святой, по имени Давид. От него и получила название эта гора, так как на ней он спасался и проводил в посте и молитве свои дни. В те времена под горою, там, где сейчас стоит Квашетская церковь, которую мы вам уже показывали, был женский монастырь. Забеременела в нем одна монахиня. Возмущенное духовенство стало допытываться у преступницы, кто ее соблазнитель. Враги святого Давида подкупили монахиню, и она указала духовным

судьям на него. Призванный на всенародное судище, отшельник явился и, вместо оправдания, коснулся рукой чрева оклеветавшей его монахини. Та тут же родила камень: отсюда и название «Квашвети», что означает: место, где рожден камень.

Гаврилов. И с тех пор, как я вам говорил, святой Давид стал покровителем бездетных женщин.

Геслинг. Взгляните, какая красавица идет сюда, босая.

Бектабегов. Это восхождение на гору босиком совершается по обету. Женщина как бы говорит святому: я приду к тебе босая, а ты выполни мое желание.

Гаврилов. Взгляните, Александр Сергеевич, какую огромную свечу тащит эта женщина.

Пушкин. Это что же такое, князь?

Гаврилов. Это тоже по обету.

Бектабегов. Да, я мол, поставлю тебе свечу длиной в мой рост, только ты выполни мою просьбу.

Пушкин (*Эристову*). Не дадут поговорить спокойно. (*Вслух.*) О, все это весьма любопытно. (*Отходит, взяв под руку Эристова.*)

Санковский. Ну, государи мои, это ни на что не похоже! Нельзя так явно выпячиваться.

Гаврилов. Нам приказано, чтобы...

Бектабегов. Возможно более забавлять его...

Гаврилов. Повсюду водить...

Бектабегов. И все объяснять...

Санковский. Знаю, знаю! Но все это, я полагаю, должно делаться с бóльшим тактом.

Гаврилов. Мы и стараемся быть возможно любезнее.

Санковскій. Согласен, но любезность не должна переходить в назойливость.

Бектабегов. У нас есть инструкция генерал-адъютанта Стрекалова, и начальник канцелярии (*указывает на Геслинга*) может подтвердить, что мы обязаны ни на миг не отходить от Пушкина.

Санковскій. Все это так, но не следует забывать, с кем вы имеете дело. Ведь с Пушкиным считается сам царь. Правда, сейчас он состоит под секретным надзором, но неизвестно, как милостиво с ним обойдется государь завтра. Посему надлежит быть с ним несколько осторожнее. Вы что скажете, Николай Николаевич?

Геслинг. Конечно, слишком приставать к нему не следует.

Пушкин (*Эристову, в стороне*). Чудесный вид! Тифлис как на ладони. Как хорошо выбрано место для погребения нашего Грибоедова. Бедняга! Как грустно мы расстались с ним в прошлом году, в Петербурге, перед самым отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия. Я было хотел его успокоить, но он сказал мне: „*Vous ne connaissez pas ces gens-là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux!*“¹ Он полагал, что причиной кровопролития будет смерть шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Однако, престарелый шах еще жив, а пророческие слова Грибоедова сбылись.

Эристов. Да, он погиб под ударами черни, став жертвой вероломства и невежества. Изуродованный труп его толпа три дня таскала по базарам,

¹ Вы не знаете этих людей: вы увидите, что дело пойдет до пожей.

и опознать его удалось только по мизинцу руки, некогда поврежденному пулей, на дуэли..

Пушкин Да... да... (Пауза.) Прекрасное место... Вообще, в Грузии, заметил я, замки и монастыри расположены обычно на высотах. И неудивительно: высота удаляет человека от грешной земли.

Эристов. Это так, но наши монастыри играли роль не только церковных установлений. В них устраивались и школы, и даже академии. А во дни народных бедствий — чумы, войны и тому подобного — в них спасались люди, ища убежища...

Пушкин. Именно, как в святых местах, не правда ли? Ибо враг не дерзнул бы напасть на эти места?

Эристов. Да, но враг дерзал нападать и на церкви и на монастыри. Были такие примеры в нашей истории: однажды в почитаемом монастыре Давида Гареджийского шла пасхальная заутреня, когда неприятель ворвался туда и вырезал до трех тысяч человек.

Пушкин. Не пощадил и святыни?

Эристов. Да! Вот поэтому-то наши монастыри большей частью и строились, как крепости—с башнями и бойницами. Например, во Мцхете. Вы там еще не были?

Пушкин. Нет! Но губернатор Завилейский составил для меня «itinéraire»¹ по Грузии и там, сколько помню, назван и Мцхет.

Эристов. Во Мцхете побывать необходимо.

Пушкин. Это, к сожалению, не от меня зависит: как решат мои адъютанты.

¹ Путеводитель.

Эристов. Кто? Вот эти Гаврилов с Бектабеговым? Воображаю, как они вам надоели.

Пушкин. Да, порядком.

Эристов. А вы их в шею!

Пушкин. Вы меня удивляете, князь; это же будет хуже.

Эристов. Ничего они с вами сделать не могут.

Пушкин. Нет, я держусь с ними другого поведения,—по-гамлетовски: они чертовски напоминают мне Розенкранца и Гильденштерна.

Эристов. Ха-ха-ха! Однако, во Мцхет съездить все же необходимо. Там вы увидите лучшие образцы грузинского зодчества и стенной живописи. Там немые камни поведают вам многое о прошлом Грузии.

Пушкин. Это все очень любопытно. Страна ваша, как видно, богата памятниками старины. И по пути сюда, лишь в'ехав в Грузию, я обратил внимание, что на каждой возвышенности стоит либо храм, либо замок, либо одинокая башня.

Эристов. И так, куда ни взглянешь, по всей стране, до берегов Черного моря; во всех ущельях и по всем путям, ведущим в Грузию,—стоят эти крепости и сторожевые башни, глядящие друг на друга.

Пушкин. И надо полагать, в нужную минуту они могли подавать сигналы друг другу, например, о нашествии неприятеля?

Эристов. Да, пока Грузия была едина. Ведь без этого никак нельзя было обойтись: вечно враг, вечно нашествия и необходимость обороны.

Пушкин. А когда Грузия не была едина?

Эристов. Тогда, к нашему несчастью, «кре-

дость взрывалась изнутри»,—благодаря измене,—и мы, владетели этих укреплений, вели братоубийственные войны.

Пушкин. И башни эти обагрились братской кровью?

Эристов. Да, к прискорбию нашему, так оно и было. И только во времена Руставели...

Пушкин. Руставели! Вы столько говорите мне об этом удивительном поэте,—а нельзя ли мне прочесть его?

Эристов. Как бы это сделать? Вот, говорят, француз-академик Мари Броссе, о котором вам уже говорили, начал перевод поэмы прозой на французский язык. Постараемся вас ознакомить.

Пушкин. Это весьма необходимо. Изучение творений великих поэтов знакомит с духовным богатством их народа.

Берозашвили *(Входит с Бектабеговым)*. Они там сейчас.

Бектабегов. И она приплелась сюда, чтоб погадать о замужестве?

Берозашвили. Она увидела тебя и не знает, как быть? Хотела поговорить, но мать не позволяет.

Бектабегов. Чего ей надо от меня?

Берозашвили. Как это — чего надо? Не ты ли дал слово ее отцу, что женишься? Человек начал к свадьбе готовиться, а ты — «чего надо»?

Бектабегов. Да, как-то я брякнул ему, но потом... раздумал.

Берозашвили. Что значит «раздумал»? Знаешь ведь, Тулухчиев шуток не любит.

Бектабегов. Я и не шучу.

Берозашвили. И это — твоё последнее слово?

Бектабегов. Да, последнее и решительное.

Берозашвили. Ну, и ничего хорошего отсюда не выйдет.

Бектабегов. А что он может со мной сделать? Я, слава богу, не крепостной Тулухчиева.

Берозашвили. Да, но у тебя-то есть крепостные, которых он может продать за твой долг, и вместе с твоей деревней. Завтра же он назначит торги.

Бектабегов. И чорт с ним, пусть продает все! У Бабуци, слава богу, поместье не заложено, да и крепостные найдутся.

Берозашвили. А... Это та княжна? На ней ты и хочешь жениться?

Бектабегов. Да, так и доложи своему Тулухчиеву; а теперь — проваливай. *(Отходит.)*

Берозашвили. Быть по-твоему! Но вот увидишь, как взбесится теперь Тулухчиев. Завтра же назначит торги. *(Скрывается.)*

Геслинг *(Эристову)*. Правда ли, скажите, что князь Чавчавадзе не желает возвращаться к своему посту в Армению? Ведь он там все еще числится?

Эристов. Ну, знаете, ему обещана была эта область, как будущему царю, а теперь — стать там губернатором?

Геслинг. Это, конечно, резонно. Да! Был одно время проект о возобновлении армянского царства, но успехи российского оружия и Туркменчайский трактат совершенно все изменили. Я потому спросил вас, что государь, будучи высокого мнения о князе, не согласился с Паскевичем в вопросе об увольнении Чавчавадзе.

Э р и с т о в. Недоставало еще, чтобы государь в этом деле соглашался с Паскевичем.

П у ш к и н (один). А вот и Казбек, узнаю его вершину...

«Высоко над семью гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами...»

Д а р ь я (подходит). А, вот где уединился наш порт!

П у ш к и н. А, княгиня Дарья! И вы вошли сюда, чтобы попытать судьбу? Тоже хотите взять камешек?

Д а р ь я. Мой камешек давно у меня в руках, да только вот удержать его будет трудно. Постараюсь все же подольше сохранить его...

(Показываются три девушки, исполняющие танец «самайя».)

П у ш к и н. Что это за пляска?

Д а р ь я. Говорят, очень древняя. Называется «самайя».

П у ш к и н. И что ж? Пляшут одни лишь женщины?

Д а р ь я. Да, одни женщины, и не более трех.

П у ш к и н. Не наследие ли это древних амазонок?

Д а р ь я. Возможно; не скажу вам...

(Танец окончен.)

Д а р ь я (продолжая разговор). Итак, кто ж она такая?

П у ш к и н. «Нет, не черкешенка она,
Но в доли Грузии от века
Такая дева не сошла
С высот угрюмого Казбека...»

Д а р ь я. Хотите, устроим сегодня прогулку верхом? Я сообщу вам время и место и пришлю

лошадь. А вы будьте готовы... Но что это? Смотрите, кто идет сюда! Сама София. Ну, теперь я должна покинуть своего поэта. Только заклинаю вас, не влюбитесь в нее, Впрочем, я этого не боюсь, я еще уверена в себе. Остаться же с вами не хочу,—между мною и Софией пробежала черная кошка. (Скрывается.)

Первый кавалер (появляясь с Софией). Что за несчастье, Александр Сергеевич! Поскорей уезжайте из Тифлиса, не то здешняя молодежь положительно взбунтуется. Ведь вот и она, предмет нашего поклонения, сама поклоняется вам! (Знакомит их.)

Геслинг (Эристову). Так вы не знаете, что сказал однажды Пушкин поэту Дмитриеву?

Эристов. Нет, не знаю.

Геслинг. Однажды они гуляли в Москве по Тверской. Остановившись, Дмитриев взглянул на вывеску Английского клуба и сказал: «Может ли быть более бессмысленное название, чем это — «Московский английский клуб»? — Есть и более несуразное, — ответил Пушкин. — «Какое?» — А «Императорское... человеколюбивое общество».

Эристов. Однако, это сильно сказано! О его остроумии мы много слышаны. Его словечки в Петербурге переходят из уст в уста.

Геслинг. На днях он чуть не уморил нас рассказом о Душетском городничем Ягулове, который, не зная его, не захотел принять...

София (Пушкину). Не потому бегу я от мира! Я любила когда-то...

Пушкин. И не нашли взаимности?

София. Наоборот, нашла полную взаимность. Он не позволял пылинке упасть на меня. Но я убе-

дидась, что нужна была ему лишь, как игрушка, как красивая кукла. И, если у меня были высокие порывы, рождавшиеся из глубины души, если были запросы пытливой мысли, то он, хотя и осторожно, высмеивал их. Я поняла, что мы по духу не подходим друг к другу и, выйдя за него, я не буду счастлива.

Пушкин. И что же, вы не могли найти другого достойного юношу? Или не искали?

София. Я не так щедра на любовь, как иные. Я могу любить только раз в жизни, и предметом этой любви был он, со всеми своими достоинствами и недостатками. Его внешность, его поступки, его голос, манеры,—все было в нем то, к чему я стремилась. Другого такого человека я уже больше не встречаю.

Пушкин. Здесь же, в Грузии, я знаю женщину, которая так же утверждает, что любить можно только раз в жизни, хотя сама, говорят, часто меняет любовников—простите мне это слово. По ее мнению, любовь—это идеал, который мы себе создаем. Идеал вечен. Меняется лишь предмет любви, ибо мы можем ошибиться, думая, что нашли то, что искали. Убедившись в ошибке, мы продолжаем искать,—и так всю жизнь...

София. Я знаю эту женщину, это—ламаз-Даро. Я же этого не понимаю и, должно быть, никогда не пойму. Сердце мое не так богато любовью.

Пушкин. Вы мне напоминаете мою Татьяну.

София. Ну, что вы! Куда мне?!..

Пушкин. Хотя она и не была так красива лицом.

София. Не говорите так. Расскажите лучше

ее дальнейшую судьбу. Я ведь не знаю, что с ней произошло после знаменитого «сна».

Пушкин. Произошло то, что она, одинокая, не встретив взаимности, захотела обмануть свое сердце; но—*вотще*. Она не смогла найти забвенья, и уделом ее продолжали оставаться страдания. Красота, как и все на земле,—*преходяща*. И ваша красота вам не принадлежит, моя красавица!

Гаврилов (*подбегает*). Ах, вы здесь! А вас там разрывается — ищет ординарец военного губернатора.

Пушкин. Что случилось?

Гаврилов. Получено письмо от шефа жандармов, генерала Бенкендорфа, на ваше имя.

Пушкин (*про себя*). И тут отыскиали...

Гаврилов. Ординарцу приказано отыскать вас, где бы вы ни были. (*Передает письмо.*)

(Ползком появляется женщина в белом, с тяжелой цепью на шее.)

Пушкин. Это еще что такое?

Гаврилов. Это тоже делается по обету... Но я вижу, вы не торопитесь вскрыть пакет.

Пушкин. Если надобен ответ,— я здесь ведь его не напишу. Прочсть же успею и после.

Гаврилов. Нет, я говорю потому, что генерал Стрекалов приказал разыскать вас немедленно.

Пушкин (*задумавшись*). Значит, по обету, вот так, она должна ползти с цепью на шее?

Гаврилов (*принужденно*). Да! Несколько раз проползти вокруг церкви, а потом лечь у дверей, и каждый, входя, должен наступить на нее ногой.

Пушкин. Наступить и... раздавить?

Гаврилов. Да! Говорят, это остаток некогда бывших человеческих жертвоприношений.

Ведь в древности язычники приносили в жертву живых людей.

Пушкин. Гм... язычники... в жертву... живых людей?

(Подходят кавалеры.)

Первый кавалер (к Софии). Я же говорил, что великий поэт окончательно завладеет вами.

Второй кавалер. Нет, и в самом деле, Софи, мы взбираемся на этот под'ем, чтоб лицезреть вас, а вы нам и в этом отказываете?

Дарья (Бектабегову). Что такое? Неприятное письмо от Бенкендорфа?

(Появляется юродивый и, кривляясь, кричит диким голосом)

Анупешты, манупешты!

Бей меня и бей баклуши!

Эй, народ, развесьте уши...

Пушкин. А это что такое?

Первый кавалер. Он впал в транс и сейчас начнет пророчить.

Пушкин (глядя на письмо, про себя). Пророчить? А что мне пророчит Бенкендорф?

(Подходят Эристов, Геслинг и Дарья.)

Все трое. Что такое, Александр Сергеевич?

Пушкин (отводя в сторону Геслинга). Давайте прочтем. (Разрывает пакет и читает.) «Милостивый государь Александр Сергеевич! Прошу сообщить, каковы причины, заставившие вас не соблюсти данное мне вами слово и без моего разрешения отправиться в Кавказские страны?» Какие причины? Ты сам их знаешь, генерал..

«Снова тучи надо мною

Собралися в тишине:

Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...»
Нет! Я должен бежать, бежать и отсюда...

КАРТИНА ПЯТАЯ

(Комната Пушкина)

Пушкин (один). «Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?!
Цели нет передо мною,
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум».

Эх, излить бы эту тоску, описать бы этот жизни шум... Вот чернильница.. Где ты,

«Подруга думы праздной,
Чернильница моя?..»

(Стук в дверь. Входит Геслинг)

Пушкин. Ах, Ник-Ник! Вы что же, за мною по пятам?

Геслинг. Простите, вы, кажется, что-то писали?

Пушкин. О, нет, это написано давно, к Чаадаеву. (Как бы невольно берет в руки тетрадь и читает.)

«Товарищ, верь: взойдет она,
Заря пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна
И на обломках самовластья
Напишет наши имена».

(Стук в дверь. Прячет тетрадь.) Войдите! (Входит Даднан.) Кого я вижу? Шура! Какими судьбами? Откуда?

Даднан. Из действующей армии, брат! Узнал

о твоём приезде и поспешил к тебе. Паскевич посылает меня в Петербург. Я должен представиться государю и лично передать ему поздравление с нашими недавними победами.

Пушкин. Молодец. Но как ты, однако, возмужал.

Дадиан. Я поспешил к тебе, чтобы захватить письмо к родителям твоим. Завтра на рассвете отправляется оказия, и я с нею.

Пушкин. Обязательный ты человек, Шура! Я дам, конечно, письма и к матери, и к друзьям. Однако, как я рад тебя видеть после столь долгой разлуки. Прошу познакомиться: светлейший князь Александр Львович Дадиан — мой кузен, Геслинг Николай Николаевич.

Геслинг. Весьма рад вашему знакомству. Но простите, князь, каким образом вы в родстве?

Дадиан. Мой пращур еще при Петре Первом выселился в Россию. Женился там на русской, и потомство его обрусело. Моя матушка также была русская и приходилась кузиной Надежде Осиповне, матушке Саши. Мы, Дадианы, уже совсем не грузины и окончательно порвали связь с былой нашей родиной.

Пушкин. Ну, а теперь расскажи о своей карьере.

Дадиан. Как ты знаешь, я начинал службу в лейб-гвардии Преображенском полку; затем просил о переводе в действующую армию и был назначен адъютантом к графу Паскевичу. В скорости я получу лейб-Эриванский полк.

Пушкин. Bravo, bravo! А теперь и государь не преминет отличить тебя.

Геслинг. Да, не минуют вас флигель-адъютант-

ские аксельбанты. Это ведь не шутка — лично представиться с таким радостным донесением.

Пушкин. Ну, расскажи, что подделывает Раевский? Как поживает «наш приятель, Пушкин Лев»?

Дадян. Брат твой здоров, а Раевский заждался тебя, уж и надежду потерял. Приезд твой в армию обеспечен. Еще в прошлом году покойный Грибоедов начал хлопоты перед графом Паскевичем о позволении тебе приехать, и граф не только не противился, а, напротив, рад был этому: Пушкин, мол, будет очевидцем воинских подвигов и впоследствии опишет их поэтически...

Геслинг. Счастливая новость! Теперь я верю, что позволение будет дано, Александр Сергеевич. Пойду известить об этом генерала Стрекалова.

Пушкин. Как хотите, Ник-Ник.

(Геслинг прощается и уходит.)

Дадян. А как, вообще, твои дела? Это правда, что ты сюда приехал без разрешения? Как сейчас у тебя с правительством?

Пушкин. Плохо; задыхаюсь, Шура, нехватает воздуху! Не могу сделать того, о чем давно мечтаю... И здесь следят за каждым моим шагом; каждое движение мое и каждое слово кладут на чашку весов...

Дадян. Позволь, но ведь тебя же возвратили из ссылки?

Пушкин. Да, но для того, чтоб еще больше стеснить. Прошлый год был для меня годом непрерывных мучений: из-за «Гаврилады» меня чуть не распяли; бесконечное следствие, допросы. А теперь? Теперь мой «Годунов», любимейшее мое произведение, — я посвятил ему все свои знания и силы, — лежит под спудом и бог весть, когда увидит свет,

А другие мои сочинения?.. (Чорт догадал меня с чувствительной душой родиться в России!

Дадиан. С душой и, прибавь, с талантом!

Пушкин. Черная меланхолия овладевает мною. Не нахожу забвения ни с женщинами, ни в вине... Игра в карты ввергла меня в неоплатные долги... Я впал в отчаяние... Просился за границу — не пустили; в военную службу — мы, лицеисты, имеем право, — не позволили. Я возненавидел тамошнюю жизнь, возненавидел Петербург — скуку, холод и гранит...

Дадиан. И это вынудило тебя без разрешения отправиться на Кавказ? Раевский говорил мне, что с театра войны ты мечтаешь скрыться за границу?

Пушкин. Чш-ш. Тише! Об этом никому ни слова!

(Стук в дверь.)

Пушкин. Прошу, войдите.

(Входят Папков и Караяни — молодые офицеры.)

Папков. Александр Сергеевич! Насилу тебя отыскали.

Пушкин. Папков, красавец мой!

Папков. Знакомьтесь, это мой однополчанин, Караяни. (Все знакомятся.) Мы прибыли из Кахетии, чтоб видеть тебя. Прослышали, что ты здесь, — и как же упустить такой случай? Молодцом выглядишь, молодцом! (Шумные объятия, хохот.)

Пушкин. Папков, да ты кажется — «того»?

Папков. «Здорово, рыцари лихие
Любви, свободы и вина!»

Я думаю, и ты не отказываешь себе... Пробовал уже кахетинское?

Пушкин. Прекрасное вино, слегка напоминает

бургонское. Но здесь его много пьют, и не по-нашему.

К а р а я н и. Ну, если вы завертетесь в здешних попойках...

П у ш к и н. О да, и еще как! Все зовут меня: и русские, и грузины, и маленькие чиновники, и родовитые князья.

П а п к о в (*перебивает*). Ты лучше расскажи о московских цыганках. Как твоя Таня, Татьяна Демьяновна? Не помню, кто это писал о ней:

«Но вот гремящий хор внезапно умолкает,
И Таня томная одна меж них слышна,
И голос пламенный до сердца проникает,
И меланхолию вселяет в нас она.

Бледна, задумчива, страдальчески-прекрасна,
Она измучена сердечною грозой,
На ней видна печать любви нежной, страстной,
И все черты ее исполнены тоской.

О, как она мила! Ее как грустно пенье!

Как сильно трогает, как нравится она.

Душа внимает ей в безмолвном наслажденье,
Как бы предчувствием нежданных благ полна».

Д а д и а н. О, как все это верно! И не одни лишь мужчины пленялись ее пением: итальянская певица Каталани,— рассказывают,— пришла в такой от нее восторг, что сорвала с себя драгоценную шаль и накинула ей на плечи.

П а п к о в. Ох, кто не был от нее без ума? (*Указывая на Пушкина.*) А сей господин? Помнишь, как ты называл ее «поваренком»?

П у ш к и н. Нет, это не я, а поэт Языков; он прямо бесновался: знай себе пишет ей стихи...

П а п к о в. Но и ты, кажись, обещал ей сочинить поэму. Таня рассказывала, что Ольга ей по-

завидовала и просила своего Нащокина похлопотать перед тобою, чтобы поэма была посвящена ей, а не Тане. Ха-ха-ха... Кстати, Ольга... Как твоя сельская Дульцинея, Ольга Калашникова? Не привез ее сюда?

Пушкин. Еще чего? Нет, с нею покончено. Но какую я женщину там оставил, Папков!

Папков (перебивает). Да, дорогой, хороша была твоя Ольга.

Пушкин. Перед самым отъездом я познакомился в Москве с одной девицей,— ей вряд ли исполнилось семнадцать,— вот это чистая Мадонна!

Папков. Кто такая? Может быть, знакомая?

Пушкин. Гончарова, Наталья Николаевна.

Дадян. Фамилия хорошая.

Пушкин. Уже до моей встречи с нею красота ее привлекала внимание общества... Я потерял голову, увидав ее... Сделал даже предложение.

Папков. Как, ты собираешься жениться? О, ужас! Дети мои, мы теряем одного из лучших своих собутыльников.

Дадян. Что же, ты решил изменить меньшей Раевской? Мне Николай Николаевич говорил, что целое лето в Гурзуфе ты так явно увлекался его сестрой, что сильно смахивало на свадьбу.

Пушкин. С чего это он взял? Конечно, сестра его — воплощенная красота, но все же... Как грустно, если Раевский сделал такой вывод.

Папков. Оставим это. Ты скажи нам, неужто ты и впрямь сделал предложение?

Пушкин. Да, предложение я сделал, но вот ответа определенного не получил.

Папков. Ну, и слава богу!

Пушкин. Ее мать вздумала слегка почванить-

ся. К сожалению, она опекунша дочери, ибо отец не в полном рассудке... Не получив ответа, я не мог спокойно оставаться там, вблизи предмета моей страсти, и предпочел... бежать сюда.

Папков. И прекрасно! Сейчас ты познакомился с здешними дамами и, я уверен, завел уже интрижку,— и никакой Гончаровой не удержать тебя, да еще здесь, среди грузинских красавиц.

Дадян. Да, уже поговаривают об этом. Не успел я приехать, как услышал о его подвигах.

Папков. Разве он когда-нибудь уgomонится?

Пушкин. «Какой я прежде был, таков и ныне я... Беспечный, влюбчивый... Вы знаете, друзья, Могу ль на красоту взирать без умиления».

(Входит инвалид с записочкой, отдает Пушкину и уходит.)

Папков. Пари держу, что от женщины: по куверту видно.

Дадян (стоя позади Пушкина, читает записку). Ого, да это и в самом деле от женщины: вечером, верхом, в Муштайд... И что ж? Хорошенькая?

Пушкин. Какие ножки!

Дадян.

Ах, ножки, ножки, где вы ныне?

Где мнете пышные цветы?

Папков. Но кто ж она? (Хочет взять записку, Пушкин не дает.) Как? Скрываешь? Не похоже на тебя. Раньше ты, бывало, хвастал своими победами.

Пушкин. Я и сейчас хвастаю, если есть чем хвастать.

(Входит денщик с корзинкой.)

Пушкин. Это что такое?

Папков. Ничего особенного. Караяни платит свой оброк. Вдова Клико шлет тебе привет...

«А мой ненабожный желудок
Причастья вовсе не варит.
Еще когда бы кровь Христа
Была хоть, например, лафит,
Иль кло д'вужо—тогда б ни слова...»

Д а д и а н. Ха-ха! (Пушкину, дразня его.)
«Я стал умен, я лицемерю,
Пошусь, молюсь и твердо верю,
Что бог простит мои грехи,
Как государь — мои стихи...»

Пушкин. Ха-ха, насмехаетесь? (Караяни.) Но для чего это было нужно? (Папкову.) А все твои проделки! Я сейчас не такой банкрот... Вот засядем вечером за карты, я тебя, как липку, обдеру...

Д а д и а н. Вечером ты, кажется, куда-то приглашен? И дамой?

Караяни (денщику, который выкладывает шампанское). Трофим, все вино выложил?

Гвоздь. Так точно, ваше благородие.

Караяни (указывая на Пушкина). А теперь доложись барину, кто ты есть.

Гвоздь. Рязанской губернии, Ряжского уезда, житель селения Трубежовского, 44-го Нижегородского Драгунского полка рядовой Трохим Гвоздь.

(Пушкин улыбается.)

Караяни. А теперь, Гвоздь, пригвоздись тут в углу и жди, пока тебя выдернут.

Гвоздь. Слушаюсь, ваше благородие!

Папков. Нет, Гвоздь должен выпрыгнуть в окно. Прикажи, Караяни.

Караяни. Прыгай в окно, Гвоздь!

Гвоздь. Слушаюсь, ваше благородие! (Хочет лезть в окно.)

Пушкин (хватая его). Что вы делаете, господа! Здесь высоко.

Караяни. Ну, хорошо, не надо. Гвоздь, вольно! Молодец!

Гвоздь. Рад стараться, ваше благородие!

Папков. Я хотел показать вам молодечество и слепое повиновение русского солдата..

Караяни. Конечно, ни в одной армии нет подобных солдат. Помните историю с Наполеоном?

Пушкин. Какую историю?

Папков. Ну, сел на своего конька. Хлебом его не корми — дай рассказать армейский анекдот.

Караяни. Ну, не надо, не буду рассказывать...

Пушкин и Дадян. Нет, почему же? Расскажите, расскажите.

Караяни. Это было в Тильзите, где встретились три монарха: Наполеон, наш государь Александр Павлович и король прусский, Фридрих-Вильгельм. Покончив с делами, они заспорили о качествах своих солдат и вздумали доказать эти качества на деле. Наполеон, который знал наперечет всю свою армию, приказал вызвать сержанта такого-то полка, батальона и роты. Явился седой сержант. Наполеон приказал ему выпрыгнуть из довольно высокого окна. «Семью мою поручаю вашему величеству», — сказал сержант и выпрыгнул. Пруссак спросил у короля: «Этого требует родина или приказываете вы?» И узнав, что родина этого не требует, — не выпрыгнул. Призвали русского солдата. Не дослушав приказа и не моргнув глазом, он выпрыгнул, не говоря худого слова... Каково, а?

Папков (глядя в окно). Посмотрите, ведь это идет Ханжонков.

Караяни. Ну, да. Откуда он?

Папков. Ханжонков, Ханжонков!

Караяни. Сюда, сюда заворачивай! Ну да, в трактир, вот в эту дверь. Скорей, скорей.

Папков. Открывайте шампанское, чего вы медлите?

Пушкин (в дверь). Федор!

(Входит инвалид. Пушкин ему что-то заказывает. Слуга выходит. Появляется Ханжонков, офицер Донской казачьей артиллерии.)

Ханжонков (офицерам). Никак не ожидал встретить вас в Тифлисе. Но не задерживайте меня, друзья, я спешу! Прислан из Царских Колодцев по срочному делу.

Папков. Дело не волк, в лес не убежит... Ты знаешь, кто перед тобой?

Ханжонков. К прискорбию, не знаю.

Караяни. Это, братец, Александр Сергеевич Пушкин.

Ханжонков (в восторге). Пушк...

Папков. Ха-ха-ха! Язык проглотил?

Пушкин. Здорово, друг! Будьте нашим гостем.

Ханжонков. Это — для меня такое... такое... неожиданное счастье... Я знал, что вы на Кавказе, но что... так вот встречу с вами лицом к лицу... Я и представить себе не мог...

Пушкин. А теперь, друзья, начнем,— и первый бокал подыдем за нашего нового друга... Эй, Федор!

(Входит инвалид с подносом, на котором стоит закуска.)

Инвалид. Несу, барин, несу.

Пушкин. Помогите же, друзья!

«До ранней утренней звезды,
До тихого лучей рассвета

Не выйдут из руки поэта
Фиалы братской череды».

Д а д и а н. Все это прекрасно, но... когда же ты напишешь письмо матери? Я же сказал тебе, что оказия готова и завтра чуть свет выступает.

П у ш к и н. Ах, письмо? Конечно, конечно! Напишу сейчас. А вы пока приступайте, друзья мои.

(Гости пьют вино. Входит Э р и с т о в.)

Э р и с т о в. Можно? Ах, простите! Слуга не сказал, что у вас гости. Я помешал? Тысяча извинений!

П у ш к и н. Совершенно напротив: вы пришли кстати.

Э р и с т о в. Я всего на минуту, Александр Сергеевич! Грузинская молодежь через меня приглашает вас сегодня вечером пожаловать к Александру Орбелиани.

П у ш к и н. Весьма благодарен, но право же я устал...

Э р и с т о в. Нет, на сей раз будет скромно. Вы как-то высказали желание познакомиться с грузинской литературой, и вот сегодня один способный и хорошо образованный юноша, Дмитрий Кипиани, сделает небольшое сообщение — о грузинской письменности, с древнейших времен до наших дней.

П у ш к и н. А-а, это очень любопытно! Приду, во что бы то ни стало.

Х а н ж о н к о в (в своей группе). Я никак не приду в себя. Какой подарок вы мне сделали. Я здесь, бок-о-бок с Пушкиным, я в гостях у него! Мне прямо неловко.

П а п к о в. Чего же неловко? Вы не красная

девица. Гвоздь, подливай. Мужчина должен быть таким, как вот наш Караяни.

Караяни. Что за шутки? Чего ты насмеяешься?

Папков. Какие шутки! Ты — настоящий мужчина и потому ни одной полковой дамы не пропускаешь.

Караяни. Ну, хватит! Есть о чем говорить.

Папков. Поговорить, положим, есть о чем, но...

Эристов (*Пушкину*). Да, вы правы, пока тиран не перестанет вводить в гражданское управление военно-казарменные порядки, до тех пор народ не успокоится... Видно, он не слишком внимательно читал историю Византийской империи.

Пушкин. А вы уверены, что он вообще читал ее? Я в этом сильно сомневаюсь.

Эристов. Прочел бы он хоть Сегюра; узнал бы тогда причины гибели Восточной Римской империи.

Папков (*Караяни*). Как же не говорить, когда жену полковника ты сделал своей любовницей?

Ханжонков. Что ты? Что ты?

Караяни. Господин Папков!

Папков. Не думаете ли вы мне угрожать?

Караяни. Я не угрожаю, а прошу взять свои слова обратно.

Папков. Не возьму. Дело не в словах, а в ваших поступках.

Караяни. В каких поступках? Вы переходите границы.

Папков. Не я, а вы давно уже перешли всякие границы.

Караяни. Что, что? Вы — грубиян и яжед!

Д а д и а н. В чем дело, господа? Бросьте, прошу вас!

Э р и с т о в. Там у них, кажется, крупный разговор?

П у ш к и н. Пустяки, люди немного подвыпили.

Х а н ж о н к о в. Это вам не к лицу, господа.

П а п к о в. Что значит не к лицу? Я — лжец и грубиян?

К а р а я н и. Да, именно вы.

Х а н ж о н к о в (*Караяни*). Николай Михайлович!

П а п к о в. Я требую сатисфакции!

К а р а я н и. Где и когда угодно!

П у ш к и н и Э р и с т о в. В чем дело? Что с вами, господа?

П а п к о в. Александр Сергеевич! Прошу вас быть моим секундантом.

П у ш к и н. Почему секундантом? Я не вижу повода к дуэли.

К а р а я н и. Не он, а я прошу вас быть моим секундантом, ибо он первый нанес мне оскорбление!

П у ш к и н. Что случилось, господа? Это же недопустимо!

Х а н ж о н к о в. Нет, Александр Сергеевич, не позволяйте им. Этого не должно быть, этой дуэли.

П а п к о в. Оскорбление должно быть смыто кровью.

К а р а я н и. Я больше оскорблен, здесь называли такую почтенную даму.

П а п к о в. Мерзавец!

П у ш к и н. Папков, Папков, ведь вы — друзья!

Х а н ж о н к о в. Закадычные друзья, Александр Сергеевич.

П у ш к и н. И как это возможно?

К а р а я н и. Хороша дружба, нечего сказать.

Папков. Да, хороша дружба, когда вы меня называете грубияном и лжецом.

Ханжонков. А ты его мерзавцем назвал, значит, вы квиты.

Папков (*Ханжонкову*). Петр Григорьевич...

Пушкин. Очень жаль, что вы не хотите все это обратить в шутку.

Дадян. И, наконец, что здесь особенного произошло?

Караяни. Ваша светлость! Вы свидетель: какой же благородный офицер снесет подобное оскорбление? Александр Сергеевич! Покорно прошу вас быть моим секундантом.

Папков. Я первый просил. Пушкин — мой друг и родственник.

Пушкин. Так послушайся же меня, хотя бы как родственника.

Папков. Я тебя очень люблю, но... оскорблять себя никому не позволю.

Караяни. Равно и я.

Ханжонков (*Караяни*). Николай Михайлович!

Пушкин. Друг мой, Папков!

Папков. Нет!

Пушкин (*расхаживая по комнате*). Ну, ладно! Я согласен быть секундантом одного из вас; надо кинуть жребий.

Папков и Караяни. Согласны.

Пушкин (*Дадяну*). Шура, приготовь билеты; на одном напиши мое имя. Второго же секунданта я найду сам.

Папков. Так!

Караяни. Согласен. (*Тянут жребий.*)

Папков. Мне досталось!

Пушкин (Караяни). А для вас... (Оборачивается.)

Дадян. Мне никак невозможно, ты ведь знаешь. Завтра чуть свет я еду.

Пушкин. Нет, я хотел просить князя Эристова. Он отставной офицер и, думаю, окажет нам эту честь. (Караяни.) Ничего не имеете возразить?

Караяни. Решительно ничего. Напротив, я сам прошу князя.

Эристов. Будь по-вашему, я согласен.

Пушкин. Вот и прекрасно!

Ханжонков. Ах, какое несчастье. Два лучших офицера, два закадычных друга...

Пушкин. Теперь уже поздно об этом говорить. Итак, завтра, в шесть утра, на пистолетах, за городом... Но я не знаю здешних мест...

Эристов. Место мы найдем.

Пушкин. Да, разумеется! (К дуэлянтам.) А теперь оставьте нас одних.

(Караяни с денщиком уходят.)

Папков (вдогонку). Негодяй!

Пушкин. Хватит тебе. Не ругайся—дело кончено. Но только ты был сегодня пьян..

Папков. Будь я совершенно трезв и тоже не стерпел бы. Человек открыто живет с женщиной, а меня называет лжецом.

Пушкин. Ладно, ладно, теперь иди!

(Папков удаляется.)

Ханжонков. Ах, как все это неприятно! Какие были друзья! Лучше бы мне сломать ногу и не заходить сюда; мои ведь слова вызвали это несчастье.

Пушкин. Не огорчайтесь, дело поправимое,

Прошу вас, присядьте и приступим к совещанию
(Входит инвалид.) Чего тебе?

И н в а л и д. Лошадь привели.

П у ш к и н. Э-э, не до женщины мне теперь.

И н в а л и д. Лошадь, барин, а не женщина!

П у ш к и н. Ладно, ладно, знаю. Некогда мне.
Проваливай, брат. Скажи: некогда! (Инвалид уходит.) Ну, давайте совещаться.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

(За городом. Лесная поляна. Светает. Все на местах.)

П у ш к и н (Эристову). Итак, все готово! Прошу вас, князь, отметьте дистанцию, разведите противников. (Эристов исполняет.) Теперь, господа, слушать меня: стрелять будете по третьему сигналу. Внимание! Я начинаю — раз...

(Неожиданно раздаются звуки духового оркестра. Из леса выходят Ханжонков с другим офицером, у них в руках по две бутылки шампанского. Они подходят к дуэлянтам; те стоят в столбняке.)

П у ш к и н. Господа! Я подстроил все это и уверяю вас — так лучше. Ибо, если здесь произошло бы убийство, погибли и вы, погиб бы и я. А родине все мы можем еще пригодиться. Именем нашей великой родины заклинаю вас, друзья мои... Помиритесь!

Х а н ж о н к о в. Вы видите, кто просит? Наша гордость, наша слава. Мы недостойны стоять рядом с ним. Если вы не щадите себя, то пощадите хоть его жизнь, столь дорогую для нас, для всей России. (Дуэлянты стоят в нерешительности. Затем, после некоторого колебания Папков опускает пистолет и подходит к Каряни.)

Папков. Караяни! Я виноват перед тобою. Вчера я нанес тебе оскорбление и прошу простить меня!

Караяни (*протягивает руку. Общая радость. Приветствия: «Поздравляем, поздравляем!»*)

Пушкин. Ну, я их спас!

Ханжонков. Вот человек! И так запросто с нами.

Пушкин. Я их спас, а вот... кто спасет меня? Все. Как, как? От чего вас нужно спасать?

Пушкин. Мне суждено умереть на дуэли. В молодости мне так предсказала цыганка.

Голоса. — Ну, что вы! Этого не может быть!

— У кого же подыметя рука на Пушкина?

— Охота вам верить цыганкам!

Пушкин. Я суеверен, господа! Но к чорту все это!

«Все призрак, суета
Все дрянь и гадость.
Стакан и красота —
Вот жизни радость!»

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

(Тифлисский базар. Открытые лавки: в одних продаются ткани и женские украшения, в других куются медные котлы, в третьих—работают гончары, выделывая горшки и кувшины; дальше—мясные, лавашные, винные и харчевня (перед нею лежат бурдюки), сапожные, шапочные, портняжные, ювелирные мастерские. Отовсюду гул, удары молотов, шум голосов; все торгуются, заывают покупателей, пьют вино, поют песни. Множество народу различных национальностей ходит по базару,—женщины, мужчины, дети, офицеры, князья, дворяне, мещане, крестьяне, солдаты, полицейские, чиновники. Проходят нагруженные мушкетеры (носильщики). Появляется Пушкин, рассматривая то одно, то другое. За ним идет мальчуган и тянет его за фалды.)

М а л ь ч у г а н. К нам, барин, к нам зайди. У нас ситец, миткаль, бамбазион, каламкар, альпака... все новое, все заграничное...

П у ш к и н. (Улыбаясь.) Ничего мне не надо... пусти!

В т о р о й м а л ь ч у г а н. К нам, дяденька, к нам лучше зайди. У нас все есть, а у них — ничего. Он все врет.

П у ш к и н. Не хочу я ничего, оставьте меня.

Л а в о ч н и к (у открытой двери, к бабе). Бери, матушка, чего капризничаешь, бери. Дай заработать что-нибудь. Ты же хочешь ситец на мутаки? ¹ Вот тебе на мутаки,— забирай, какой по сердцу. Вчера получил сразу три сорта, но вот этот, оранжевый, лучше всех. Лопни мои глаза, если я на тебе заработаю хоть грош. Сколько отмерить, матушка? (Отмеривает.) Раз... два... три...

(Появляется Лопиана с лотком на голове. Увидев Пушкина, подходит.)

Л о п и а н а. Барину — почтенье!

П у ш к и н. А, здравствуй, Лопиана.

П е р в ы й м а л ь ч у г а н (проходящей женщине). Вот наша лавка, вот, тетенька, ты же всегда у нас покунаешь. И сестра твоя вчера еще забрала у нас верх для одеяла.

Ж е н щ и н а. Какая сестра? У меня нет никакой сестры.

П е р в ы й м а л ь ч у г а н. Почему я знаю, родственница твоя была: сватья или золовка, а, может быть, свекровь.

Ж е н щ и н а. Постой, сынок, что ты мне платье рвешь! Мне ничего не надо.

П е р в ы й м а л ь ч у г а н. Ва, если ничего не надо, зачем же пришла на базар. Сиди дома и вари похлебку.

Л о п и а н а (мяснику). Ты это что ей отрезал? Это, по-твоему, мясо? Нашел дурочку и пользуешься?

М я с н и к. Лопиана-джан! За эту цену не отпущу же я филе. Конечно, это — довеска.

Л о п и а н а. И потому ей достались одни кости. Вешай сейчас же, что следует.

¹ Валики для кушетки.

Мясник. Лопиана! Клянусь собой, клянусь тобой...

Лопиана. Вешай, говорят тебе. Нашел, от кого заработать. Она, быть может, раз в месяц ест мясо.

Русская женщина. Спасибо, сынок. Во время ты подоспел.

Лопиана (мяснику). Постой, постой, покажи-ка свои гири! Щербатые? Ай да молодец!

Мясник. Что ты делаешь, Лопиана?

Лопиана. На, взвесь моими. (Передает гири.)

Мясник. Кацо, ты что — новый Арсен, что ли?

Лопиана. А чем я хуже Арсена?

Мясник. Чего ты лезешь не в свое дело? За это и поколотить могут.

Лопиана. Кого, меня? (Засучивая рукава.) А ну-ка, выходи.

Лавочник. Чего ты с ним много разговариваешь? Зови полицию!

Лопиана (показывая кулак). Я вам покажу полицию! Взвешивай поскорее, не то попотчую.

(Мясник взвешивает. Женщина, поблагодарив Лопиана, уходит. Лопиана, довольный собою, удаляется. Проходит мимо Пушкина, который предлагает ему деньги. Пушкин видел всю сцену.)

Лопиана (не берет денег). За что это, барин?

Пушкин. А вот вступился ты за бедную женщину. Выпей на здоровье.

Лопиана (беря деньги). Похож ты на доброго человека, и я полюбил тебя... а то ведь это обидно — брать деньги ни за что: я ведь не какой-нибудь прощальга-кинто; меня зовут карачохели Лопиана.

Лавочник (покупателю). Ну, братец, бери, не мешкай. Умный ты человек; сразу видать, имере-

тин. Говорю тебе, бери, прекрасный ситец. Ты хочешь ведь на рубаху, ну, и бери, пока я в хорошем настроении. После придешь, по этой цене уже не отдам.

(Имеретин уходит. За ним вдогонку несутся крики.)

— Имеретин, у-у-у!

— Имеретин, у-у-у!

Лопиана. Чего вы дразните его, мерзавцы! Имеретин, по-вашему, не человек?

Лавочник. Поглядите-ка, он и в самом деле изображает завязатого карачохели...

Лопиана (бросаясь к нему). Что? Что?

Лавочник. Нет, Лопиана, дорогой мой, я это не про тебя...

(Показываются Бабуци и первая княгиня.)

Бабуци. С чего вы взяли, что я выхожу за него замуж! Я о замужестве, вообще, не думаю.

Первая княгиня (смеясь). Брось, пожа-луйста! В молодости мы все так говорили, а потом прекрасно вышли замуж и состарились в собственной семье. А так-то Пето чем не жених? И родо-вит, и Стрекалов его любит.

Бабуци. Ну, и пусть Стрекалов его любит.

Первая княгиня. Небось, и ты полюбишь. Вот поговорю я с отцом, прикажет он тебе, и тогда посмотрим, как ты его не послушаешься.

Бабуци. Отцу моему нет никакого дела до моего замужества.

Первая княгиня. Это еще что за новости? А кому же есть дело, если не отцу?

Бабуци. Не отец, а я должна стать женой этого Пето. Так что же, я не имею права голоса в вопросе моего будущего?

Первая княгиня. Нет, господа, сильно из-

менился свет, очень сильно! Смотрите, как она рассуждает: «право голоса». А когда наши предки детей своих в люльках оброчали, что ж они потом, в браке, думаешь, не были счастливы?

Бабуци. Не знаю, но думаю, что нет.

Первая княгиня. Ой, что она говорит! Уши вянут.

Бабуци. Нет, в мое дело я попрошу вас не вмешиваться и отца моего не беспокоить зря.

Первая княгиня. Как, то есть, зря? Я слышала, Пето уже подсылал сватов к твоему отцу.

Бабуци. И напрасно! Не думаю, чтобы отец без меня решил этот вопрос.

Первая княгиня. То-то ты так хорохоришься. Видно, отец тебе дает слишком много воли. *(Проходят.)*

Бектабегов *(появляется, спешит)*. Куда он запропастился? Он наверняка пошел сюда.

Лопиана *(навстречу ему)*. Здравия желаю, князь! Хорошо, что встретил тебя.

Бектабегов. Что хорошего? Денег ведь не дашь?

Лопиана. За что я должен дать тебе деньги? Что я — твой крепостной, или должник?

Бектабегов. Чего же ты хочешь? Если есть у тебя просьба, говори скорее, — я тороплюсь.

Лопиана. Просьба? Да, почти что просьба.

Бектабегов. Какая? В чем дело?

Лопиана. Пиримзису вправду продаешь?

Бектабегов. А ты здесь при чем?

Лопиана. Ты со мной так не разговаривай, князь. Я тоже — мужчина, шапку ношу на голове.

Бектабегов. Чего же ты хочешь?

Лопиана. Ширимзису лучше тебе не продавать.

Бектабегов. Это не мое дело! Ступай, про-
си об этом Тулухчиева.

Лопиана. Нашел тоже, к кому посылать.

Бектабегов. Ничего другого я тебе посвев-
товать не могу.

Лопиана. Это твое последнее слово?

Бектабегов. Ладно, не задерживай.

Лопиана. Что значит «не задерживай»? Не-
ужели я от тебя так и не дождусь человеческого
слова?

Бектабегов. Лопиана-джан! Мое слово сей-
час не имеет никакого значения. Дело уже в суде.
Закон вступил в свои права. (Уходит.)

Лопиана. Будь проклят и ваш суд, и ваш за-
кон. Нашел я, тоже, с кем разговаривать. (Скры-
вается.)

Лавочник (к мальчугану). Что она хочет—
саван? Сюда, сюда, матушка, для покойников все
вообще у меня закупают. Такой дам тебе саван, что
за пять лет не тронет его ни дождь с грязью, ни
черви могильные. Сколько штук надо? Говори, не
задерживай.

(Появляются первая княгиня и Бектабегов.)

Первая княгиня. Ну да, она сильно про-
тив тебя настроена.

(Продолжают тихо разговаривать.)

Лавочник (той же женщине). Опять ты тор-
гуешься? На саваны, голубушка, везде одна цена.
Мир перевернется, а цена на саваны не изменится.
Все, сколько их там поумирало, одинаково плати-
ли: поди на тот свет и спроси... Кто у тебя умер,
матушка?

Первая княгиня. Что же, и отец против?

Бектабегов. Нет, но он говорит: кто хочет взять мою дочку замуж, должен понравиться ей самой.

Лавочник (той же жепщине). Ва, кацо, ведь всего неделю назад проходил он здесь совершенно здоровый, а ты говоришь, полгода, как не вставал с постели. Хороший был человек, царство ему небесное. (Утирает слезы.) Бери, мать моя, бери, это был такой человек, что я обманывать не осмелюсь. Покупай, ладно, пока твой покойник еще не остыл. (Женщина пытается возражать, но за шумом ее не слышно.)

Первая княгиня (Бектабегову). Так, сынок, так! Приласкайся, поди опять к Тулухчиеву— не терять же тебе наследственных вотчин и крестьян.

Бектабегов. Теперь и Тулухчиев не согласится: ведь я его кровно обидел.

Первая княгиня. Да, но он ведь не ослеп. Ты только дай согласие, а я уж это дельце тебе устрою.

Бектабегов. Тебе виднес, тетушка, а я согласен, как лучше. И в самом деле...

(Уходят.)

Пушкин (Лопиана.) А это что такое?

Лопиана. А это, баринь, бой петухов. Кто кого!

Пушкин. Что-то они носы повесили.

Лопиана. Да, это они только готовятся.

Эристов (подходит к Пушкину) Привет поэту! Вы — один? А бреттеров наших не видно?

Пушкин. Папков должен был вернуться в

полк, а где Караяни со своим Гвоздем — не скажу вам.

Э р и с т о в. Клянусь, доброе дело вы сделали, примирив противников... А это что, любуетесь боем петухов?

П у ш к и н. Брожу по базару, ко всему приглядываюсь. А до этого осматривал город. Должен признаться—я поражен красотой вашего древнего зодчества.

Э р и с т о в. У наших предков, очевидно, был вкус, и владели они большими знаниями и большим мастерством. Умели выбрать и место, и камень для здания, умели придать ему монументальный вид.

П у ш к и н. Все это весьма примечательно.

Э р и с т о в. И не одно только наше зодчество... А-а, вот и наш Соломон! *(Подходит Додашвили; приветствия.)* Должен вам сказать, что две тысячи лет, прожитые на этой вот земле, не прошли для Грузии бесследно... Мы унаследовали прекрасные литературные традиции и склонность к философскому мышлению, которого представитель перед вами... *(указывает на Додашвили.)*

П у ш к и н. Весьма опечален тем, что не присутствовал вчера на вашем собрании. Эта глупая дуэль мне помешала.

Д о д а ш в и л и. Да, от души желаем мы, грузины, ознакомить вас поближе с нашим прошлым и настоящим, со всем нашим духовным богатством. Народ наш веками приобретал навыки государственной жизни. В самом начале средних веков, когда и Англия еще не имела своей «*Magna Charta*»¹, у нас

¹ Великая Хартия Вольностей.

уже было в зародыше парламентарное движение. Представители высших классов потребовали от царя устроить особую «палату», где бы выборные обсуждали вопросы законодательства...

Пушкин. Вот как? Это также совершенная для меня неожиданность.

Додашвили. Правда, тогда это движение было подавлено, но оно все же доказывает зрелость политической мысли в Грузии, уже в те далекие времена. Конечно, идея народного представительства одержала бы впоследствии верх, если бы не буря монгольского нашествия...

Эристов. Разумеется, голословным утверждениям нашим верить вы не можете, но вы должны познакомиться с жизнью грузинского народа, с его характером, обычаями и нравами, с его тысячелетней историей и сокровищницей его духа. Грузия имела в далеком прошлом, она имеет и сейчас людей высокой государственной мысли, людей богатырской силы воли, людей, как бы целиком выкованных из стали...

Пушкин. Вы правы, со всем этим необходимо познакомиться и прилежно изучить. Но для этого надо остаться здесь надолго и пожить у вас оседло.

Додашвили. И разве такой народ должен быть раздавлен пятой жестокого и грубого абсолютизма и продажной иноземной администрации?

Эристов. Народ наш терпит неопишутые притеснения. Пока он глухо волнуется, накапливает недовольство, — но возможно, что однажды произойдет ужасный взрыв.

Пушкин. От вас, лучших представителей народа, зависит внушить ему, что из-за возмутитель-

ного поведения русских чиновников не должно вовсе ненавидеть весь русский народ.

Э р и с т о в. Ненависть к русскому имени возбуждаем в народе не мы, а такие жестокие сатрапы, как Ермолов и Цицианов.

Д о д а ш в и л и. А ведь политика их жива и посейчас...

Э р и с т о в. Надлежит вам знать, что Ермолов превратил столицу свободолюбивой Грузии в казарму и в тюрьму. Вот его наследие: величественный Метехский замок с его дворцами превращен в острог.

П у ш к и н. Будущее вашего народа, господа, в ваших руках.

(Полицейский тащит за ухо мальчика, у которого в руках горшок мацони;¹ за ними следует пожилая женщина; мальчик кричит и плачет.)

Ж е н щ и н а. Чтоб тебе добра не было. Куда ты его тащишь? Осла моего уведут, осла!

Л о п и а н а (загораживая дорогу полицейскому). Что сделал тебе этот мальчик?

П о л и ц е й с к и й. Не твое дело, посторонись!

Л о п и а н а. Что значит «посторонись»? Придрался к несчастному мальчику? Нечего сказать, молодец!

П о л и ц е й с к и й. Ты что стал здесь на дороге. Посторонись, говорю.

Л о п и а н а. И не подумаю. Сейчас же отпусти мальчишку.

П о л и ц е й с к и й. Как это отпустить? Он не имеет права гнать осла на верхний базар.

Л о п и а н а. Куда же ему гнать осла? Не во

¹ Кислое молоко.

дворец же, к Паскевичу... Отпусти, не заставляй повторять.

Полицейский. Ты что, чинишь мне препятствия при исполнении служебных обязанностей?

Лопиана. Ты сам чинишь безобразие, поэтому я и препятствую. Напал на беспомощного ребенка и хочешь, чтоб я не вмешивался.

Полицейский. Чего ты пристал? Какое тебе до этого дело?

Женщина. Ой, что будет со мной! Осла уведут, осла!

Лопиана. Ты пойди, присмотри за своим ослом, матушка, а я твоего мальчика у этого осла вырву... Пусти! Пусти, говорят тебе.

Полицейский (*в сердцах ударяет ребенка и отшвыривает его*). На, подавись.

Лопиана. Как? Ты смеешь бить ребенка! Умру, но не прощу тебе этого! (*Валит его подножкой и бьет.*)

Эристов (*издали*). Ого-то! Так это, Лопиана, так! Лули его хорошенько.

(На базаре движение. Народ окружает Лопиана. Крик, шум, доносятся свистки, вбегают полицейские, между ними и толпой—рукопашная схватка. Число дерущихся все увеличивается, драка разрастается и переходит за сцену, на нижний базар. Дерущиеся скрываются)

Завилейский (*входит*). Ага, началось?

Квартальный (*вытягиваясь*). Ваше высококордие! Прикажете вызвать солдат?

Завилейский. Зачем? Не надо. Кулачный бой—это род здешнего бокса... Пусть себе забавляются...

Квартальный. Ваше высококордие! Они избили десятских.

Завилейский. О-о, и что же вы?

Квартальный. С трудом удалось их вырвать!

Завилейский. Ну, так чего же больше? Вырвали, а там пусть себе бьют друг друга... А где полицмейстер?

Квартальный. Он там, ваше высокородие, но ничего не может поделаться.

Завилейский. Попросите его сюда. (*Квартальный исчезает. Завилейский подходит к группе Пушкина.*) А-а, поэт, и вы здесь!

Пушкин. Да, и удивляюсь поступкам Лопиана.

Завилейский (*хочет спросить—«кто это?»*)

Эристов. Это карачохели — местная богема. Он заступился за крестьянского мальчика и избил десятского.

Пушкин. Рыцарь без страха и упрека.

Завилейский. О-о, карачохели все таковы: вспыльчивы, великодушны и не терпят несправедливости. Обожают кулачные бои. Слышите, что там происходит?

Пушкин. Таким образом они ведь могут изуродовать друг друга весьма изрядно?

Завилейский. Конечно! Повод для драки найден, и теперь они не разойдутся, пока не дойдут до полного изнеможения.

Эристов. Я об этом и говорю. Здесь нет ничего противоправительственного...

Пушкин. А разве правительство видит в этом что-либо предосудительное? Хотя, если бьют полицейских...

Додашвили. Да, кулачные бои запреще-

ны и, представьте, только по политическим причинам.

Завилейский. Вы хорошо знаете, что я не сторонник запрещения, но сейчас я все же вынужден был принять меры и послал за полицмейстером.

Эристов (отводит губернатора в сторону). Что я вам хотел сказать...

Додашвили. Удивительный человек!

Пушкин. Кто?

Додашвили. Губернатор! Страну нашу он любит и не любит. Если с одной стороны он спокойно взирает на совершающиеся перед ним запретные деяния, то с другой — проявляет необычайную в отношении нашего народа жестокость: казенные подати взыскивает беспощадно, в самый разгар сельской страды выгоняет крестьян с арбами на постройку шоссежных дорог, или на перевозку провианта для войск. А недавно едва не начал забирать людей в солдаты...

Пушкин. Как? Разве грузин вообще не берут на военную службу?

Додашвили. Крестьян — нет! Высшее сословие служит, и то по доброй воле. Прошлого года попытались забрить лоб и крестьянам, но в народе поднялась такая волна недовольства, что пришлось от этого отказаться.

Завилейский (Эристову). Нет, князь, не в обиду вам будь сказано, большие вы трусы; все чего-то боитесь... Я вам оказываю всяческую помощь, а вы...

Эристов. Да, а спросите-ка наших князей — не помогаете вы им, а жестоко притесняете; то и де-

ло отбираете вотчины в казну, а владельцев делаете нищими.

Завилейский. И великолепно: в стране растет недовольство...

Эристов. Не только недовольство, а прямое возмущение: они требуют — убрать Завилейского.

Завилейский. В самом деле? Еще лучше!

Эристов. Я вас предупредил — будьте же осторожны...

Завилейский. Это — пустяки. Но недовольство должно возрасти настолько, чтобы обрушиться, как шторм на море. Вот, в прошлом году народный гнев против солдатчины уже доходил до такого под'ема... но вы не сумели этим воспользоваться. Я боюсь, что и теперь вы упустите благоприятный момент. В руководителях недостатка у вас нет. Взять хотя бы вас, вы весь — огонь... Однако, я не вижу, чтобы ваша идея пустила глубокие корни в народе. А между тем, вспомните печальный опыт 14 декабря.

Эристов. Мы уже готовы!

Завилейский. Но когда же, когда? Ведь сейчас самое подходящее время: война в разгаре, в горах также беспокойно, войск в Грузии почти нет... а тут еще Польша...

Эристов. Знаю... уже слышится подземный гул...

(К Пушкину подходят отставные солдаты.)

Первый солдат. Ваше благородие! Окажите милость, пожертвуйте сколько-нибудь нуждающимся воинам.

(Пушкин дает деньги, солдаты отходят.)

Пушкин. И здесь они нищенствуют?

Д о д а ш в и л и. И частенько. Нельзя пройти по базару, чтоб не встретить оборванных и нищенствующих солдат... Ходят они и по домам.

П у ш к и н. Да, рекрутство наше тяжело, нечего лицемерить. Русский солдат, на двадцать четыре года отторженный от своих сограждан, делается чужд всему, кроме своего долга. Он возвращается на родину уже в старости. На родине находит только несколько знакомых стариков. Новое поколение его не знает...

Д о д а ш в и л и. Самая тягчайшая из всех повинностей народных есть рекрутский набор, и поэтому-то наш народ так и противится ему.

Первый солдат (*Завилейскому*). Ваше высокоблагородие! Окажите милость, пожертвуйте что-нибудь нуждающемуся воину.

(Дают деньги и Завилейский и Эрристов.)

К а р в и ц к и й (*подошел немного раньше, остановившись, вглядывается в солдат*). Погодите, вы случайно — не поляки?

Первый солдат (*обрадовавшись*). Как? Разве и пан—поляк?

К а р в и ц к и й. Ну, да! Мы с вами братья. Однако, что вы здесь делаете? Ступайте на родину.

Первый солдат. И сами бы хотели, да где взять денег?

К а р в и ц к и й. Это ничего! Сейчас вы нужны там, в Речи Посполитой. Вы знаете, что творится у нас на родине? Пойдемте со мной, я расскажу вам. (*Уводит их.*)

З а в и л е й с к и й (*Эрристову*). Большой патриот! Смотрите: осужден, разжалован — и все не хочет успокоиться. Такие люди сделают дело.

Э р и с т о в. Вы напрасно в нас разочаровались. То, что я вам рассказал, уже доказывает, что...

З а в и л е й с к и й. Момента упускать не надо, момента... И потом, помните: корни нужны в народе — это главное. И этот вот кулачный бой тоже может пригодиться: недаром запрещает его правительство. Нужно будить в народе недовольство и углублять его. Надо толковать ему и о солдатчине. Ведь и в самом деле: вам дали на время передышку, а в конце концов начнут брать в войска и грузин. Народ, народ! — одно дворянство без народа ничего не сумеет сделать. Помните о декабристах...

П о л и ц м е й с т е р (подходит к Завилейскому). Изволили звать, господин губернатор?

З а в и л е й с к и й. Да, но где вы пропадали?

П о л и ц м е й с т е р. Меня вызывал генерал Стрекалов.

З а в и л е й с к и й. Зачем?

П о л и ц м е й с т е р. Приказал немедленно разогнать дерущихся. Я вызвал войска.

З а в и л е й с к и й. (махнув рукой). На что войска? Ведь они сами уже расходятся!

(Появляется шумящая толпа. Впереди — Л о п и а н а, утомленный дракой; ворот на нем разодран.)

Л о п и а н а. А что, они думали, кукийцы, — нас одолеть?

Г о л о с а. — Лопиана, завтра в Сололаках, у Вознесенья...

— Да, да, большой кулачный бой...

— И Папай будет участвовать...

Л о п и а н а. На чорта мне ваш Папай. Я один расправляюсь с десятком.

Г о л о с а. — Лопиана, смотри: губернатор и полицмейстер стоят.

— Попроси их не мешать завтрашнему бою.

Лопиана. Что значит не мешать? Этот обычай у нас испокон века живет и будет жить.

Голоса. — Проси! Проси! А то вдруг помещают? Ведь и сегодня полиция вмешалась...

Лопиана. Может быть, прикажете еще на колени стать пред этими мерзавцами? Я чтоб захотел, да не выполнил? Объявляю всем: завтра у церкви Вознесенья будет такой кулачный бой, что скалы обрушатся. Мы снесем весь этот проклятый базар со всеми десятскими, полицмейстерами, губернаторами...

Эристов (*прислушавшись*). Так, так, Лопиана, только смотри, — не осрамись!

Лопиана. Кто? Я? Ты, князь, будь покоен! Лопиана сдохнет, а добьется того, чтоб небу жарко стало! (*скрывается*.)

Завилейский. Ну, а теперь идемте. Все хорошо, что хорошо кончается. (*Уходит с Эристовым и полицмейстером*.)

Пушкин (*к Додашвили, указывая на объявление на стене*). Это, что за объявление? А, торги?

Додашвили. Да, продают живых людей.

Пушкин (*читает*). Ага, продажа бектабеговских крестьян, — торг назначен сегодня.

Додашвили. Да, и сегодня, и завтра, и повседневно народ пребывает в рабстве, страдает и гибнет...

(*Появляется Дарья, окруженная мальчишками*.)

Первый мальчик. Сюда пожалуйте, княгиня, сюда! У нас есть все: мадарпак, каламкар, кишмир, полушелк...

Дарья. Не до тебя мне... Отстань...

Пушкин (Додашвили). Простите, но я должен вас покинуть и извиниться перед княгиней. (Отходит.)

Второй мальчик (Дарье). Альпака, бамбаион, дарайя, мови, — все новое, все заграничное.

Дарья. Не приставай, говорят тебе, не надо.

Пушкин (Дарье). Не знаю, как показаться вам на глаза, Дарья Ивановна.

Дарья. Я и сама не знаю, какие подобрать слова, чтоб упрекнуть вас, и не обидеть?

Пушкин. Это я вас обидел: не смог приехать к вам в назначенное время.

Дарья. Я знаю, что вам помешало. Весь город говорит об этой удивительной дуэли и о вашем великодушном поступке. Вы так счастливо предупредили катастрофу.

Пушкин. Я, конечно, мог тогда же прибыть к вам, чтобы все объяснить, но был слишком взволнован.

Дарья. Об этом говорить излишне. Я ведь знаю, что вам частенько приходилось забывать о назначенном свидании. Ха-ха-ха... И кто знает, сколько раз ручка красавицы в бессильной злобе кудрявила ваши и без того кудрявые волосы.

Пушкин. Но так, как в этом случае, я никогда...

Дарья. И об этом не стоит говорить. Я ведь прекрасно помню характеристику вашего Онегина, как он умел:

«Молить и требовать признанья,
Подслушать сердца первый звук,
Преследовать любовь—и вдруг

Добиться тайного свиданья;
И после ей наедине
Давать уроки в тишине».

Мое лишь сердце задето сильно; но для меня и то уж составляет счастье, что я встретила русского гения и сумела добиться его улыбки и поэтической ласки.

Пушкин. Не все так думают, однако...

Дарья. Что мне за дело до других? (*Берет его под руку.*) Я сейчас счастлива, эта минута моя и... еще много, много таких минут впереди, мой божественный!

Пушкин. О, ламаз-Даро...

«... люблю твой смелый, вольный взор,
Неутомимый жар открытого желанья...
Люблю горящих уст я вызовы немые,
Восторги бурные, живые...»

Дарья. Так, так, хоть этим обманите меня.

Бектабегов (*входит*). Александр Сергеевич!
Военный губернатор требует вас к себе!

Дарья. Фу, какой ты невоспитанный: не требует, а просит...

(Бектабегов молчит.)

Пушкин. Нет, очевидно, он именно требует. Сейчас же?

Бектабегов. Да! Прошу пожаловать со мной.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

(Кабинет Стрекалова. На сцене Стрекалов
и Гаврилов.)

Гаврилов. В точности доложить не могу, но одно удалось выяснить. Члены знатнейших грузинских фамилий собираются у приехавшего недавно

из Санкт-Петербурга князя Багратиона, коего они именуют «царевичем Окропиром».

Стрекалов. Вот как? Не хотят ли они восстановить грузинское царство?

Гаврилов. Не могу вам сказать, но для меня ясно одно: там происходят какие-то подозрительные совещания; собираются они якобы для кутежа, но после выпивки языки у них развязываются и беспрестанно упоминается в их разговорах некий Александр, и упоминается с восторгом; особенно же из кожи лезет Элизбар Эристов...

Стрекалов. Какой это Александр? Не тот ли разбойник, сын царя Ираклия, что наступал на нас то с персами, то с лезгинами?

Гаврилов. Да, кажется, тот.

Стрекалов. Ага! Известие весьма важное.

Гаврилов. Далее, губернатор Завилейский...

Стрекалов. Что, вскрыл что-либо?

Гаврилов. Наоборот, он скорее способен замазать вскрытое другими...

Стрекалов. Как так?

Гаврилов. Да слишком уже велика его дружба с грузинами. Отдельных лиц он приближает к себе вполне открыто. А в последнее время открыто же якшается еще и с новым подозрительным лицом—с этим разжалованным графом Карвицким.

Стрекалов. С поляком?

Гаврилов. Да-с, они оба поляки...

Стрекалов. Однако, вы, Гаврилов, совсем не глупы.

Гаврилов. Стараюсь, ваше превосходительство! Кроме того, не далее, как сего числа, Завилейский проявил в одном деле преступную слабость...

Стрекалов. В каком деле, где?

Гаврилов. А на базаре, во время кулачного боя. Он был там и хладнокровно взирал на это вопиющее безобразие. Толпа в кровь избила полицию, а ему — ништо. И полицмейстер, ваше превосходительство...

Стрекалов. Ну, Мельников — вполне достойный служака.

Гаврилов. Да, но жена у него — грузинка, урожденная Орбелиани, из очень влиятельной фамилии... И у него тоже собираются туземцы...

Стрекалов. Что же вы, запретите ему принимать у себя родственников жены?

Гаврилов. Нет, но мне кажется, что в его доме собираются не одни лишь родственники... А тут еще этот Вальховский...

Стрекалов. Ну, ну, Гаврилов! Старанье ваше похвально, но не надо ж выходить из границ.

Гаврилов. Нет, но Вальховский, да и Геслинг слишком дружны с Пушкиным; они с ним почти неразлучны и препятствуют мне и князю Бектабегу при выполнении вашего секретного поручения.

Стрекалов. Вальховский — лицеист, и дружба его с Пушкиным весьма понятна... А как Санковский?

Гаврилов. Санковский дипломатничает, ваше превосходительство... Он, впрочем, сообщил, что все разговоры и речи Пушкина им записываются, и он их доложит лично.

Стрекалов. Прекрасно. Что еще?

Гаврилов. Это — все, ваше превосходительство!

Стрекалов. Тогда взгляните, нет ли в приемной Пушкина.

Гаврилов (выглянув в дверь). Он там, ваше превосходительство.

Стрекалов. Попросите его, и больше никого не впускать.

(Гаврилов уходит. Появляется Пушкин. Стрекалов бежит по кабинету, не замечает его.)

Пушкин (с легким полупоклоном). Ваше превосходительство, повидимому, в дурном настроении...

Стрекалов. Прощения прошу, господин Пушкин. Садитесь. (Сам не садится.) Не могу я быть в хорошем настроении, коль скоро судьба связала меня с этой Грузией. От души жалею, что служить приходится на сем погибельном Кавказе. Не проходит дня, чтобы я не получил какой-нибудь неприятной режации: там возмущение, здесь бунт; туземцы не признают русского закона, не подчиняются поставленным его величеством властям, всюду жестокое упорство, постоянные беспорядки, народные волнения...

Пушкин. Думается мне, что в этих обстоятельствах часть вины ложится и на нас, русских. Мы не сумели близко подойти к этому народу и узнать его заветные нужды. Здешнее русское общество чурается грузин, как зачумленных. Люди держат себя, как в завоеванной стране, и этим вызывают постоянное недовольство коренного населения, а отсюда легко вспыхивают волнения.

Стрекалов. О каком сближении может идти речь, коль скоро мы находимся среди азиатцев, у коих даже ребенок вооружен. Тут не успеваешь карать непокорных, вешать зачинщиков, предавать огню бунтующие селения...

Пушкин. Это — политика Ермолова, но она себя не оправдала.

Стрекалов. А не вы ли сами восклицали: «Смирись, Кавказ, — идет Ермолов»?

Пушкин. Да, но и я, оказывается, ошибался, — и особенно касательно Грузии. Я ведь и то писал: «Подобно племени Батыя, изменит прадедам Кавказ»... Однако, Грузия оказалась далеко не похожа на дикое племя Батыя. Народ грузинский всегда был и сейчас продолжает быть весьма культурным. Взять хотя бы их поэта Руставели.

Стрекалов. Что? Как вы сказали? Ах, да, слышал. Был у них такой, и грузинцы им изрядно хвастают. Но почему, скажите, он столь долго укрывался от внимания человеческого?

Пушкин. Драгоценнейшие алмазы скрываются подчас в породе горной, и пыль веков хранит их ревниво; надо уметь открыть и показать миру их блеск...

Стрекалов (*перебивает*). Не знаю, в поэзии я смыслю мало. Одно я знаю твердо, — это, что Грузию щадить никак нельзя.

Пушкин. Мне кажется, что Грузия заслуживает иного обращения. Взять в пример хотя бы племена черкесов. Вспомните, как мы с ними поступили: лишили их родины, вытеснили из привольных пастбищ, разорили их аулы, подвергли уничтожению целые племена, — и неудивительно, что после этого черкесы нас ненавидят. Нам следовало подойти к ним мирным путем. Самовар там был бы важным нововведением, и вы бы увидели, какие плоды он мог принести... А здесь, в Грузии, конечно, одним самоваром ничего уже не сделаешь; они здесь великолепно знакомы с философией Аристотеля, они здесь критикуют «Дух законов» Монтескье. А вы толкуете о виселицах...

Стрекалов. Да-с! Я не заплачу, если в Грузию не останется ни одного грузинца.

Пушкин. Узнаю в вас последователя Ермолова и князя Цицианова. Недаром говорят грузины, что генерал Ермолов превратил столицу их прекрасной родины в казарму и тюрьму...

Стрекалов *(не слушая)*. Или же выселить этот народ куда-нибудь подальше, в сибирские тундры. Пока же этого не случилось, наш долг их обрусить.

Пушкин. Не могу согласиться, чтобы предстояла надобность так поступать с Грузией. Русские люди должны всюду вносить с собой любовь, и то же самое они получают взамен. Мы—не древние римляне и не современные англичане, чтобы поработать завоеванные народы.

Стрекалов. И эти же идеи вы проповедуете среди грузинцев?

Пушкин. Я ничего не проповедую...

Стрекалов. Вы посещаете дома грузинцев и встречаетесь с ними; вы сдружились с Элизбаром Эристовым и Соломоном Додаевым, этими незадачливыми революционерами; вы якшаетесь с молодыми учителями Димитрием Кипиановым и Автандиловым...

Пушкин. Что же здесь предосудительного?

Стрекалов. Предосудительно то, Александр Сергеевич, что вы, вообще, не ведете себя в соответствии с видами высшего правительства. Бежав сюда без разрешения государя, вы здесь вмешиваетесь в нашу политическую игру и путаете наши карты. Вы распространяете бог знает какие завиральные идеи; на вас не возымели никакого действия ни великая милость монарха, освободившего

вас из осылки, ни заботливость о вас генерала Александра Христофоровича Бенкендорфа. Вы продолжаете смотреть в лес... Вы являетесь в мою губернию, в которой пожар не потушает, и подливаете масла в огонь!

Пушкин. Ваше превосходительство, я предполагал отсюда проехать дальше, на театр военных действий...

Стрекалов *(продолжает, не слушая его)*. И я не могу вам этого простить, так же, как и вашего участия во вчерашней дуэли.

Пушкин. Она ж не состоялась.

Стрекалов. Это безразлично. Вы, господин Пушкин, развращаете наших офицеров, устраиваете дебоши, вызываете междоусобные среди них столкновения. Судите ж сами, сколь вредно это для престижа русского воинства в чуждой земле, эти постоянные стычки в рядах офицерства! И ничего вы не сумели выдумать лучше, как пригласить вторым секундантом явного изменника, князя Элизбара Эристова. Я этого никогда вам не прощу... в моей губернии...

Пушкин. Я уже имел честь доложить вам, что собираюсь отсюда ехать дальше, на фронт...

Стрекалов. На фронт, на фронт! А где у вас позволение?

Пушкин. Я написал генералу Раевскому, чтобы он возбудил ходатайство перед...

Стрекалов *(перебивает)*. В том-то и несчастье, господин Пушкин, что вы изволили обратиться партикулярным порядком к генерал-майору Раевскому, тогда как надлежало вам на сей конец отнестись официальным рапортом ко мне.

Пушкин. Я же вам подал бумагу.

Стрекалов. Да-с, подали, по задним числом, уже после вашего письма к Раевскому; и засим, вы через меня получили запрос от шефа жандармов, генерал-адъютанта Бенкендорфа,—и не изволили ответить ему и посейчас. Вообще я объявляю вам, господин Пушкин, что отнюдь не могу быть доволен вашим поведением, и вижу себя вынужденным выслать вас из пределов Грузии, как некогда генерал Ермолов выслал отсюда вашего однокашника, титулярного советника Кюхельбекера! *(Тяжелая пауза.)* Теперь же извольте итти и постарайтесь хорошенько вдуматься в ваши поступки.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

(Обычная канцелярия. За столом—судебный пристав, в очках, с цепью на шее. Невдалеке—сторож. В стороне столпились покупатели: дворяне,—среди них Каплан и вторая княгиня; купцы,—среди них Берозашвили; по другую сторону—доставленные на продажу крепостные крестьяне. Среди них Пиримзиса с отцом. Стоит гул, слышны стоны стариков и женщин, плач детей. Мужчины успокаивают плачущих, но в глазах их виден едва сдерживаемый гнев. Судебный пристав устался в какую-то бумагу. Перед ним лежит молоток. Входят Пушкин с Геслингом.)

Геслинг (в дверях). А нам зачем сюда, Александр Сергеевич? Ведь это же—помещение суда.

Пушкин. Тут у меня дело. Зайдемте! (Входят.)

Пристав. (подняв голову). Тише там! (Крестьянам.) Эй, вы, смирно! Прекратите рев! Не по-

нимаєте, где находитесь? Вы не в лесу и не у себя в кукурузнике, медведи. Не видите, что на мне надето? *(Дергает свою цепь.)* Ну, и молчать! Я и вам удивляюсь, господа дворяне! Эти, конечно,— скоты, от них и требовать нечего,— но вы? Вы же люди породистые.

Вторая княгиня. Что значит породистые?

Каптан. Ну да, ты для него вроде породистой коровы.

Пристав. И никак не можете привыкнуть! Не в первый раз ведь вы на этих проклятых торгах? И все еще не научились держать себя.. Чем же вы отличаетесь от этих вшивых свиней?

Каптан. Эй, ты, прикуси язык! Я не посчитаюсь с тем, что ты вызубрил два-три слова по-русски и нацепил на себя ошейник.

Пристав. Оскорблять меня при исполнении служебных обязанностей вы не имеете права, князь. А в присутственном месте все обязаны вести себя прилично.

Берозашвили. Ну, довольно, не задерживай, прошу тебя. И их тоже надо пожалеть. Что там ни говори, а все же и они имеют человеческий образ. Хочется им, наконец, узнать: в чьи руки попали они, проданы или нет, кто их хозяин.

Пристав. Постой, погоди, Берозашвили! Поспешишь, людей насмешишь! Это же не блины печь. Дело важное, государственное. *(Перебирает бумаги, отыскивает список, вновь поправляет очки, цепь, и хочет встать, чтобы начать аукцион. В это время входят Бабуци со старикам отцом. Пристав смотрит на вновь пришедших, меряет их взглядом с ног до головы, затем сторожу:)*

П р и с т а в. Порфирий, закрой дверь, голубчик! Нельзя здесь шляться взад и вперед! (*Откашливается, чтоб прочистить глотку.*) Тише там! Порфирий, скажи, чтобы все встали!

(*Сторож делает знак, более в сторону крестьян. Пристав встает и начинает читать.*)

«По указу... (*Замечает, что в группе дворян не все встали.*) Прошу встать, вам, кажется, объявлено? (*К крестьянам.*) Эй вы, встать, ослиные головы! (*Спыхватывается.*) Ах, они меня форменно погубят: при исполнении обязанностей всегда вырвется какое-нибудь ругательство...

(*Все встают. Тишина. Пристав читает монотонно, с грузинским акцентом.*)

«По указу его императорского величества и по постановлению верховного правления Грузии, в городе Тифлисе, при уездном суде, назначены общественные торги на предмет продажи: Каплана Асланова сына, князя Джамбакуриан-Орбелиани, крепостных: Датия Схиладзе с невесткой, вдовой Маринэ — оценка сто тридцать два рубля серебром...» (*Порфирию.*) Здесь они?

С х и л а д з е. Здесь мы, добрый человек!

В т о р а я к н я г и н я. Что ж ты, Каплан, и Маринэ продаешь?

К а п л а н. Это все проделки Тулухчиева. Но я этого не допущу. Затем и пришел.

П р и с т а в (*читает*). «...Эристава Ксанского Реваза Давидова невестки, княгини Гулканы, на покрытие долга ее купцу Тулухчиеву, продаются три души: Заликаури Гоброн, Берау и Датуна...»

Т р о е З а л и к а у р и. В чем мы провинились перед тобой, княгиня, в чем?

— Чем огорчили мы тебя?

— Все силы положили на тебя, работая.

— О, горе мне! Будь проклят такой закон и такие порядки!

Пушкин (*Геслингу*). Нет на свете большей дикости, чем эта.

Пристав. Тише! (*Читает.*) «...С их годовым доходом, равным пятидесяти семи рублям восьмидесяти копейкам; а из десятилетнего расчета оценка их—пятьсот семьдесят восемь рублей.»

Каплан. Что же теперь ты, Гулкана, хочешь выкупить их?

Вторая княгиня. Эх, откуда у меня такие деньги? Я надеюсь, что на торгах кто-нибудь надбавит, и я получу разницу. Затем только и явилась...

Пристав (*читает*). «...За долг князя Зураба Эристова продаются крепостные души в количестве сорока двух дворов, в них мужчин сто сорок пять, женщин—сто шестнадцать...»

Бабуци (*отцу*). Похоже, что вся Грузия продается.

Отец. Тише, дитя мое, несправедливости во всем мире ты все равно исправить не сможешь.

Пристав. Потерпите, господа, в чем дело? (*Читает.*) «...За долг князя Пето Бектабегова купцу Тулухчиеву продается в селении Ваха, Горийского уезда, пахотной земли сто двадцать кцев и при них две души: Сосиа Патаркацишвили с дочерью Пиримзисой; оценка всего двести тридцать рублей ассигнациями. Продажа земли и крестьян допускается в отдельности...»

Пушкин. Прошу записать меня для участия в торге на крестьян...

(Все оборачиваются, в его сторону. Пристав из-под очков долго, удивленно рассматривает его.)

Берозашвили. Где этот Роман Яковлевич пропал? Чего он опаздывает?

Каплан. А, наш дорогой поэт, и вы здесь? (Подходит к Пушкину.)

Бабуци. А ведь Пиримзису хотела купить я... Но если Пушкин торгует, я с ним, конечно, состязаться не стану. Но неужто он ее хочет купить для себя?

Отец. Поди, спроси его.

Бабуци. Пусть и нас запишут. (Отец кивает головой.) Запишите и нас для участия в торгах на Пиримзису и отца ее...

Пиримзиса (подбежав к Бабуци). Спаси меня, голубушка, ангел мой!

(Бабуци подходит к Пушкину.)

Пристав. В таком случае, я прямо приступаю к продаже крестьян, на коих здесь явились покупатели. Продаются в отдельности крепостные души князя Пето Бектабегова: Сосия Патаркацишвили с дочерью Пиримзисой, оценка сто семьдесят пять рублей.

Пушкин. Я даю эту сумму.

Берозашвили. Что с этим Романом Яковлевичем?

Пристав. Тут кто-то еще заявлял желание. Никого больше нет? Сто семьдесят пять — раз (ударяет молотком), сто семьдесят пять — два (удар молотком), сто семьдесят пять — три... сто семьдесят пять три (удар молотком). Таким образом... (К Пушкину.) Пожалуйте сюда!

(Пушкин подходит. В это время появляются Тулухчиев и Бектабегов.)

Берозашвили. Роман Яковлевич! Где ты до сих пор? Торг начался. Бектабеговские крестьяне уже проданы...

Тулухчиев. Как это проданы? Я пришел остановить торги.

Пристав. Стойте, не мешайте. Сосию Патаркацишвили с дочерью Пиримзисой, с общественных торгов, за сто семьдесят пять рублей серебром, с уплатой наличными, приобрел отставной чиновник десятого класса, потомственный дворянин Александр Сергеев сын Пушкин.

Пиримзиса (к Бабуци). Кто меня купил? Что ты со мной сделала?

Бабуци. погоди, успокойся! (Уговаривает ее.)

Тулухчиев. Кацо, везет тебе! Слышишь, князь Пето? Если этот добряк купил двух твоих крестьян—значит, к свадьбе, у тебя будут карманные деньги...

Берозашвили. К какой свадьбе?

Тулухчиев. А что, не догадываешься? Мы ведь с Пето уже поладили.

Берозашвили. Уже? Вчера еще ты говорил о нем с пеной у рта.

Тулухчиев. Чего ты ерундишь? Видишь, какого молодца беру в зятя? Князь, да еще на русской службе! (Вполголоса.) Кацо, другого выхода не было, срам,—сплетни про дочку пошли: «брошенная невеста...»

Пушкин (к подошедшим Сосии и Пиримзисе). Да, вы оба свободны, совершенно свободны... Вольную вам приготовят...

(Бабуци объясняет обоим.)

Тулухчиев. А-а, князь Каплан! На торги побеспокоился? Не продаю я твоих, не продаю...

Пришел приостановить торги... Сегодня я в хорошем настроении... Вот, хочу звать тебя на свадьбу...

Кап л а н. На свадьбу? Но когда же?

Ту л у х ч и е в. Завтра вечером, князь, завтра. Надо же мне иметь к свадьбе тулумбаша. А лучше тебя где найти? Пето, зятек, князь Пето,— иди, зови и этого иноземца (*указывает на Пушкина*), пусть и он пожалует. Княгиня, ты не беспокойся, твои торги я тоже откладываю.

П р и с т а в (*пишет*). Дайте закончить дело.

Ту л у х ч и е в. Кончай, кончай! Сегодняшние торги почти все по моим претензиям; сказал же я тебе — отложить. Слышишь?

П р и с т а в. Надо подать письменное заявление...

О т е ц П и р и м з и с ы. Что это со мной, во сне я, или на яву? Неужели я уже ничей? И откуда взялся этот спаситель? Я твои колени поцелую! (*Падает ниц.*)

П у ш к и н. Постой, погоди! (*Поднимает его и Пиримзису, которая пала на колени одновременно с отцом.*) Ну, к чему это, дорогая? Скажи лучше, где сейчас твой верный Лопиана?

Кап л а н (*подошел к ним*). О, Лопиана помчался к своему барину, Григорию Орбелиани, в действующую армию, чтоб тот их выкупил...

Б е к т а б е г о в. Так я надеюсь, Александр Сергеевич, что завтра вы не откажетесь быть на моей свадьбе.

П у ш к и н. С радостью.

Кап л а н. Нет, вы на него посмотрите. (*Указывая на Пушкина.*) Какой, в самом деле, человек!

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

(Свадьба в доме Тулухчиных. Большая зала, богато, но бесвкусно убранная. Смешанный стиль, пестрые краски. Молодые сидят на особом возвышении, гости их поздравляют и одаривают. Приношения складываются на столе, на котором уже сложены драгоценности.)

Берозахвили (объявляет). Князь Каплан Орбелиани преподносит в подарок жениху и невесте два больших рога для вина в чеканной серебряной оправе.

Мать невесты. Ой, долгой жизни моему господину, князю Каплану. Как поживаете? Все ли у вас благополучно? Пожалуйста, дорогой мой, садитесь!

Тулухчиев. Ты ведешь себя, как деревенская баба! (Передразнивает.) «Долгой жизни моему господину...» Какой он тебе господин? Не умеешь держать себя в обществе.

Каплан (подходит к молодым, поздравляет, отыскивает место, садится). Романоз, или как там тебя сейчас зовут...

Тулухчиев. Что прикажете, Каплан Асланович?

Каплан. Пошел ты к чорту со своим «овичем». Да, что я хотел сказать? Прекрасно ты устроился, Романоз! Ей-богу, грех жаловаться, живешь, как принц... Э... сколько комнат ты так украсил? Давненько я не бывал у тебя... С тех пор, как ты сюда перешел... Да, да, с тех самых пор, как ты этот дом оттяпал у несчастного Топликашвили.

Тулухчиев. Хе-хе-хе, смеяться изволите, князь? Ничего я не оттяпал. Хороший у вас характер, князь, веселый.

Каплан. При чем здесь мой характер? Конечно, оттяпал; а как же иначе это назвать?

Берозашвили. Серебряную сахарницу с серебряным подносом и щипцами преподносит кожевник Гаго.

Голоса. Молодец Гаго, дай бог ему здоровья.

Мать невесты. Пожалуйста, дорогой Гаго! Как живешь, как поживаешь? Садись, пожалуйста, садись!

Берозашвили. Персидский ковер на стену преподносит Осичамьева Текле!

Мать невесты. Ой, ты-то чего беспокоилась, Текле дорогая? Хотя я знаю, какое у тебя доброе сердце. Как ты сильно огорчилась, когда князь чуть было не отказался от нашей дочери.

Тулухчиев (прислушавшись). Эй, баба, прикуси язык.

Берозашвили. Князь Элизбар Эристов преподносит переписанную Давидом-ректором поэму Руставели «Витязь в тигровой шкуре» в тисненном кожаном переплете!

Мать невесты. И вы нас осчастливили, князь? Как поживаете, все ли у вас благополучно? Пожалуйте, пожалуйста, садитесь!

Каплан (Эристову). Ты тоже, нашел, что дарить, Элизбар,— «Тигрову шкуру»...

Эристов. Я знаю, что Тулухчиев сам об этом не подумает, а по обычаю,— грузинская невеста обязательно должна иметь в приданом поэму Руставели...

Каплан. Хорошо, что ты пришел, а то я здесь не вижу никого под масть себе.. Все другие комнаты полны купцами и купчишками.

Эристов. А русских чиновников — нет?

Кап л а н. Ну, как же без них! Сидят в отдельной комнате и режутся в карты.

Э р и с т о в. Сказать правду, я больше ради Пушкина пришел. А подарок я мог прислать и с человеком.

Кап л а н. Как, и Пушкин будет здесь?

Б е р о з а ш в и л и. Княгиня Дарья Бектабегова преподносит серебряный заграничный несессер молодой невестке, и золотое с алмазом кольцо— князю Пето...

Д а р ь я. Поздравляю, Пето, дорогой! Это кольцо по праву принадлежит тебе, оно фамильное. Его носил покойный твой брат. Будьте счастливы! И тебя поздравляю, дорогая моя. Постарайся укрепить наш дом, подпереть его своим плечом. Характер у тебя, говорят, хороший... и я надеюсь...

М а т ь невесты. Ой, княгиня, голубушка! Как живешь, как поживаешь, все ли в добром здорьевье? Садись, родная моя, садись!

Кап л а н. Будь уверен, что и ламаз-Даро тоже ради Пушкина пришла.

Э р и с т о в. И ты уже начал сплетничать, Кап л а н?

Кап л а н. Вовсе я не сплетничаю... А этот ваш Пушкин — молодец, настоящий молодец.

Г е с л и н г (войдя, направляется прямо к молодым). Господин военный губернатор поручил мне передать вам наилучшие пожелания и этот небольшой подарок. Он приносит свои извинения,— но дела помешали ему присутствовать лично на этом торжестве. Князь Пето, и вы, сударыня, прошу принять и мои сердечные поздравления, вместе с этим маленьким сувениром. (Передает подарок.)

М а т ь невесты. Большое спасибо вам! Как

живете, как поживаете, все ли у вас благополучно?

Тулухчиев. Слушай, баба, что — тебя бог ушиб? Как ты ведешь себя?

Мать невесты. Что ты хочешь от меня? Чем я тебе не угодила?

Тулухчиев. Чем не угодила? Человек впервые в твоём доме, толком не знаешь ты даже, кто он такой, а лезешь к нему: «как поживаете, все ли благополучно?» В большом свете так не принято, сдерживай себя хоть немного.

Мать невесты. Ой, ой, ой, пропала моя головушка, что я наделала! (Удаляется.) Откуда мне знать, я хотела им почет оказать, и вот...

(Входят Пушкин и Гаврилов — с букетом. Они поздравляют новобрачных.)

Каплан. Смотри-ка, Элизбар, твой Пушкин черкеску надёл.

Геслинг. Это его привычка — любит он менять костюм. В Кишиневе он одевался то турком, то греком, то евреем... А то наденет широченные штаны и длиннейший плащ...

Пушкин (Бектабегу). Это так, мой друг, запомните: если хочешь быть воспитан — должен поклониться, если хочешь что поднять — должен наклониться, если хочешь в рай — должен помолиться, если хочешь в ад — должен ты жениться. Но это, конечно, сказано не про вас...

Тулухчиев (Пушкину). Благодарю вас за то, что ошастливили своим посещением.

Мать невесты. Спасибо, большое спасибо вам. Как поживаете, все ли у вас благополучно?

Тулухчиев. Эй, жена!

Мать невесты. Ой, ой, опять ошиблась! Нет, нет, больше, не буду!

Пушкин (*Геслингу*). Новобрачная, как полевой цветок: ни красы, ни аромата; кроме мужа, никто ее и не заметит. Приглашу-ка я ее танцовать.

Геслинг. И прекрасно сделаете, а то у них, видно, обычай такой,—молодые сидят, точно аршин проглотили..

Эристов (*Пушкину*). Вчера вы, кажется, имели неприятную беседу с военным губернатором? Если я могу быть чем-либо полезен..

Пушкин. Благодарствуйте, князь. (*Жмет ему руку.*) Но я не так труслив, как некоторым кажется.. А-а, здравствуйте, князь Каплан!

«Лихой товарищ наших дедов,
Он друг Венеры и пиров;
Он на обедах бог обедов,
В своих садах он бог садов».

(Понемногу подходят гости и окружают Пушкина.)

Г о л о с а.—Александр Сергеевич, это что такое?

— Черкеску надели?

— Здешний боевой наряд?

— Да еще вооружились. Не на войну ли?

Пушкин (*оглядев всех, с улыбкой*).

«Война! Подъяты, наконец,
Шумят знамена бранной чести.
Увижу кровь, увижу праздник мести,
Засвищет вокруг меня губительный свинец».

(Завидев Дарью, направляется к ней.)

А-а, *charmante et divine princesse*¹ (*Беседуют.*)

Каплан (*Тулухчиеву*). Роскошная женщина была твоя покойная мать.

Тулухчиев. Ну, хватит, князь, что за время вспоминать покойников?

¹ Очаровательная, божественная княгиня.

Каплан. Клянусь, я не шучу! Такая была представительная, с такими бедрами, что... во!

Тулухчиев. Эх, князь, вы все еще не оставляете своих привычек... (к Берозашвили). Уйду-ка я от греха подальше, а то он при всех снимет с меня голову... (Уходит.)

(Европейские танцы. Пушкин и Дарья танцуют.)

Эристов (Геслингу). Тулухчиев? Parvenu?¹ Да, он настоящий сын своего века...

Геслинг. И какая безвкусица кругом. Какой угодно стиль вы здесь можете найти: вольтеровские кресла и кавказская тахта, европейская люстра и персидский кувшин.

Эристов. Гм, а поэт наш, повидимому, большой охотник до женщин.

Геслинг. Особенно, когда он в настроении, ничем тогда его не удержишь. У меня с собою письмо в действующую армию, и никак не могу передать ему.

Эристов. Как? Неужели он и в самом деле едет на театр войны?

Геслинг. Вполне серьезно. И разрешение уже получено.

Эристов. Не постигла бы его там участь Грибоедова. Тогда Россия окончательно осиротеет.

Геслинг. Нет, у него там много друзей... там и младший его брат. Да и сам Паскевич не допустит его к прямому участию в стычках с неприятелем.

Дарья (Пушкину). Какой вы, однако, неугомонный. Порхаете с цветка на цветок. Но вы, пожалуйста, не вообразите,— я ничуть не ревную!

¹ Выскочка.

Пушкин. Да, но десятую заповедь вы все же мне напомнили:

«Добра чужого не желать
Ламаз-Даро повелевает;
Но меру сил моих не знает,—
Мне ль нежным чувством управлять?
Обидеть друга не желаю,—
Не надо мне его вола,
Не надо мне его осла...
Но ежели его супруга
Мила, как ангел во плоти,—
О, боже праведный, прости
Мне зависть ко блаженству друга».

Каплан (вновь поймал Тулухчиева). Нет, я о том говорю, что великолепная баба была твоя матушка.

Тулухчиев. Ох, князь, хватит вам; ну, что, в самом деле...

Каплан. Не шутя скажу,— хороша была, клянусь отцом покойным.

Тулухчиев. Бросьте, князь, что вы? (Удаляясь, к Берозашвиди.) Вот еще не было печали... Чорт меня побрал приглашать его. Думал иметь хорошего тулумбаша... Теперь он мне всю свадьбу испортит...

Эристов. Вы только взгляните на Пушкина: без конца шутит, смеется сам и смешит других.

Геслинг. Это он сегодня в таком настроении. Посмотрели бы вы вчера. Мрачен был, как небо в ноябре.

Эристов. Он — поэт, а поэты вообще не любят долго предаваться грусти; они всей душой стремятся к веселью...

Г е с л и н г. Александр Сергеевич, никак не изловлю вас, хочу передать вам письмо, в армию...

П у ш к и н. Письмо? К кому это?

Г е с л и н г. К Вальховскому.

П у ш к и н. Как? Разве он уже выехал?

Г е с л и н г. Да, с неделю, как выехал, и вот я хочу через вас писать ему. Думаю, не откажетесь передать...

П у ш к и н. Конечно, передам, Николай Николаевич. Письмо с вами? Прекрасно! (*Глядит на конверт.*) А? Это что за титул? Ха-ха-ха! *C'est diable c'est drole!*¹ А, каково! (*Читает.*) «Солнцу просвещения, луне познания, сиянью остроумия, розе любезности, и прочая, и прочая; меценату статистики, географии и топографии, о коем я думаю непрерывно,—Владимиру Дмитриевичу Вальховскому». Ха-ха-ха! Прекрасно сказано! Состязаетесь в остроумии, Ник-Ник? Письмо я непременно передам. Но и он, вероятно, в своем ответе не уступит вам...

Г е с л и н г. Только вы ему не подсказывайте.

П у ш к и н. Ну, в этом он не нуждается; он сам довольно остроумен.

Б е к т а б е г о в. Гаврилов! Вы что же оставили Пушкина на произвол? Я —молодожен и пришит здесь, а вы чего?

Г а в р и л о в. О, все едино! Завтра он, слава богу, уезжает, и мы, наконец, вздохнем свободно.

Б е к т а б е т о в. И я рад его отъезду. Трудновато было с ним. Знай себе, насмехается и то и дело меняет тему разговора.

Г а в р и л о в. Вам-то что? Вы молоды; но ведь

¹ Это забавно.

он и со мной не церемонился. А теперь, чорт с ним, пусть убирается! У нас и без него достаточно дела.

Бектабегов. Дела, конечно, много. Ох, и хлопот же он нам доставил, этот Пушкин!

Гаврилов. Ну, с ним, слава богу, покончено. Теперь предстоит другое дело, покрупнее. Вот! *(Показывает.)*

Бектабегов *(встает, отходит с ним от жены)*. Как? Элизбар Эристов?

Гаврилов. Да, и многие другие...

Бектабегов. А-а, вот в чем дело! Ну, поберегись теперь, жеманница Бабуци!

Гаврилов. Это та княжна, что должна была выйти за вас?

Бектабегов. Да. Ну, теперь я знаю, как с ней разделаться!

Гаврилов. А что, разве она имеет с ним какую-либо связь?

Бектабегов. С кем она имеет связь — я не знаю, это я выясню; но что она читает запрещенные книжки — это мне известно доподлинно.

Эристов *(Пушкину)*. Значит, завтра вы едете?

Пушкин. Да, и прямо на поле брани.

Эристов. Простите, но старайтесь беречь себя.

Пушкин. Эх! «Люблю я звук мечей, от первых лет поклонник бранной славы...»

Дарья. Итак, вы едете, Александр Сергеевич? Значит, солнце выглянуло, осветило нас, обогрело, мы расцвели под его живительными лучами, — и... теперь все вновь должно окраситься в прежний серый цвет? Как жаль...

Пушкин *(тихо, Дарье)*. «Благословен и день и

час, когда в горах Кавказа судьба соединила нас...»

Дарья. Но зачем, зачем вы едете на войну?

Пушкин. Нет, не бойтесь, мне не суждено умереть на войне. Меня убьет белый человек, и на дуэли.

Дарья. Ох, что вы? Не может быть!

Пушкин. Так нагадала мне цыганка. Но, если даже со мной что и случится на войне, то «всему пора, всему свой миг чредой идет определенной.» (Входит Лопиана с «табахом» — лотком на голове, — на котором фрукты, украшенные зажженными свечами, и Пиримзиса, с вышитой подушечкой.)

Лопиана. Где он, мой спаситель, мое божество? (Увидев Пушкина.) О, благодетель! Я не нахожу слов, достойных твоей доброй души. Что мне делать? Благодарить тебя? Сказать, что отплатю тебе? Но ты в этом не нуждаешься, и не решусь я на это с таким человеком, как ты. Моя благодарность не украсит тебя, ибо ты сам — украшение вселенной. (Ставит «табах».)

Пушкин. Вот человек, который не станет завидовать ни богатству плута, ни чинам негодая, ни известности шарлатана... Что ж, братец, теперь ты можешь жениться. Поздравляю тебя. А это ты не мне, а им должен поднести. (Указывает на молодых.)

Лопиана. Их я поздравлю, об этом ты не беспокойся. Но я не вижу молодого князя...

Пушкин (Пиримзисе, которая держит вышитую подушечку). А это что?

Пиримзиса (застыдившись). Это мое рукоделье. Вас, конечно, этим не удивишь, но... когда будете отдыхать, хорошо подложить подушечку под голову.

Пушкин. Очень рад, милая моя, очень рад!
Это стоит иного ценного подарка.

Лопиана (*Бектабегову*).

Поздравляю, князь-голубчик,
Со вступленьем в брак законный!
С торговцом ты породнился
И в семью его вступил.
Он научит песням новым,—
А ты песен тех не слушай:
Тебе в помощь — царь небесный,
На земле же — царь земной,
(*В сторону.*)

Хоть его пора долой!

В том, что тут тебе не лгу я —
Мне порукой крест, икона,
И на небе — царь небесный,
На земле же — царь земной,
(*В сторону.*)

Хоть его пора долой!

Когда тесть тебя рассердит,—
Ты схватись скорей за шашку:
Твой защитник царь небесный,
На земле же — царь земной.
(*В сторону.*)

Хоть его пора долой!

(*Бектабегов выпучил глаза. Каплан подходит к Лопиана.*)

Каплан. Нечего, нечего нести чепуху... Не твое дело читать подобные стишки. Спляши-ка лучше «багдадури!» (*Музыкантам.*) А вы сыграйте.
(*Лопиана пляшет.*)

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

(В саду. Геслинг и Эристов.)

Геслинг. Нет, это слова Пушкина, подлинные его слова об императоре Александре. Однажды в царскосельском парке сорвался с цепи медведь и чуть не задрал гулявшего там государя. Пушкин сказал: «Наконец-то отыскалось хоть одно смелое и благородное существо, да ~~и~~ то оказался медведь».

Эристов. Да, но декабристы все же не слишком доверяли Пушкину...

Геслинг. Они просто опасались его живого и увлекающегося нрава.

Эристов. В том-то и дело: они сомневались— сможет ли он соблюсти их тайну. Огромный круг знакомых Пушкина, женщины, постоянные увлечения...

Геслинг. Ну да; но все же несомненно, что Пушкин своими вольнолюбивыми стихами весьма содействовал идеям декабристов.

Эристов. Между нами будь сказано, его часто обвиняют в непостоянстве характера.

Геслинг. В этом есть что-то от внутреннего беспокойства и трагизма. (Садятся на скамью и продолжают беседу.)

(Показываются Бабуци и София.)

Бабуци. Ты не можешь себе представить, как он мне надоел.

София. О, Пето Бектабегов — отвратительная личность.

Бабуци. Недавно женился, а все еще продолжает преследовать меня.

София. Имей в виду, Бабуци, что он — опасный человек, он способен предать.

Бабуци. Так он мне именно этим и угрожает: «Донесу, — говорит, — на тебя и добьюсь твоего ареста».

София. О, ужасный свет! Вот почему я и бегу от него. Люди не стоят того, чтобы делать им добро, а ты хочешь пожертвовать за них своей жизнью...

Бабуци. Так не за таких же людей, как Пето.

София. Эх, Бабуци, все они одинаковы! Сама посуди, ведь что такое люди? Все они малодушны, коварны, бесстыдны, злы, неблагодарны; все они сплошь клеветники, глупцы, рабы.

Бабуци. Так вот и надо освободить их, чтобы они перестали быть рабами, спасти их.

София. Ты хочешь их спасти? Какой самообман!

Эристов. Николай Николаевич! Посмотрите — кто это там? Глазам не верю.

Геслинг. Боже, да ведь это же Пушкин. Что за костюм на нем?

Эристов. Когда это он вернулся?

Г е с л и н г. Александр Сергеевич! Александр Сергеевич!

Пуш к и н. (подходит, одетый в турецкий костюм). Привет, друзья!

Г е с л и н г. Когда вы вернулись? Давно ли?

Пуш к и н. Нынче утром.

Г е с л и н г. Что это вы надели на себя? Не сделали ли вас там пашой?

Э р и с т о в. Искандер-паша — звучит недурно.

Пуш к и н. Искандером турки меня называли, но пашой не сделали.

Г е с л и н г. А что, и в самом деле — окончена война?

Э р и с т о в. Счастливым оказался ваш приезд туда, Александр Сергеевич.

Пуш к и н. Да, Арзрум взят — и война окончена. Но, к несчастью, в день моего отъезда, получено известие, что генерал Бурцов убит под Байбуртом...

Г е с л и н г. А, это тот, причастный к четырнадцатому декабрю?

Пуш к и н. Да! Но наша армия так далеко зашла вглубь Турции, что война, вообще, может возобновиться. Четырнадцатого июля в Арзруме открылась чума, и я в тот же день решил оставить армию. На прощанье граф Паскевич подарил мне саблю.

Э р и с т о в. Да, высокая награда, что и говорить. Но, вот, самого Паскевича судьба, действительно, награждает щедро: прошлый год победа над Персией, сейчас — взятие Арзрума.

Г е с л и н г. Да! Тень наших знамен уже почти «на вратах Цареграда».

Пуш к и н. Вы правы, князь. Паскевич подлинно рожден под счастливой звездой. Вообще же, — и

человек и полководец он весьма дюжинный. А воображает себя гениальным. Мною недоволен за то, что я не воспел его подвигов. А у меня, сказать правду, сердце не лежит петь о нем. Я там только «Делибаша» набросал, да и то вчерне; и, он, узнав об этом, обиделся: какими пустяками занимается Пушкин!

Эристов. Пришлось вам быть свидетелем сражений?

Пушкин. Даже лично участвовать. Мне запретили, но я не подчинился; а однажды я так далеко отъехал вглубь расположения неприятеля, что наши погнались за мной и с трудом меня утащили обратно. (Увидев девиц, направляется к ним. Эристов и Геслинг тоже.) Здравствуйте, барышни. О-о, как это вы сошлись—две крайности? Одна—бежит от жизни, но, сдастся мне, очень-очень скоро к ней вернется, а другая стремится в самый водоворот жизни, но скоро убежит от нее...

Бабуца. Ах, Александр Сергеевич, если бы вы знали, как вы правы!

Пушкин. Нет, я не говорю об окончательном бегстве от жизни. Такие люди, как вы, должны жить, чтобы являть собой пример, заслуживающий всяческого подражания. Я хотел лишь сказать, что лучшие наши стремления осуществить мы не властны.

София. Что ж, вы теперь вернетесь в Россию?

Пушкин. Доколе ж мне бродить по свету, «то в коляске, то верхом», а то и просто пешком? Если так продолжать, то меня где-нибудь «подцепит чума или шальная пуля, иль умру со скуки я в карантине...» Нет, опять в Россию, туда, где, кажется, «последняя туча рассеянной бури»...

Бабуци. Только что вы отняли у нас даже след надежды, а теперь вновь возвращаете ее.

Пушкин. Ведь я спешу на родину, в Россию, так как же мне не питать надежд? А то ведь «печаль минувших дней в моей душе, чем старе, тем сильнее...»

Бабуци. Ох, как это верно! Как хорошо это сказано!

Пушкин (*Бабуци*). За эти слова, я вижу, вы готовы меня обнять?

Бабуци (*отстраняясь*). Ах, что вы, что вы?

Пушкин. Ну, не будьте же «prude»!¹ Это слово у нас не переведено и не вошло еще в употребление; вот слово «кокетка» — вполне обрусело. Слово же «prude» означает женщину, чрезмерно щекотливую в своих понятиях о чести. Такое свойство предполагает нечистоту воображения. Пожилой женщине позволяется многое знать и многого опасаться, но невинность есть лучшее украшение молодости. (*Шутливо.*) Поэтому вы должны меня обнять.

(*Бабуци, смеясь, отходит*)

Эристов (*Геслингу*). Удивительный человек! В продолжении этих кратких минут сколько раз менялось у него настроение.

Геслинг. Дух поэта — это нечто особенное. И состояние его изменяется с быстротой молнии.

Пушкин (*Бабуци*). Я знавал красоток-недотрог. (*Софии.*) Что, вы уходите? Я вас напугал своими шутками?

София. Нет, но мне пора подняться к себе в монастырь.

¹ Недотрога.

Пушкин. Ах, да, в тот монастырь!.. Что, Грибоедова уже похоронили? По дороге в армию я встретил его тело у крепости Гергеры. Два вола везли его в арбе. Несколько грузин сопровождали арбу. — Откуда вы? — спросил я их. — Из Тегерана. — Что вы везете? — Грибоеда. — Я был поражен: где мы встретились друг с другом... (Грустный, умоляет.)

Геслинг. Июля восемнадцатого привезли его и с большой торжественностью похоронили...

Бабуци. Да, и прекрасный памятник поставили ему.

София. Хороша надпись на нем: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя».

Геслинг. Жена его сделала эту надпись.

Пушкин (печально). Да, жена. Ведь он женился на той, которую любил... Не знаю ничего завиднее последних годов его бурной жизни, исполненных любимой деятельностью. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неравного боя, была мгновенна и прекрасна... Завтра подымусь на гору и поклонюсь его безвременной могиле...

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

(Гора св. Давида. Грот с могилой Грибоедова. Пушкин — один.)

Пушкин. Гляжу я на твою раннюю могилу, великий писатель, — и сердце сжимается от боли; душа взволнована и мысль возмущена. Ты ушел от нас, необыкновенный человек, истинный избранник; долго, долго тебя не хотели признавать и упоминали твое имя с улыбкой недоверчивости, этой глупой, несносной улыбкой. Не хотели признавать ни твоего

таланта, ни выдающегося ума, ни блестящей храбрости. Люди верят только славе и не понимают, что между нами может находиться великий полководец, какой-нибудь Наполеон, который не предводительствовал еще ни одной ротой, или Декарт, не напечатавший в газете ни одной строчки... Так гибнут у нас все лучшие, достойнейшие... Гибнут на чужбине, принося в жертву себя и свою жизнь. В самой России они не могут применить свои дарования — там их тотчас хватают и ссылают в Сибирь... Наша земля опустошена, из нее изгнаны лучшие люди. Прогресс остановлен, прекращено развитие России, и ее передовые деятели вычеркнуты из жизни. Нравственный уровень страшно упал, и падение продолжается... Кормило власти — в руках отбросов человечества; они царят — и путь Молчалиным открыт: никто не смеет «свое суждение иметь»... Изящная словесность — в руках Булгарина и Греча, и законодатель литературных вкусов — шеф жандармов... Страна изнывает под тяжелой пятой самовластья; венчаный капрал раздавил ее своим сапогом... И мне, поющему громко и смело, прикаывают закрыть рот; меня хотят лишить моей свободной песни... Свора соглядатаев следует всюду за мной; они гонятся по пятам и ни на одно мгновение не выпускают меня из виду. Я чувствую себя, как птица, запертая в клетку, и как в ней тщетно мечется она, так и я бьюсь об ее стены, ибо не знаю, с какой стороны мне ждать отравленной стрелы... Я хочу взлететь ввысь, к самому солнцу, а они упорно тянут меня в болото. Я хочу спеть моей родине светлый, живительный гимн, а из груди моей вырывается стон, и грусть охватывает сердце... Я жажду радости, веселого смеха, а меня душат слезы,

горькие слезы. И вот я в разладе со своим собственным творчеством. Я влачу жалкое существование, а они это называют жизнью. Нет, это тюрьма, это темное подземелье! Но я клянусь тебе, собрат мой, что и в этом подземелье я не перестану петь, буду восславлять свободу и милость к падшим приывать...

(В это время в грот просовывают головы проследившие Пушкина Гаврилов и Бектабегов.)

Пушкин (указывая на них, говорит, обращаясь к могиле). Вот они! (Обернувшись к ним.) Я иду, господа.

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

(Сад в Ортачалах, на берегу Куры. На реке огромное колесо, черпающее воду. Масса народу, в отдельных группах. Стол накрыт, но пока за него не сели.)

Первая княгиня (Дарья). Ты посмотри, кого привел с собой милейший Пушкин.

Дарья. О ком ты говоришь? Ах, это Дуров...

Первая княгиня. Не знаю — Дуров или Дандуров, но видать — большой хвастун.. Мне жалко Каплана: захватил он его в свои лапы и держит... Каплан, послушай! Что он там за знаки делает?

Каплан. Человек этот помешан на разных «пари». Вот и сейчас он бьется со мной об заклад, что через три дня ты его полюбишь...

Первая княгиня. Ой, плевать я хотела на его плешивую голову! Не сойти бы ему с места.

Дарья. Ты тоже, — веришь Каплану: сам он все это выдумал.

Каплан. Нет, нет, клянусь вам!

Дуров. Позвольте, князь. Вы, кажется, что-то неприличное сказали на мой счет? (Подходит.) Вы, сударыня, не подумайте чего-либо такого. Просто я очень люблю держать пари; я предлагаю князю стать в двадцати пяти шагах от него и, бьюсь о тысяче рублей, что он в меня не попадет из пистолета.

Каплан. Еще бы, так я тебе и промахнулся!

Пушкин (подходит). О-о, мой Дуров помешан на деньгах и на пари!

Дарья. Где вы нашли этого человека?

Пушкин. Я захватил его по дороге из Арзрума. Он болен какой-то удивительной болезнью, вроде каталепсии, и с утра до ночи играет в карты. Он помешан на одном пункте: ему непременно хочется иметь сто тысяч. Хотите, он сам об этом вам скажет? Дуров, Дуров! Вам очень хочется иметь сто тысяч?

Дуров. Ах, Александр Сергеевич! Это — моя мечта.

Пушкин. Так я бы на вашем месте их украл.

Дуров. Я об этом думал.

Пушкин. Ну, и что же?

Дуров. Мудрено: не у всякого в кармане можно найти сто тысяч, а зарезать или обокрасть человека за пустяк не хочу, — у меня есть совесть.

Пушкин. Ну, так украдите полковую казну.

Дуров. И об этом я думал.

Пушкин. И что же?

Дуров. Это можно сделать летом, когда полк в лагере, а фура с казной стоит у палатки полкового командира. Можно накинуть на дышло длинную веревку и припречь издали лошадь, а там на ней и ускакать. Часовой, увидя, что фура скачет

без лошадей, вероятно, испугается и не будет знать, что делать. В двух или трех верстах можно разбить фуру, а с казной бежать. Но тут также много неудобств. Не знаете ли вы иного способа?

Пушкин. Просите денег у государя.

Дуров. Я об этом думал.

Пушкин. И что же?

Дуров. Я даже просил.

Пушкин. Как? Безо всякого права?

Дуров. Я с того и начал: ваше величество! Я никакого права не имею просить у вас то, что составило бы счастье моей жизни; но, ваше величество, на милость образца нет, и так далее...

Пушкин. Что же вам отвечали?

Дуров. Ничего.

Первая княгиня. Ой, что за сумасброд!

Геслинг (*тащит Ягулова*). Иди сюда, иди! Вот проезжий, которого ты выгнал из своего дома.

Пушкин. Кто это такой?

Геслинг. Не узнаете, Александр Сергеевич? Это же душетский городничий, который выгнал вас ночью из своего дома.

Ягулов. Простите, бога ради, высокочтимый Александр Сергеевич! Как я мог знать, кто вы такой? Столько народу шляется по Военно-Грузинской дороге, и все в Душете лезут ночевать ко мне.

Геслинг. На колени! На коленях проси прощенья!

Ягулов (*падает на колени*). Простите, не погубите,— жена, дети.

Пушкин. Что вы делаете? Как не стыдно! Геслинг, Ник-Ник, что это за шутки?

(Подымает Ягулова.)

Ягулов. Не погубите, ради бога, не сделайте несчастным!

Пушкин. О чем вы говорите? Как я могу вас погубить, с чего вы взяли?

Ягулов. Не знаю, начальство вытребовало меня в Тифлис; говорят, я нанес оскорбление важному лицу, надо извиниться. На квартире я вас не застал; прослышал, что вы здесь, и поспешил сюда. Ради этого праздника, простите меня, старика...

Пушкин. Что вы? Я давно уже все забыл. Кто вас вытребовал в Тифлис?

Геслинг (отводит Пушкина). Я вызвал его, как начальник канцелярии губернатора. Хотел его разыграть.

Пушкин. Но как это можно? Ведь он старик! Из-за такого пустяка...

Ягулов (на коленях). Ради бога, простите,— жена, дети...

Пушкин. Встаньте! Как вам не стыдно? Я на вас не жаловался. Будьте покойны, вам ничего дурного не сделают.

(Появляется Бабуци.)

Дарья. А, Бабуци, где ты до сих пор?

Бабуци. Я давно уже здесь, в саду, но ваша деверь бегает за мной и не дает покою.

Дарья. Что же он хочет?

Бабуци. Вновь угрожает донести на меня.

Дарья. Ну, чего там! Правда, я в шутку называла тебя Шарлоттой Кордэ, но какая же ты, в сущности, бунтовщица? Не бойся, я его отважу от тебя.

Эристов (в отдельной группе). Конечно, он человек высокого ума и огромного таланта.

Геслинг. Пушкин напоминает мне быстрый, сильный, свирепый поток, с шумом падающий с высоких скал в крутое ущелье.

Эристов. Дело в том, что внешне он кажется беспечным, но если вдруг увлечется разговором, то обнимет предмет с самых значительных сторон и удивит всех подробностями и разнообразием познаний...

Додашвили. Я в Пушкине нашел больше, чем ожидал. Такого мозга, кажется, не вмещает ни один русский череп, по крайней мере, ни один из ощупанных мною.

Пушкин. Рассуждаете, друзья, о политике? Политика напоминает мне выстрел во время концерта.

Эристов. Нет, мы не о политике.

Геслинг. Мы говорили о вас.

Пушкин. Обо мне? Я был когда-то существом юным, ласковым, очарованным жизнью и готовящимся к счастью.

(Стрекалов подходит к Пушкину. Вокруг них группируются.)

Стрекалов. Александр Сергеевич! А теперь разрешите проститься.

Каплан. Никак невозможно, ваше превосходительство, без обеда мы вас не отпустим.

Стрекалов. Нет, я спешу! Весьма благодарен.. Я и без того довольно насладился и слушанием песен, и зрелищем плясок грузинских и, что самое главное,—засвидетельствовал свое уважение Александру Сергеевичу. Теперь же разрешите мне, как лицу весьма занятому, нарушить ваш исконный обычай и откланяться.. Но прежде чем уйти, я хочу поднять бокал за здравие господина Пушкина.

(*Берет бокал.*) Александр Сергеевич! Пожелаю вам здравия и долгоденствия и, одновременно, чтобы перо ваше было употребляемо отныне во славу нашего великого монарха, чтобы вы старались с точностью и усердием исполнять волю его величества и служить ему в меру способностей ваших. Пожелаю вам в дальнейшем употреблять талант ваш, ум и время на дело полезное, а не на вздорные стишки, как бы ни были они плавны и остры. Прощения прошу за откровенность, но я — солдат. Засим счастливого вам пути! Вы же все, господа, надеюсь, не дадите скучать дорогому гостю, и без меня прекрасно проведете время. Прощайте, господа! (*Уходит.*)

(Часть гостей провожает его.)

Ягулов (*идя за Стрекаловым*). Ваше превосходительство, остались бы...

Стрекалов (*гневно*). А ты уже успел надрызгаться?

Ягулов (*дрожа*). Нет... нет... ваше превосходительство... (*Идет за ним.*)

Эристов. Губернатор захотел прикинуться умным человеком.

Пушкин. Ну, знаете: можно прикинуться и богатым, и знатным,— но умным уж никак не прикинешься, коль нет ума.

Ягулов (*ползая перед Пушкиным на коленях*). Сжальтесь, Александр Сергеевич, не погубите...

Пушкин (*гневно*). Я же вам сказал, что недовольствия никакого против вас не имею. Что это вы наделали, Ник-Ник?

Ягулов. Вот уж и губернатор на меня рассердился.

Пушкин. Ник-Ник!

Г е с л и н г. Поди сюда, Ягулов! (Пушкину.) Не из-за вас рассердился губернатор,, а за то, что он пьян...

К а п л а н. Ну, господа, князь Александр пожаловал. Княгиня Дарья, просите гостей к столу.

Д а р ь я. Господа, прошу вас! Александр Сергеевич!

(Чавчавадзе здоровается с Пушкиным.)

Ч а в ч а в а д з е. Весьма рад видеть вас в добром здравии, после театра войны, и вновь в нашем кругу (полушутливо) при таких счастливых обстоятельствах...

П у ш к и н. Рад и я видеть вас после того, как траурная тень покинула ваше чело, и оно уже открыто.

Ч а в ч а в а д з е (вполголоса). Нет! Открывать чело грузину время еще не приспело... Однако, нынче у меня есть повод для веселья. (Садятся.) Ну, Каплан, благослови-ка трапезу застольной песней, по древнему обычаю грузин.

К а п л а н (с хором поет «мравалжамиер»).

Д а р ь я (Пушкину). Ну! Куда вы едете, Александр Сергеевич? Зачем вы так спешите к себе в Россию? Что ждет вас там? Оставайтесь, погостите у нас, съездимте в деревню. Я отыщу там чудесные уголки. Вы ведь любите дубраву, водопад и вообще природу; там овеет вас творческое вдохновение.

П у ш к и н. «Когда б не смутное влеченье

Чего-то жаждущей души,—

Я здесь остался б — наслажденье

Вкушать в неведомой тиши...»

Ч а в ч а в а д з е. Пока тулумбаш еще не избран, хотя известно, что присяжный тулумбаш у нас князь Каплан...

В с е. О-о, конечно, конечно, Каплан!

Ч а в ч а в а д з е. Разрешите мне поднять этот бокал и провозгласить тост. Грузины, ужели вы не знаете великого поэта, имя которого известно всюду, во всех концах России? Чья высокая поэзия гремит, как водопад, брызжащий самоцветными жемчугами. Своим светлым умом он дорог Северу, как нам дорог наш солнечный Руставели. Седая Грузия на твои песнопения отвечает своим почтительным дифирамбом!

(Крики: «Ваша!» «Ура!» Пение.)

Д о д а ш в и л и. Поэзию Пушкина отличает античная пластика и гениальная простота. В ней с небывалым подъемом выявились богатство и сила русского языка. Стихи Пушкина нежны, сладки, мягко журчат, как волна; острые и густые, как мед, они блестят, как молния, чисты и прозрачны, как горный хрусталь. Они ароматны и желанны, как весна, метки и сильны, как стрела, пущенная из лука сказочного богатыря. Нас пленяет этот богатырский размах... и... да здравствует сам богатырь!

(Вновь крики «Ура!» пение.)

П у ш к и н (*после паузы, вдохновенно*). Мысль! Какое великое слово! Что же и составляет величие человека, как не мысль? Да будет же мысль свободна, как свободен должен быть сам человек...

Г а в р и л о в (*перебивает*). Но в пределах законности, при полном соблюдении условий, налаженных обществом. (*Общий смех.*)

П у ш к и н. Эх, Гаврилов, Гаврилов! Не везет вам:
«И прекрасны вы некстати,
И умны вы невпопад!»

К а п л а н. Я не сумею воспеть тебя в речах, редкий и дорогой гость наш; я могу лишь посвятить

тебе наше старинное баяти и спеть слова нашего поэта; с меня и этого хватит! (*Поет песню Туманишвили «Душа, недавно рожденная в раю».*)

Пушкин. Что это? Что означают эти слова? Князь Александр! Прошу вас, переведите.

Чавчавадзе (*вполголоса переводит слова*).
(Пушкин записывает.)

Геслинг (*Ягулову*). Нет, как тебе не стыдно: состарился, и Пушкина не знаешь. Ночью выгнал из своего дома!

Ягулов. Ладно, Николай Николаевич, побойтесь бога. Ну, не знал я его. По имени-то слышая, но сочинений его, признаться, не читал.

Геслинг. Ты, конечно, и Державина не знаешь?

Ягулов. Ну, Державина как не знать? Я ведь тоже немного учился; не думайте, что я вовсе неуч! Вот я помню оду «Бог»; только не знаю, чья она — Державина или Ломоносова...

Пушкин (*услышав, поднял голову*). Зря смеетесь, господин Ягулов. Это прекрасные и возвышенные стихи.

Ягулов. О, что вы, разве я смею? (*Подбегает к Пушкину.*) Простите, Александр Сергеевич! В Душете это случилось по незнанию...

Пушкин (*смеясь*). Успокойтесь, друг мой, успокойтесь. Садитесь и продолжайте веселиться. А я прочту, господа, перевод только-что спетых стихов.

(Крики радости и восторга.)

«Душа, недавно рожденная в раю,
Душа, созданная для моего счастья,
От тебя, бессмертная, ожидаю жизни,
От тебя, весна цветущая, луна двунедельная»

От тебя, ангел мой хранитель,
От тебя, бессмертная, ожидаю жизни».

К р и к и. Прекрасно, прекрасно!

Д а р ь я. Все это хорошо. Однако, скажите, как мне оставаться без вас? Вы ж видите, я, как женщина, затосковала; но, конечно, от вас, сердцеведа, ничего не скроешь... И вы хотите уехать? Завтра почтовая карета умчит вас из Грузии...

П у ш к и н. Вы знаете, что я недавно написал одной женщине?

Д а р ь я. Что?

П у ш к и н. «Теперь уж мне влюбляться трудно,
Вздыхать неловко и смешно,
Надежде верить безрассудно...»

Д а р ь я. О, это очень жестоко...

П у ш к и н *(продолжает)*.

«Уж клятвы, слезы мне смѣшны,
Проказы утомить успели;
Вам также, с вашей стороны,
Измены, верно, надоели...»

Д а р ь я. Не говорите, нет!

П у ш к и н. «Мы знаем, вечная любовь

Живет едва ли три недели...»

Д а р ь я. Ах, как это ужасно! *(Опускает голову.)*

К а п л а н *(передает рог Дурову)*. Пей! Покажи-ка свои таланты в этом деле.

П у ш к и н. Нет, вы спросите Дурова, как он думает достать сто тысяч. Дуров, знаете что? Попробуйте обратиться к Ротшильду.

Д у р о в. Я об этом думал.

П у ш к и н. Что же, за чем дело стало?

Д у р о в. Да, видите ли, один способ выманить у Ротшильда сто тысяч; это было бы так странно

и забавно: надобно бы написать эту просьбу, чтобы ему было весело; потом рассказать анекдот, который стоил бы ста тысяч; но сколько трудностей...

Пушкин. Что же вы теперь думаете делать?

Дуров. Думаю—выманить эти деньги у англичан. Надо лишь подстрекнуть их природное самолюбие и любовь к странностям. Я хочу обратиться к ним с таким письмом: «Господа англичане! Я бился об заклад о десяти тысячах рублей, что вы не откажете мне дать займы сто тысяч рублей. Господа англичане, избавьте меня от проигрыша, на который навязался я в надежде на ваше всему свету известное великодушие.» И я, Александр Сергеевич, прошу вас похлопотать об этом в Петербурге, через английского посланника, но только дайте мне честное слово, что вы этим моим проектом не воспользуетесь сами...

Пушкин. Охотно даю вам честное слово.

Дуров. Да? Ура! Эй, музыку!

(Гармонист играет. Дуров пляшет «камаринского».)

Чавчавадзе (продолжая начатый спор). Что вы, Элизбар! Гете, бесспорно, великий поэт...

Эристов. Я его ничуть не умаляю, однако, Байрон выше, ибо он поэт неистовый и непримиримый...

Чавчавадзе. Байрон находился одно время под влиянием Гете. Не так ли, Александр Сергеевич?

Пушкин. Несомненно! Фауст слишком волновал воображение Чайльд-Гарольда. Дважды пытался Байрон побороть сего великана романтической поэзии и остался хром, как библейский Яков, борющийся с всевышним...

(Входит вольтник.)

В о л ы н щ и к (поет).

Много лет желаю
Славному Каплану,—
Веселит он душу
Всех гостей почтенных.
Дайте-ка вина мне,—
Чашу поднесите!
(Ему дают вина)
Общее здоровье
Этой чашей выпью!

П у ш к и н (подходит и разглядывает волынку).
Как это прекрасно и любопытно!

В о л ы н щ и к (Пушкину). Подари мне твоё имя.

Г о л о с а. Александр, Александр!

В о л ы н щ и к (поет).

Александр — много лета,
Радостной и светлой жизни;
Хлеб с полей собирать сторицей,
Не иметь забот на сердце;
Чтоб душа привольно пела,
На устах цвели бы розы;
В райские войти ворота...

Г о л о с а. Он едет, уезжает...

В о л ы н щ и к (поет).

Дорогой наш Александр,
Что так рано уезжаешь?
Свел с ума ты женщин наших,
А теперь нас покидаешь?

(Смех. Пушкин хохочет, одаряет волынщика.)

В о л ы н щ и к (поет).

Князь Каплану — много лета!
Век тебе мафусаилов;
Чтобы ноготь не болел бы;
Бог спаси от злого глаза,

Дом твой от лихого гостя,
Глада, труса, лихорадки,
От пожара, наводнения
И от женщины—ведуньи..

Пушкин. Вот наш предок! Вот родоначальник поэтов! Следственно, и у грузин есть свои трубадуры. Нередко они, должно быть, возбуждали народ своими песнями к восстаниям?

Эристов. Конечно, не без того... Весьма часто их песни имели тайный политический смысл.

Волынщик (поет).

Александр Чавчавадзе —
И поэт, и храбрый воин:
Целый свет вас восхваляет
И героем почитает.
Ради бога, ты скажи нам,—
Не оставь нас без ответа:
Отчего все изменилось
И весь мир перевернулся?
Соловьем поет ослица,
Соловьи ж ослами стали;
Зла, добра не различают —
Всех равно, жестоко судят,
За дурное наказуют,
А добро — не награждают.
(Пауза.)

Что имели — все забрали,
Чужеземцы нами правят,
Родину у нас отняли,
И народ наш тяжело стонет...

Пушкин (взволнованный, возвращается на свое место. Ему наливают вина. Он хочет говорить, но волнение мешает ему. Увидя это, с бокалом

в руках подымается из-за стола Александр Чавчавадзе).

Чавчавадзе. Прошу внимания! Русский народ, в недрах коего скрываются большие возможности, скоро поразит все человечество своими великими судьбами. Он станет маяком, к которому прибегнут все угнетенные народы, он станет прибежищем для многих и многих племен, обездоленных мачехой-судьбой. Господа, ныне среди нас, грузин, находится прекраснейший сын этого великого народа, и мы должны изъяснить ему волнующие нас чувства глубокого уважения, искренней и сердечной любви! *(Гром аплодисментов.)*

Пушкин. Толумбаш! Прошу позволения! *(Каплан кивает головой.)* Господа! Я вовсе не знал Грузии. Но то, что мне пришлось увидеть, убеждает меня, что народ грузинский ожидает великое будущее. Народ ваш более двух тысяч лет жил самостоятельной и самобытной жизнью. Ради лучших, передовых идеалов человечества он жертвовал своей кровью, принимая мученический венец; великий гений народа вылился в сказаниях его и эпосах, творениях величайших мыслителей и поэтов. Такой народ не умрет, и наш долг, всей России, побрататься с вами и подарить вас искренней любовью и вечной дружбой. Вот священнейший долг русского народа в отношении Грузии! Я пью за процветание вашей солнечной, вашей прекрасной страны!

(Крики: «Ура!»)

(Пушкина сажают в кресло, украшенное розами. София и Бабуца надевают на его голову лавровый венок.)

Каплан. Венчают тебя, о, великий поэт, две невинных души: одна — символ величайшей дев-

ственности и отречения от греховного мира, другая — поборница вечного прогресса вдохновенной человеческой мысли! (*Обернувшись к своим, хвастливо.*) Бельвю?

Д о д а ш в и л и. Великий поэт всего человечества! Мы просим принять в знак нашего благоговения этот небольшой дар: краткий обзор грузинской истории, составленный князем Александром Чавчавадзе на русском языке, очерк грузинской литературы, написанный Димитрием Кипиани и мной, исторический обзор сношений и присоединения Грузии к России, принадлежащий перу молодого грузинского ученого Платона Иоселиани, — и, наконец, мой долголетний труд по философии, — пока первую часть. Вы говорили, что все это вас интересует...

П у ш к и н (*сильно взволнован*). Благодарю! От души благодарю! Спасибо вам, господа! (*Обнимает Додашвили.*) Ваше признание, ваша любовь делают меня счастливым... (*Слезы душат его, он садится.*)

Г а в р и л о в (*Бектабегову*). Видите, князь, какие дела творятся. Обо всем этом надо тотчас довести генералу. Вы оставайтесь, а я поспешу! (*Уходит.*)

П у ш к и н (*внезапно встает, выпрямляется*).

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный,

К нему не зарастет народная тропа,

Вознесся выше он главою непокорной

Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —

И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о Муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемля равнодушно,
И не оспаривай глупца».

(Тяшина. Присутствующие как бы осознают величие этих
красоческих слов.)

ЗАНАВЕС МЕДЛЕННО ЗАКРЫВАЕТСЯ

Редактор *Б. Корнеев*

Техредактор *Е. Братко*

Корректор *Е. Доморацкий*

Сдано в производство 9/III-1939 г.

Подписано к печати 21/VII 1939 г.

Печатных листов $5\frac{5}{8}$. Число типо-

графических знаков в 1 печатн. листе

50.176. Бумага 72×105. Тираж

10100. Уполномоченный Главлита

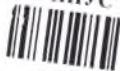
№ В 1157. Заказ № 789.

Цена 2 руб. 80 коп.

Переплет 1 руб. 50 коп.

4 руб. 30 коп.

ИБ ПУС

6631

Типография им. А. Ф. Мясникова Издательства „Заря Востока“.

Тбилиси, пр. Руставели, № 36